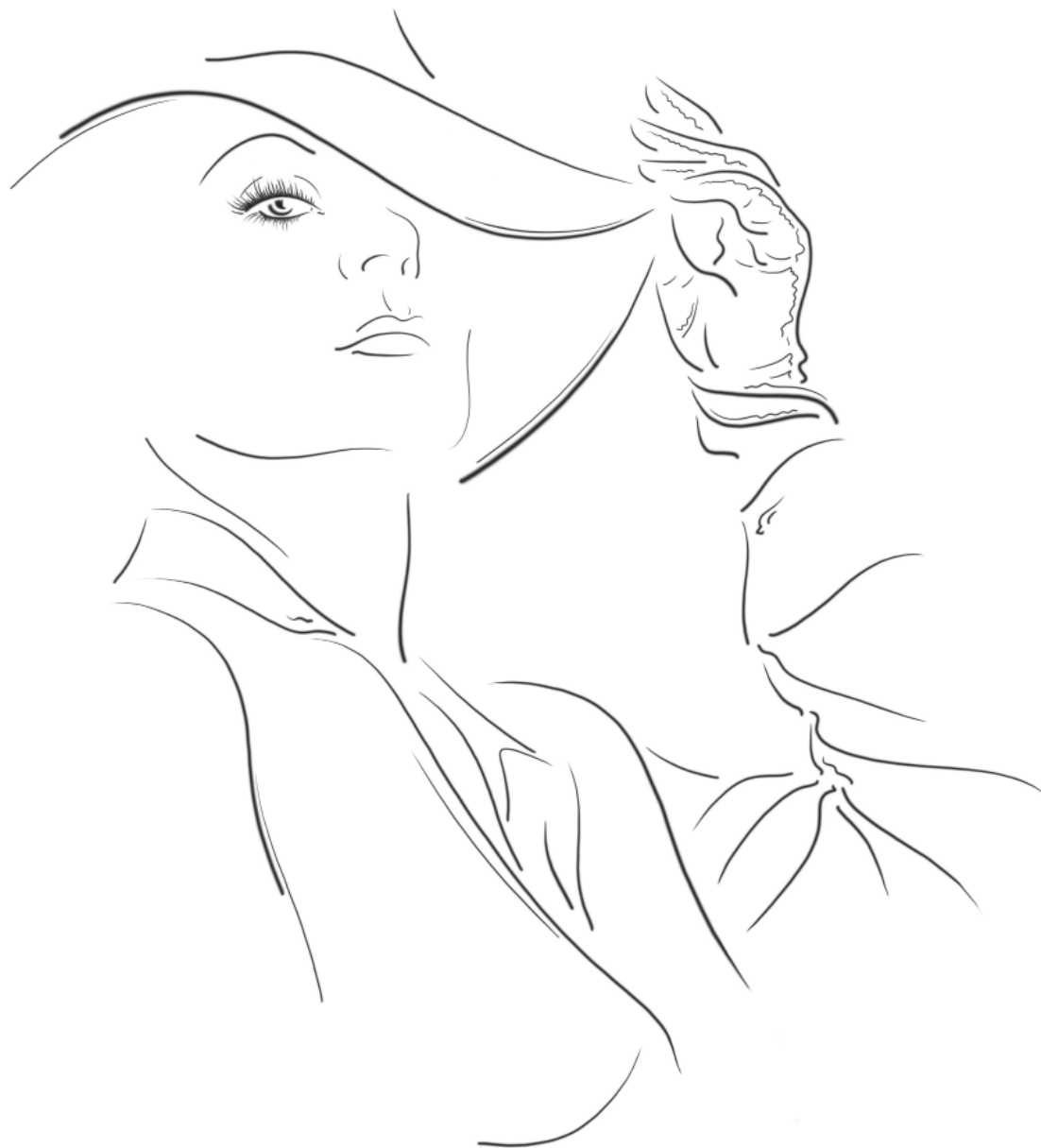

КАТАРИНА ТОДОРЦЕВА-ХЛАЧА
ЕСЛИ БЫ ЭТО БЫЛО ВОЗМОЖНО

KATARINA TODORCEV HLAČA

AKO BI TO BILO MOGUĆE...

КАТАРИНА ТОДОРЦЕВА-ХЛАЧА

ЕСЛИ БЫ ЭТО БЫЛО ВОЗМОЖНО...

ИЛЛЮСТРАЦИИ ВЛАДИМИРА ШОРОХОВА

AKO BI TO BILO MOGUĆE...

ILUSTRACIJE VLADIMIRA ŠORHOVA

ZAGREB 2021

Katarina Todorcev Hlača
Катарина Тодорцева-Хлача

Ako bi to bilo moguće...
Если бы это было возможно...

Autor ilustracija: Vladimir Šorohov
Автор иллюстраций: Владимир Шорохов

Urednica: Eugenija Čuto
Редактор: Евгения Чуто

Prijevod na hrvatski jezik:
Viktorija Todorceva Žinić
Перевод на хорватский язык:
Виктория Тодорцева-Жинич

Lektura i korektura:
Eugenija Čuto – ruski jezik
Sanja Radulović – hrvatski jezik
Корректурa:
Евгения Чуто – русский язык
Саня Радулович – хорватский язык

Naklada:
300 primjeraka
Тираж:
300 экземпляров

Grafičko oblikovanje:
Taumedia d.o.o.
Графическая верстка и дизайн:
Taumedia d.o.o.

Tisak:
Crabattus Media d.o.o.
Печать:
Crabattus Media d.o.o.

Nakladnik:
Savez Rusa Republike Hrvatske
Издатель:
Savez Rusa Republike Hrvatske

Za nakladnika:
Katarina Todorcev Hlača
От издателя:
Катарина Тодорцева-Хлача

ISBN **978-953-58327-4-4**

CIP zapis dostupan u računalnom katalogu Nacionalne i
sveučilišne knjižnice u Zagrebu pod brojem **001083626**.

Zagreb, 2021.

От автора

Сборник рассказов под названием «Если бы это было возможно...» объединяет тематика, в которой ведущую роль играют различные описания связи технического прогресса и социального устройства общества будущего, причудливые варианты влияния технологий на социум. Героини всех 18 рассказов — женщины (за исключением одной, «заточенной» в теле мужчины), каждая из которых, зайдя в тупик, пытается найти свое место в жизни при помощи необычных технологий и необычных собеседников.

Действие помещается в реальную среду, где в сюрреалистических обстоятельствах раскрываются черты характера человека. Спроектировать или изменить реальность, обменяться телами с другим человеком или осуществить заветное желание становится возможным с применением утопической технологии, которая одновременно раскрывает сущность действующих лиц, разоблачает их поднаготную, дает возможность читателю оценить жизненную ситуацию персонажа и согласиться

или не согласиться с его выбором. Благодаря «компиляции», «моделированию», «проекции», «реконструкции» и «замене» герои рассказов обнажают свои сокровенные желания, моральные качества и психологические свойства личности.

Uvodno slovo

Knjiga „Kad bi to bilo moguće...“ autoričin je prvi pokušaj izražavanja u prozi, u obliku kratke priče. Svaka od osamnaest priča ima jednostavnu radnju, koja opisuje obične ljude i njihove probleme, koji su neočekivano dobili priliku promijeniti svoj život.

Priče su napisane u žanru društveno – psihološke fantastike.

Osamnaest priča objedinjuje tematika u kojoj vodeću ulogu igraju raznovrsni opisi tehnološkog napretka i društvenog uređenja budućnosti – bizarne mogućnosti utjecaja tehnologije na čovjeka i društvo. Stvaranje nerealnih situacija - s jedne strane omogućuje prikaz društva kroz neobične - nepostojeće (za sada) okolnosti, dok s druge strane istražuje smjerove društvenog razvoja i upozorava na opasnosti koje takvi trendovi mogu donijeti.

Čitatelja se jednostavno uvodi u tijek priče koja gotovo da ne sadrži pozadinske događaje, nego se usredotočuje na glavni. Radnja se odvija i završava tako da se čitatelj može poistovjetiti s likovima te odlučiti slaže li se s njima ili ih osuđuje.

Autorica se nada nastaviti tradiciju proznog stvaralaštva koju su započele prethodne generacije u krugovima pripadnika ruske nacionalne manjine u Hrvatskoj.

РЕКОНСТРУКЦИЯ

REKONSTRUKCIJA

МАРИ

— Мари, Мари, с вами все в порядке?

Сотрудник фирмы вот уже добрых пять минут стучал в дверь бокса.

Маша очнулась от его голоса. Какая там Мари? Маша я. Хотя здесь, в Париже, наверное, все-таки Мари. Да и мама уже привыкла меня так называть, на французский манер.

Если бы пять лет назад Маше сказали, что она тайком от Пьера пойдет на реконструкцию, она бы только рассмеялась.

Несколько месяцев назад Пьер, как бы в шутку, спросил, не ощущает ли она зов природы? Он был бы не против, чтобы в их просторной квартире поселился еще кто-то, вместе с сосками, пеленками, игрушками и режущимися зубками. Маша тогда отшутилась, что должна подумать над его предложением, но во всяком случае прислушается к «зову», если он предложит ей приемлемые варианты.

Собственно, вариантов было только два. Полностью положиться на эту самую природу или пройти процедуру реконструкции. Многие ее знакомые не захотели рисковать и обратились в фирму, но были и такие, которые решили, что пусть все идет естественным путем.

Настораживало то, что после реконструкции многие вообще отказались от идеи заводить детей. Чем это было вызвано, никто из прошедших процедуру особенно не хотел распространяться, но все сводилось к тому, что увиденное не соответствовало желаемому. Мама не вмешивалась, сказала только, что, если бы у нее в свое время была такая возможность, Маша была бы ее единственным ребенком. Зная, какие неприятности доставляет младшая сестрица, Маша решила маму больше не беспокоить.

Пьер тоже не подходил в качестве советчика. Маша заранее знала его ответ: «Сделай, как считаешь нужным». Ее чудесный муж давал ей чересчур много свободы, а так иногда хотелось, чтобы кто-то другой принял решение, ну и, соответственно, взял на себя всю ответственность.

— Что, дорогая, – обращаясь к своему отражению в луже, прошептала Маша, – правда очень хочется кого-то обвинить, если не получится «по шучьему велению, по моему хотению»? Дудки, дорогая, придется, как всегда, самой.

— Собственно, что произойдет, – уговаривала себя Маша, – если я узнаю, что меня ждет?

— Не надо себя обманывать, – возражала «другая» Маша, рациональная. – Это значит, что ты или откажешься от ребенка или родишь и все время будешь ждать неприятностей.

– А если заглянуть в близкое будущее?

— И что это тебе даст? Пока маленькие – все хорошие, ну, или почти все, это потом уже кто-то превращается в монстра, а кто-то вырастает хорошим человеком.

— А как же воспитание? – продолжила Маша полемику со своим вторым «я».

— Шутить изволите? Давно доказано, что воспитание дает только десять процентов результата, остальное – генетика. Как ты тогда объяснишь, что в одной семье вырастают совершенно разные по характеру дети? Их что, по-разному воспитывали?

— И что, совсем-совсем ничего нельзя изменить?

— Нельзя!

Маша вздрогнула. К ней обращался совершенно незнакомый человек, похожий чем-то на Воланда, как его описал Булгаков в «Мастере и Маргарите».

— Не бойтесь, я не умею читать мысли, но вы обсуждали сами с собой проблему вслух, а я совершенно случайно обратил внимание и понял, о чем идет речь, так как уже двадцать лет занимаюсь реконструкциями. Меня зовут Вольдемар Дюпре, вот моя визитка, здесь есть и адрес фирмы. Надумаете – позвоните, я вам назначу время консультации и отвечу на все интересующие вас вопросы.

Через неделю Маша решила позвонить загадочному незнакомцу. Именно столько ей понадобилось, чтобы убедить себя в том, что консультация еще не реконструкция, и она в любой момент сможет от нее отказаться.

В просторном холле Машу встретила сотрудница фирмы, спросила, в какой обстановке ей будет удобнее всего разговаривать: в кабинете, библиотеке, гостиной или на открытой террасе? Маша выбрала террасу, и девушка провела ее в удобно обустроенный зеленый уголок на крыше парижского здания. Никаких следов современной технологии она не заметила и вскоре совсем успокоилась. В конце концов, что произойдет, если она задаст Дюпре всего лишь несколько вопросов? В зависимости от его ответов она и примет решение.

Вольдемар возник, казалось, ниоткуда. «Точно как Воланд, – подумала Маша. – А что, если все это просто надувательство? Хотя за двадцать лет существования реконструкции результаты подтверждали, что она верна процентов на 90. Были у Маши и знакомые, которые не поверили реконструкции и сейчас об этом жалели.

— Итак, что вас интересует: будет ли ребенок спать по ночам, закончит ли институт или в каком возрасте сделает вас бабушкой?

— Вы можете даже внуков мне реконструировать?

— В принципе, все возможно, но так далеко идти просто нет смысла. Во-первых, после 20–25 лет возможность погрешности увеличивается, а сами по себе события не так уж и важны. А во-вторых, вас ведь интересует, как у вас будут складываться отношения и каким он или она вырастет человеком. Первые результаты можно анализировать уже в 12–14-летнем возрасте. Еще один контрольный замер делается в 25 лет, когда личность уже полностью сформировалась и ожидать каких-либо существенных изменений нереально.

Маше захотелось поскорее подвергнуться реконструкции, но она задала еще один вопрос.

— В процессе реконструкции только я буду общаться со своим ребенком, или это будет вся наша семья, друзья, знакомые, его одноклассники?

— Естественно, вы не сможете оценить ситуацию в «закрытом» общении. События будут разворачиваться в семье, в кругу друзей и знакомых. Кроме того, у вас будет возможность сравнить, увидеть других детей и их модели поведения.

И вот теперь Маша постепенно приходила в себя после реконструкции. Увиденное ее отнюдь не порадовало. «Реконструированное» чадо по характеру было похоже на ее сестру. Два неуравновешенных члена семьи, объединив усилия, довели окружающих до отчаяния. Все попытки изменить ситуацию разбивались о глухую стену. Пьер ушел к другой женщине. Мягкий и снисходительный, он просто не смог выдержать чудовищный натиск собственного подросткового ребенка. Мама окончательно впала в депрессию, а сама Маша разрывалась между любовью к сыну и ненавистью к его отвратительному характеру.

Перепуганному сотруднику все же удалось открыть дверь бокса, а за дверью ее уже ждал Вольдемар.

— Вижу, что реконструкция вас сильно разочаровала. К сожалению, это часто случается, и многие отказываются иметь детей, зная, что их ждет в будущем.

— Неужели ничего нельзя сделать? А каким будет второй ребенок, если я решусь родить еще одного?

— К сожалению, наша технология может прогнозировать только поэтапно. После того как родится первый, через некоторое время можно будет сделать следующую реконструкцию. Возможно, она покажет, что вы вообще больше не захотите иметь детей.

— А как же с усыновленными детьми, это тоже можно увидеть с помощью реконструкции? — как утопающий за соломинку, ухватилась Маша за первое, что пришло ей в голову.

— Не хотел вас наводить на эту мысль, но раз вы сами к ней пришли... Видите ли, недавно мы разработали технологию, с помощью которой ребенка можно выбрать...

— Как в магазине? — изумилась Маша.

— Да, пожалуй, как в магазине. За определенную сумму вы пройдете ряд генетических тестов, и мы создадим несколько реконструкций, из которых вы сможете выбрать то, что вам подходит. Осталось только решить, что будем делать с отработанным материалом.

— Каким отработанным материалом?

— Видите ли, каждая реконструкция как бы создает прототип будущего человека. То есть, если вы решаете уничтожить свой генетический материал, то это нечто вроде аборта. Этого ребенка уже никогда не будет существовать в природе, и точно так же, как после аборта, есть риск, что вы уже никогда не сможете иметь детей.

Маше опять представился сын, с которым они в процессе реконструкции катались на лыжах, плескались в бассейне, хохотали в цирке как сумасшедшие, запускали змея и ели наперегонки мороженое. И хотя она теперь точно знала, что иногда будет очень и очень тяжело, вдруг подумала: «Но ведь это же 90 процентов, у меня есть еще 10, которые могут хоть что-то изменить».

MARI

Mari, Mari, je li s Vama sve u redu?

Zaposlenik firme već je pet minuta kucao na vrata komore.

Maša se trznula. Pa on to mene zove – Mari. Kakva Mari? Ja sam Marija, Maša. Zapravo, ovdje, u Parizu, ipak Mari. Čak se i mama navikla da me tako zove.

Da su Maši, prije pet godina rekli, kako će kriomice, da joj ne sazna muž, otići na rekonstrukciju, dobro bi se nasmijala.

Prije nekoliko se mjeseci Pierre našalio i pitao je otkucava li njezin biološki sat? Dao je naslutiti kako nema ništa protiv da u njihovom prostornom stanu smjesti se još jedan stanar - zajedno s dudama, pelenama, igračkama pa čak i noćnim bdijenjima. Maša je na šalu odgovorila šalom, rekavši da mora razmotriti njegov prijedlog i svakako upitati biološki sat kakve mogućnosti predlaže.

Zapravo, postoje samo dvije mogućnosti. Pustiti sve da ide svojim tijekom ili obaviti rekonstrukciju. Mnogi poznanici nisu željeli riskirati i obratili su se firmi koja pruža ovu uslugu. Bilo je i onih koji su odlučili sve prepustiti prirodi.

Pomalo je plašila činjenica da su neki nakon rekonstrukcije odlučili da uopće neće imati djecu. Nitko nije želio naširoko objasnjavati zašto je donio takvu odluku, ali se sve svodilo na to da viđeno nije bilo u skladu s očekivanjima.

Mama se nije miješala, samo je rekla da je ona u njezino vrijeme imala takvu mogućnost, Maša bi bila jedinica. Znajući kakve joj neprilike zadaje mlađa sestra, Maša je mamu odlučila poštedjeti takvih razgovora.

Savjetovati se s mužem bilo je besmisleno. Maša je unaprijed znala njegov odgovor: napravi onako kako ti želiš. Njezin voljeni Pierre joj je davao previše slobode, a Maša je željela da on povremeno donese konačnu odluku, odnosno preuzme odgovornost.

- Što je draga? – upitala je Maša svoj odraz u lokvi, - želiš nekog drugog okriviti ako ne ispadne onako kako si zamislila? Šipak! Sama si, kao i uvijek.

- Doduše, - umirivala je Maša samu sebe, - što će se dogoditi ako doznam što me čeka?

- Ne treba se zavaravati, - uzvraćala je “druga” pragmatična Maša.

- Dobro znaš, da ćeš ti, ili potpuno odbaciti mogućnost imati dijete, ili u suprotnom, stalno živjeti u iščekivanju nesreće.

- Ali mogu pogledati bližu budućnost.

- I što ćeš uvidjeti? Svi mališani su slatki, a tek se kasnije netko pretvara u monstruma, a netko postane normalna odgovorna osoba.

- A odgoj? – nastavila je Maša diskusiju sa svojim drugim „ja“.

- Šališ se? Davno je dokazano kako je odgoj samo deset posto rezultata, ostalo je genetika. Kako bi inače objasnila da u istoj obitelji mogu odrasti apsolutno različite osobe? Njih su odgajali svakog ponaosob?

- Znači ništa se ne može promijeniti?

- Ne! Ništa! – čula je glas iza leđa.

Maša se okrenula i ugledala je nepoznatog muškarca.

- Ne bojte se, ja ne znam čitati misli. Govorili ste naglas, a ja sam slučajno čuo i shvatio o čemu se radi jer se već dvadeset godina bavim rekonstrukcijama. Zovem se Valdemar Dupre. Evo moje vizitkarte, tamo je i adresa firme. Ako odlučite – nazovite. Dogovorit ćemo termin za konzultaciju pa ću odgovoriti na sva Vaša pitanja.

Tjedan dana kasnije Maša je odlučila nazvati. Toliko je samu sebe uvjerala da konzultacija još nije rekonstrukcija i da može odustati.

Mašu je u prostranoj dvorani dočekala zaposlenica firme te upitala gdje bi voljela razgovarati: u radnoj sobi, knjižnici ili na otvorenoj terasi? Maša je odabrala terasu i žena ju je povelala, u divno uređen, okružen zelenilom, prostor na krovu pariške zgrade. Nikakve uvrnute tehnologije nije bilo na vidiku pa se Maša potpuno opustila. Uostalom, što će se dogoditi ako postavi nekoliko pitanja? Na temelju tih odgovora može donijeti konačnu odluku.

A što ako je sve ovo samo spretna prijevara? Ipak, u dvadeset godina postojanja rekonstrukcije, rezultati koji su poznati javnosti, bili su 90% sigurni. Maša je čak osobno poznavala ljude, koji nisu ozbiljno shvatili rezultate pa su kasnije požalili.

Valdemar se stvorio naizgled niotkuda.

- Onda, što vas zanima? Hoće li djetesce noću spavati, hoće li završi fakultet ili kada ćete postati baka?

- A vi možete i unuke rekonstruirati?,- nasmijala se Maša.

- U principu je moguće, ali nema smisla gledati tako daleko. Prije svega zato što se dalje od 20-25 godina mogućnost pogreške povećava. S druge strane, sigurno Vas zanima kakav ćete odnos imati sa sinom ili kćeri i

kakva će on ili ona postati osoba. Prvi rezultati se mogu analizirati već s 12-14 godina, a još jedno kontrolno mjerenje radimo s 25 godina kada je osobnost već formirana i kada je nerealno očekivati radikalne promjene.

Maša je odmah poželjela proći proceduru rekonstrukcije, ali je ipak postavila još jedno pitanje:

- Tijekom rekonstrukcije, hoću li samo komunicirati sa svojim djetetom, ili mogu vidjeti i ukupnu sliku u krugu obitelji, prijatelja, poznanika ili kolega iz razreda?

- Razumljivo je da ne možete ocijeniti situaciju u "zatvorenoj" komunikaciji. Događaji će se odvijati u obitelji, s prijateljima i poznanicima. Osim toga, moći ćete ocijeniti modele ponašanja druge djece i usporediti.

Maša je polako dolazila sebi nakon rekonstrukcije. Ono što je saznala, nije ju nimalo oduševilo. Narav "rekonstruiranog" djeteta, bila je kao preslikana narav njezine sestre. Dva neuravnotežena člana obitelji, zajedničkim su snagama doveli svoju okolinu do ludila. Svaki pokušaj promjene situacije padao je u vodu. Pierre je otišao drugoj ženi. Blag, osjećajan i susretljiv, jednostavno nije mogao podnijeti napor vlastitog djeteta. Mama je pala u duboku depresiju, a Mašino se srce kidalo između ljubavi prema sinu i mržnje prema njegovom nesnosnom karakteru.

Preplašeni zaposlenik napokon je uspio otvoriti vrata boksa.

Na njegov poziv je došao Voldemar.

- Vidim da vas je rekonstrukcija silno razočarala. Nažalost, to se često događa. Mnogi odustanu od djece, kada doznaju kakvo ih razočarenje čeka.

- Zar se zaista ništa ne može promijeniti? A kakvo će biti drugo dijete, ako odlučim roditi još jedno?

- Nažalost, naša tehnologija može samo postupno prognozirati. Nakon što se rodi prvo dijete, možemo napraviti sljedeću rekonstrukciju. Može se dogoditi da ona pokaže, kako više uopće nećete imati djece.

- Recite, - kao utopljenik za slamku, uhvatila se Maša, - A kako je s posvojenom djecom? Može li se i to isto može vidjeti uz pomoć rekonstrukcije?

- Nisam htio započinjati tu temu, ali kada ste već sami to spomenuli... Radi se o tome da smo nedavno razradili tehnologiju, primjenom koje ćete moći odabrati dijete.

- Kao u dućanu? – začudila se Maša.

- Da, može se reći "kao u dućanu". Postoji niz genetičkih testova koji jesu nažalost skupi, ali možemo stvoriti nekoliko rekonstrukcija iz kojih ćete sami odabrati ono što Vam odgovara. Sada morate odlučiti što ćemo napraviti s iskorištenim materijalom.

- Kakvim materijalom?

- Radi se o tome da je svaka rekonstrukcija - zapravo projekcija stvarne osobe. Odnosno, ako vi odlučite odustati, mi moramo uništiti Vaš genetski materijal. To je nešto poput pobačaja. To se dijete nikada neće roditi. Isto tako, kao i nakon pobačaja, može se dogoditi da više nikada nećete moći imati djece.

Maša je ponovo zamislila sina iz rekonstrukcije: s kojim su skijali, zafrkavali se na bazenu, smijali do suza u cirkusu, puštali zmaja i natjecali se tko će prije pojesti sladoled.

Zatim, iako je znala da će ponekad biti jako teško, Maša pomisli: "ali to je samo 90 posto! Imam još 10% na koje mogu utjecati i nešto promijeniti".

КАТЯ

Игрушки Катя не любила. Впрочем, игрушками она называла все, что не имело практического значения.

Мама, бывало, сокрушалась, разглядывая очередную куклу, которую Катя подстригла под мальчика или выворотила ей пищалку, чтобы посмотреть, как там внутри все устроено.

— И в кого ты такая уродилась? – вздыхала мама. – А я так хотела девочку, чтобы играть с ней в кукольный дом, надевать ей платьица, делать прически и делиться секретами.

Все это маме удавалось осуществить примерно до Катиного третьего дня рождения, кроме секретов, разумеется, ей просто еще нечем было делиться. Разве что сообщить маме «по-секрету», что очередное воздушное платьице она порвала и перепачкала в мазуте, когда лезла с соседским Вовкой под машину его отца проверить, где там капает масло, так как дядя Витя никак не мог определить причину поломки.

Практичность штанов на лямках и свободных маек Катя оценила в детском саду. С тех пор платьям с оборочками, плиссированным юбочкам и блузочкам с кружавчиками был дан от ворот поворот. Вместо лакированных туфелек на ногах у Кати теперь красовались удобные кроссовки, а вместо кокетливой соломенной шляпки, которую мама с таким трудом подобрала к платьицу, – бейсболка.

В садике она пользовалась непререкаемым авторитетом. Первой никогда не затевала склоку, но и себя в обиду не давала. Особое отношение у нее было к новеньким, которых Катя сразу брала под свою защиту, помня, как самой поначалу пришлось не сладко.

Папу Катя не помнила. Вернее, было что-то в ее раннем детстве большое и бородатое, что поднимало ее в воздух сильными руками. Мама на эту тему не распространялась. Сказала только, что папа был геолог и погиб в экспедиции. Сначала, конечно, Катя верила маме, но потом, уже в школе, оказалось, что у половины класса папы или погибли в экспедиции, или в авиакатастрофе, так как были летчиками-испытателями. В старших классах выяснилось, что большинство пап просто ушли из семьи и о «бывших» детях не вспоминали. Однако мама стояла на своем, и Катя решила больше не поднимать этот вопрос. Погиб так погиб, какая, в конце концов, разница?

О дочке, которая больше похожа на мальчика, мама погоревала лет до 12, а потом оценила Катини технические способности. Мастера из ЖЭК-а уже вызывать не приходилось. Краны не текли, полочки были прочно прибиты к стенам, картины надежно висели на крючках, а замки закрывались.

Мама умерла, когда Катя закончила институт. Защиту диплома они еще вместе праздновали в ресторане, а на церемонию вручения мама прийти уже не смогла, она умирала в больнице.

Катя влетела в палату, размахивая синенькой книжицей. Мама ждала ее. Из последних сил приподнялась, обняла свою золотую девочку и предупредила, чтобы не плакала на похоронах, а затем смущенно попросила положить с ней в гроб куклу, которую папа подарил Кате на ее третий день рождения. Катя, злясь на маму за то, что оставляет ее одну, на себя за то, что ничего не может сделать, и на весь мир за его несправедливость, конечно же, пообещала, но в суматохе с оформлением вороха бумаг и организацией похорон про куклу забыла.

Вспомнила она про нее спустя несколько дней после поминок, когда, разбирая мамины вещи, нашла куклу на полке в шкафу. Оказалось, что мама куклу отмыла, причесала, одела в Катини детские вещички и спрятала на свою полку, подальше от Кати. Теперь кукла сидела рядом с ней на диване и напоминала о маме, что было одновременно и больно, и радостно.

Привычку вздремнуть на диване с книгой в руках Катя приобрела недавно. Сказывался напряженный рабочий день диспетчера в большом международном аэропорту. Эту работу она получила не так давно и изо всех сил старалась доказать мужской части коллектива, что не хуже их справляется с ответственной работой.

В тот вечер ей в руки попался Голсуорси, но, несмотря на захватывающее действие романа, глаза у нее слипались наперекор желанию прочитать сегодня еще одну главу.

Разбудило ее отчетливо произнесенное механическим голосом слово «мама». «Показалось, – подумала Катя, – или, может быть, мама дала починить пищалку, а я задела куклу во сне рукой, вот она и ожила». Окончательно проснувшись, Катя первым делом приподняла кукле платице.

Что за ерунда? На месте пищалки по-прежнему красовалась дыра. Нет, точно показалось, ведь куклы без пищалок не могут говорить. Катя вновь взялась за книгу.

Не успела она перевернуть страницу, как опять отчетливо услышала: «Мама». «Похоже, я грежу наяву, – решила Катя, но кукла снова внятно произнесла — мама, хочу маму!» «Я тоже хочу маму, – подумала Катя, а вслух сказала — мамы больше нет и не будет».

В этот момент в памяти всплыла реклама, которую вот уже несколько дней крутили по телевизору: «С нашей помощью вы сможете вновь почувствовать присутствие дорогих людей, покинувших этот мир». Тогда Катя не обратила внимания на подобное предложение. Конечно, техника шагает вперед семимильными шагами, но общение с усопшими – это, извините, из области фантастики. Наука это называет шарлатанством.

Тем не менее, то ли говорящая кукла, то ли острое желание еще раз обнять маму заставило ее включить телевизор и дождаться рекламы. Катя записала адрес фирмы, но спустя несколько дней благополучно забыла об этом странном происшествии.

Вспомнила она о необычной услуге в день маминого рождения и решила по дороге на кладбище заглянуть в фирму, чтобы расспросить обо всем подробнее.

Встретили ее приветливо и предложили подождать главного специалиста, который как раз заканчивал одну из реконструкций и через десять минут мог бы ею заняться. В ожидании специалиста Катя ознакомилась с проспектом фирмы и решила, что все-таки попала к шарлатанам. Перечень предлагаемых услуг был, мягко говоря, странным, но Катя, сама не зная почему, все-таки решила остаться.

Человек, появившийся из глубины помещения, показался Кате старым знакомым. Высокий лоб, зеленые глаза и приветливая улыбка располагали к себе.

— Хочу вас сразу предупредить, что прежде чем вы решитесь повидать своих родителей, вам нужно очень хорошо об этом подумать, – вместо приветствия произнес он. – Кстати, меня зовут Вольдемар.

— Как вы догадались, что речь идет о моей маме? У вас ведь обширный перечень услуг.

— Каков бы я был волшебник, если бы сразу не смог определить, с какой целью сюда человек пришел, – рассмеялся Вольдемар.

— Ивините, — замылась Катя, — вы только что сказали, что если я решусь встретиться со своими родителями, то мне надо будет хорошо подумать. Что вы имели в виду?

— Видите ли, когда речь идет о реконструкции детей или любимых, то человеку достаточно довериться своему сердцу, но уход родителей, несмотря на всю боль и несправедливость, особенно если человек ушел слишком рано, – это все-таки естественный ход событий. Знаете, родители должны уходить раньше своих детей. В процессе реконструкции у вас будет возможность остаться

в промежуточной реальности, но, по-моему, это неправильно. Ни один родитель не захочет лишить ребенка его судьбы, даже ценой собственной жизни.

— Могли бы вы поподробнее объяснить, в чем суть реконструкции и что происходит в том или ином случае?

— Дело в том, что во время реконструкции при вашем участии создается генетический материал, который, когда вы возвращаетесь, уничтожается навсегда.

— Вы хотите сказать, что моя мама существует в промежуточной реальности и, если я пройду процедуру реконструкции, она исчезнет навсегда?

— Вы совершенно точно описали весь процесс и его результат.

Кате было над чем задуматься. Конечно, она бы много дала за то, чтобы встретиться с мамой и, наконец, поделиться с ней своими секретами, о чем мама всегда так мечтала. С другой стороны, отнять у мамы шанс на существование в какой-то там загадочной промежуточной реальности было бы чистым свинством с ее стороны.

— А мама и папа там встретились? – неожиданно для себя самой спросила Катя, втайне надеясь, что ответ поможет ей принять правильное решение.

— Да. Они очень рады, что вновь нашли друг друга.

— Спасибо вам. Я, пожалуй, пойду, а то скоро начинается моя смена, а мне еще надо к маме на кладбище заехать, рассказать, что я устроилась на хорошую работу, что у нас прекрасный коллектив, и, вообще, посекретничать.

КАТЈА

Katja nije voljela igračke. Naime, “igračkama” je nazivala sve predmete koje nemaju praktičnu svrhu.

Mama se svaki puta rastužila kada bi ugledala još jednu lutku, kojoj je Katja izvadila sve pišteće dijelove ne bi li vidjela kako zapravo radi.

- Na koga si takva?, - uzdisala je mama. – Oduvijek sam htjela curicu s kojom bih mogla graditi kućice za lutke, oblačiti haljinice, raditi frizure i povjeravati tajne.

Tako je i bilo do Katjinog trećeg rođendana, sve osim tajni. Jedino što je Katja mami mogla povjeriti, bilo je to da je opet poderala i isprljala haljinicu dok se s prijateljem zavukla pod auto njegovog tate.

Katja je već u vrtiću shvatila da su hlače s naramenicama i široke majice vrlo praktične pa je odbijala odijevati haljinice, plisirane suknjice i čipkaste bluze. Udobne tenisice su zamijenile lakirane cipelice, a šilterica - lijepi slamnati šeširić - koji je mama pomno izabrala.

U vrtiću su je smatrali djetetom koje nikada prvo ne pokreće svađu, ali koje se zna obraniti, ako je to potrebno. Poseban je odnos imala s novopridošlom djecom, uzevši ih pod svoje okrilje, jer je znala da ni njoj nisu bili laki početci u kolektivu.

Katja se nije sjećala svog tate. Znala je samo da je postojao netko bradati, tko ju je dizao jakim rukama i bacao u zrak. Mama nije pričala o tome. Rekla je jedino da je tata bio geolog i da je poginuo u ekspediciji. Na početku je Katja, naravno, vjerovala mami sve dok kasnije nije shvatila da su očevi polovine djece iz razreda poginuli u ekspediciji ili zrakoplovnoj katastrofi. U višim je razredima saznala da su većinu obitelji očevi napustili i da nisu posjećivali “bivšu” djecu. Međutim, mama je i dalje tvrdila svoje, tako da Katja više nije ništa ispitivala. Više nije ni važno.

Do Katjine dvanaeste godine mama je žalila što njezino ponašanje više nalikuje ponašanju muškarca, ali je s vremenom naučila cijeniti njezine tehničke sposobnosti. Ako bi se nešto u kući pokvarilo, više nije morala zvati majstora. Iz slavina nije curilo, sve su police kao i slike bile dobro pričvršćene na zid, sve su brave funkcionirale.

Mama je umrla kad je Katja završila fakultet. Obranu diplome su zajedno proslavile u restoranu, ali na dodjelu mama više nije mogla doći, jer je umirala u bolnici. Katja je utrčala u sobu s plavom knjižicom u ruci. Mama ju je čekala. Zagrlila je svoju zlatnu curicu i zamolila da ne plače na sahrani, samo da joj u grob stavi lutku koju je Katja dobila od tate za svoj treći rođendan i jedinu koju je mama spasila. Katja je bila ljuta. Na mamu, jer ju je ostavila samu. Na sebe, jer ne može ništa napraviti. I na cijeli svijet, jer je nepravedan. Obećala je ispuniti maminu molbu, ali nažalost u strci oko organizacije sprovoda, potpuno je na to zaboravila.

Lutke se sjetila tek kad su prošle karmine, pronašavši je raspremajući mamine stvari. Mama je lutku dobro oprala od svih "intervencija", počesljala je, obukla u Katjinu haljinicu te sakrila duboko u ormar što dalje od kćeri.

Stavila je lutku pored sebe na kauč, u spomen na mamu, što je bilo istovremeno i bolno i umirujuće.

Nedavno je stekla naviku popodnevnog odmaranja uz knjigu, nakon napornog rada dispečera u velikoj međunarodnoj zračnoj luci. Nedavno je dobila ovaj posao i otkako je tamo pokušava dokazati muškom dijelu kolektiva da ne radi ništa lošije od njih.

Te je večeri čitala Galswortya, te pokušavala, unatoč umoru, držati oči otvorene kad je začula mehanički glas koji je rekao "mama". "Učinilo mi se, - pomislila je Katja - , ili je možda mama odnijela lutku na popravak pa je ona sad, kada sam je dodirnula, oživjela".

Potpuno se razbudivši, prvo je podigla lutki haljinu. Umjesto onog mehaničkog dijela koji je odgovoran za "pričanje", bila je rupa.

Nije stigla pročitati sljedeću stranicu do kraja, kad je opet vrlo jasno čula : "Mama".

"Čini se da budna sanjam", - uzdahnula je Katja, ali lutka je opet rekla: "Mama, želim mamu!"

"Ja isto želim mamu", pomislila je, a naglas je rekla:

- Mame više nema.

Istog se trena sjetila reklame koja se vrtjela na televiziji: "Uz našu pomoć opet ćete osjetiti prisutnost bliskih vam osoba, koje su napustile ovaj svijet". Do sada Katja nije obraćala pažnju na nju. Naravno, tehnologija se razvijala brzinom svjetlosti, ali kontaktiranje umrlih osoba je samo bolesna fantazija. Znanost to naziva šarlatanstvom.

Bez obzira na to, „pričajuća lutka“ i neizmijerna želja da još jednom zagrlji mamu, natjerala ju je da uključi televizor i pričekaju tu reklamu. čak je zapisala i adresu firme, ali je ipak za nekoliko dana zaboravila na taj događaj.

Sjetila se te neobične ponude tek na mamin rođendan i na putu do groblja je odlučila da će navratiti u firmu i vidjeti o čemu se radi.

Dočekali su je jako susretljivo i zamolili da pričekaju glavnog stručnjaka koji upravo završava jednu rekonstrukciju te će je primiti za deset minuta. Dok je čekala, Katja je pročitala reklamni letak i pomislila kako se tu ipak radi o prevari. Ponuda je bila čudna i širokog spektra usluga, te nije ulijevala povjerenje. Ipak, Katja je - ni sama ne znajući zašto - odlučila ostati.

Taj stručnjak, koji se pojavio iz dubine hodnika, joj se učinio nekako poznatim.

- Želim Vas odmah upozoriti, prije nego li se odlučite na sastanak sa svojim roditeljima, morate jako dobro razmisliti, - rekao je umjesto pozdrava, - Moje ime je Voldemar.

- Kako ste znali da se radi o mojoj mami? Vi ovdje imate nabrojane svakakve usluge.

- Ne bih ja bio čarobnjak, da ne mogu odmah uočiti, zbog čega je netko došao, - nasmijao se Voldemar te odmah nastavio : - Gledajte, kad se radi o rekonstrukciji buduće djece ili partnera, osobi je dovoljno slušati svoje srce. Ali odlazak roditelja, bez obzira na svu bol i nepravdu, pogotovo ako su umrli prerano, to je ipak prirodan tijek događaja - roditelji odlaze prije svoje djece. U procesu rekonstrukcije imate mogućnost ostati u međuprostoru, ali meni se to čini neispravnim. Ni jedan roditelj ne želi da dijete ne ispuni svoju sudbinu, čak ni pod cijenu vlastitog života.

- Biste li mi onda objasniti samu bit rekonstrukcije i što se događa u jednom, a što u drugom slučaju?

- Radi se o tome da se stvara genetska materija koja se u slučaju vašeg povratka, uništava zauvijek.

- Vi želite reći da moja mama postoji u nekom međuprostoru i ako se ja odlučim na tu proceduru, kad se vratim natrag, ona će nestati zauvijek?

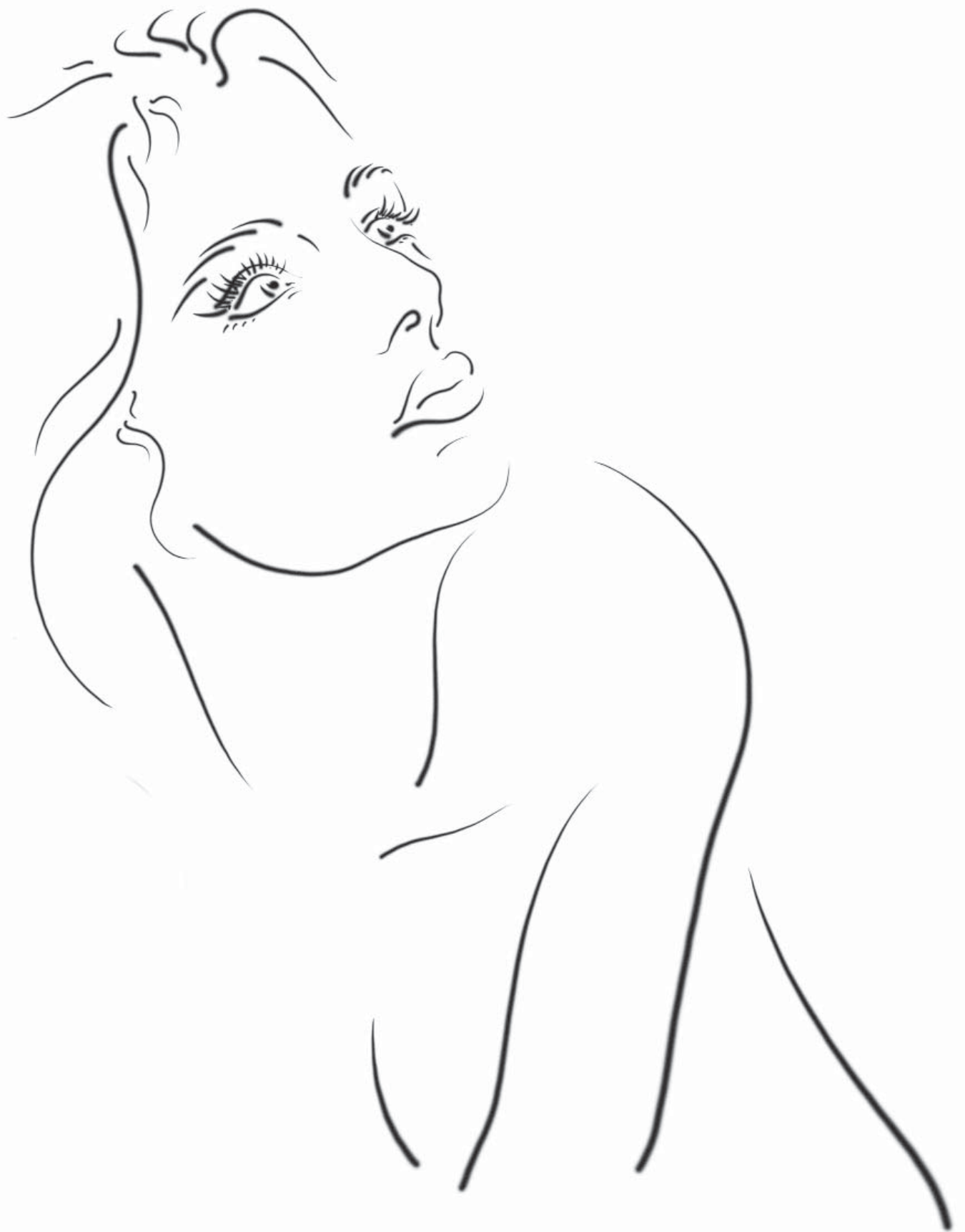
- Savršeno ste opisali proces i njegov rezultat.

Katja je morala razmisliti. Naravno, dala bi gotovo sve na svijetu da se još jednom može susresti s mamom i napokon joj ispričati sve svoje tajne, baš onako kako je mama oduvijek maštala. Ali, oduzeti mami priliku postojati, tamo negdje u zagonetnom međuprostoru, bilo bi jako sebično od nje.

- Jesu li mama i tata tamo zajedno?, - upitala je Katja, kako bi mogla lakše donijeti odluku.

- Da. jako su sretni što su ponovno pronašli jedno drugo.

- Hvala vam. Ipak, idem ja. Uskoro moram na posao, a prije toga još trebam stići običi mamin grob i ispričati njoj kako sam dobila dobar posao, da imamo super kolektiv i još puno svojih malih tajni.

Зоя

«Люблю, люблю, люблю...» – светились буквы на экране сотового телефона.

Зоя в недоумении уставилась на светящееся пятно, силясь понять, откуда взялся этот «привет из прошлого», которое она так старалась забыть.

Из ступора ее вывел голос Вадима:

— Ну что, согдится, пока твой в ремонте?

— Что в ремонте? Кому согдится? – пыталась сообразить Зоя, все еще глядя на экран.

Месяц назад она познакомилась с Вадимом, а сегодня у нее поломался сотовый, и ей в мастерской временно дали старую модель, которой она и сама пользовалась лет пять назад. Такие сообщения ей писал Влад, пока не пропал без вести во время какой-то секретной операции спецслужбы.

Как это сообщение могло прийти на аппарат, который ей дали во временное пользование, пока ремонтная мастерская не получит дефицитные запчасти для ее MANOLY последней модели?

«Показалось», – подумала Зоя. И вообще, не так уж и редко влюбленные пишут друг другу подобные сообщения. Если разобраться, то ничего необычного тут нет. По статистике, самые распространенные слова, которые употребляют влюбленные, – именно «люблю», «обнимаю», «целую», «жду», «не забуду». Ей ли, филологу, это не знать? Видно, оператор не стер все сообщения предыдущего бедолаги, который был вынужден пользоваться этим телефоном, пока его любимый мобильник в починке.

«Бред какой-то», – подумала Зоя и уже собиралась отключить сотовый, как он вдруг мяукнул, и на экране высветилось следующее сообщение: «Как тебе понравился вчерашний спектакль?» — «Что за бред? Откуда может возникнуть вопрос о вчерашнем спектакле?» — Зоя оглянулась по сторонам. Наверное, все-таки Вадим решил ее разыграть. Но Вадим что-то увлеченно писал на компьютере, а его телефон лежал на подзарядке в другом углу комнаты. «Ладно, потом разберусь», – решила Зоя и хотела бросить телефон в сумку.

Стоп! Потом – суп с котом. Телефон мяукнул три раза. Это был их с Владом позывной. Специально записали гнусавый «голосок» бродячего кота Мяки, которого Влад подобрал на улице. Мяка пропал через три дня после отъезда Влада. Зоя его долго искала и очень переживала, но в конце концов смирилась с пропажей и Влада, и Мяки.

Телефон мяукнул еще раз, и на экране появилось новое сообщение: «Почему ты осталась одна?»

«Почему одна? У меня есть Вадим», – пронеслось в голове у Зои.

На что телефон, как бы читая ее мысли, выдал ответ: «Кого ты обманываешь?»

Похоже, эта штуковина лучше меня знает, что не пройдет и недели и я скажу Владу, что мы не можем продолжать наши отношения. Я не могу дать ему то, что он ждет и заслуживает, а притворяться не хочу.

«Правильно, – мяукнул телефон, – отпусти парня».

Все еще не веря своим глазам, Зоя напечатала сообщение: «Влад, это ты?»

«Вообще-то это я, Мяка, но Влад просил передать, что он скоро выйдет с тобой на связь».

Зоя попыталась принять как должное, что переписывается с котом, и набрала текст: «Где вы? Когда мы увидимся?»

«Видишь ли, все не так просто, – прогундосил телефон. – Есть, конечно, возможность, но, боюсь, ты на это не пойдешь».

«Почему? Что может помешать нам встретиться?» — Зоя лихорадочно набрала сообщение.

«Для этого тебе придется пройти болезненную процедуру реконструкции», — гласил ответ.

Зоя слышала об этой процедуре, но весьма туманно представляла себе, что это такое и для чего ее проходят.

«Где и как я могу пройти эту процедуру?» — без раздумий напечатала она.

Однако экран уже погас, а когда вновь зажегся, высветилось сообщение: «Внесите ПИН-код».

Бред какой-то! Выходит, я только-что переписывалась с помощью выключенного телефона с пропавшим пять лет назад котом, и он пообещал мне встречу с человеком, которого я безумно любила и до сих пор не могу забыть.

Тем не менее, уже на следующий день Зоя стояла перед дверью с табличкой «Грезы», борясь с желанием развернуться и уйти. Об этой конторе ходили разные слухи, порой просто невероятные, но Зое никак не довелось повстречать очевидца, который мог бы пролить свет на ситуацию. Оставалось одно — выяснить все самой.

— Добро пожаловать в нашу фирму! — раздался приветливый голос откуда-то сверху. — Вы еще не решили, хотите ли войти или ошиблись адресом?

— Хочу войти, но не вижу звонка, — соврала Зоя. Звонок действительно был замаскирован под резьбу на дверях, но был хорошо виден.

В этот момент дверь плавно отъехала куда-то в сторону, и перед Зоей открылась уютная гостиная, почти такая же, как была в квартире ее бабушки. С удивлением Зоя узнала бабушкино любимое кресло-качалку, в котором не раз сладко засыпала, пока бабушка читала ей сказку.

— Не удивляйтесь, — высокий, элегантный мужчина вышел ей навстречу. — Мы ведь предлагаем клиенту реконструкцию, вот сразу и начнем. А знакомая обстановка для того, чтобы вы смогли расслабиться, а мы — постичь максимальный результат.

Путаясь и краснея, Зоя рассказала Вольдемару (таким именем назвался служащий фирмы), при каких обстоятельствах она узнала о реконструкции и решила ее пройти.

Вольдемар ничуть не удивился. Больше того, оказалось, что ее случай не самый необычный. У некоторых клиентов сообщения появлялись на поверхности воды в городском водоеме, или они находили их в коробках конфет, купленных в супермаркете.

— Что за реконструкция такая, и почему я не могу просто встретиться с Владом? Неужели спецслужбы не позволяют своим сотрудникам устраивать личную жизнь? Влад ведь не шпион, он работал там как системный администратор.

— Зоя, дорогая, мне ничего не известно о работе спецслужб, но то, что вас вызывают на реконструкцию, означает, что человек находится в промежуточной реальности.

— Это что-то вроде Чистилища?

— Не надо упрощать. Это значит, что его персональные данные находятся в огромном плазменном компьютере, который обладает способностью при помощи вашего генетического материала оживить человека в промежуточной реальности.

— А что происходит потом?

— Вот об этом нам и надо поговорить, чтобы вы смогли сознательно сделать свой выбор. Есть два варианта. Первый — если вы захотите вернуться в нашу реальность, то мы уничтожаем созданную

генетическую модель, и она уже никогда не сможет быть вновь сконструирована. Во втором варианте вы остаетесь с любимым в промежуточной реальности до тех пор, пока ваши модели не распадутся на частицы и не войдут в следующий цикл. Когда это произойдет, через год или через пятьдесят лет, предсказать никто не может. В этом случае в определенный момент запускается механизм уничтожения модели.

— Если я правильно поняла, Влад умер, но я могу рискнуть и использовать возможность с ним встретиться. Сколько мы будем вместе, никто не знает?

— Совершенно верно. Однако заметьте, в нашей реальности человек тоже не знает, что с ним может случиться завтра, и сколько ему отпущено.

В этот момент Зоя расхохоталась.

— А Мяка? Его вы тоже можете реконструировать? Это ведь он переписывался со мной!

— Думаю, что Влад вас просто разыграл. Котов мы не реконструируем. Хотя в промежуточной реальности вы сможете иметь домашних питомцев. Возможно, ваш кот будет похож на Мяку, как две капли воды.

«Что я теряю? – подумала Зоя. – В конце концов, я всегда могу вернуться в свою реальность, Вольдемар ведь говорил об этом».

— Валяйте, ведите меня в свою барокамеру!

— А никуда идти не надо. Садитесь поудобнее в кресло, закройте глаза и попробуйте полностью расслабиться. В ручке кресла есть кнопка, на тот случай, если вы решите прервать реконструкцию и вернуться.

— Но ведь в сообщениях речь шла о болезненной процедуре.

— Все будет зависеть от того, насколько вы любите этого человека и готовы отдать ему только часть себя или раствориться в нем целиком.

Зоя устроилась в кресле и, казалось, не успела закрыть глаза, как совсем рядом увидела Влада, который протягивал ей пушистый мяукающий комочек.

На следующий день соседка заметила, что в пустующей квартире приоткрыта дверь. Заглянув в комнату, она обнаружила в бабушкином кресле Зою. Целый дом еще неделю вздыхал с сожалением: «Надо же, молодая, здоровая, вот беда-то какая...».

ZOJA

„Volim te, volim te, volim te...“ – titrao je tekst na zaslonu mobitela. Zoja je s nevjericom buljila u ekran. Odakle se stvorio ovaj “pozdrav” iz prošlosti, koju je ona bezuspješno pokušavala zaboraviti?

Iz stupora ju je istrgnuo Vadimov glas: - Hoće li poslužiti dok je tvoj na popravku?

Vadima je upoznala nedavno, a danas joj se pokvario mobitel. Dobila je zamjenski stariji model koji se koristio prije pet godina. Takve je poruke pisao Vlad, sve dok nije nestao bez traga tijekom neke tajne operacije.

Kako je ova poruka mogla dospjeti na zamjenski telefon?

Zoja je odmahнула glavom: - Učinilo mi se.

Osim toga, svi zaljubljeni pišu iste poruke. Ako dobro razmisli, u tome nema ničeg neobičnog. Prema statistici se u kratkim porukama najčešće upotrebljavaju riječi: “volim”, “ljubim” i “čekam”. Izgleda da nisu obrisali poruke prethodnog korisnika.

Zoja je već htjela ubaciti mobitel u torbu, kad se na ekranu pojavio tekst: “Kako ti se svidjela jučerašnja predstava?”

- Što se događa? Odakle na tuđem mobitelu pitanje o predstavi koju je Zoja zaista jučer gledala u “Komediji”?

Zoja se osvrnula oko sebe. Možda je Vadim zadirkuje? Ne, nije on. Vadim je sjedio ispred računala, a njegov je mobitel ležao na suprotnoj strani velikog stola.

- Ok. Kasnije ću o tome razmišljati, - odlučila je Zoja, ali mobitel je mijauknuo tri puta.

To je bio njezin zvuk za Vladove poruke. Specijalno za to su snimali smiješno glasanje promuklog mačka Mucka kojeg je Vlad pokupio na ulici. Mucko je odlutao tri dana nakon što je Vlad otišao na tajni zadatak. Zoja ga je dugo tražila i bila jako uznemirena, ali na kraju se morala pomiriti s nestankom obojice, i Vlada i mačka.

Telefon je opet mijauknuo i na ekranu su se pojavile riječi: “Zašto si ostala sama?”

- Zašto sama? Imam Vadima, - pomislila je Zoja, kad se telefon, kao da zna čitati misli, ponovo oglasio: “Koga ti zavaravaš?”

Izgleda da ova stvarčica zna bolje od mene da neće proći ni tjedan dana i da ću ja zamoliti Vadima da se ne ljuti i shvati kako ne mogu nastaviti našu vezu. Jednostavno mu ne mogu pružiti što on očekuje i zaslužuje, a zavaravati ga neću.

- Tako je, - mijauknuo je telefon, - pusti čovjeka na miru.

Zoja nije mogla vjerovati svojim očima. Više automatski nego svjesno natipkala je: “Vlad, jesi li to ti?”

“To sam ja, Mucko. Vlad ti poručuje da te još uvijek jako voli”.

Zoja se iskreno trudila zanemariti činjenicu da se dopisuje s mačkom te je napisala: “Gdje ste? Kako se možemo sresti?”

“To nije baš jednostavno”, - mijauknuo je telefon. - “Ima načina, ali bojim se da nećeš pristati”.

- “Zašto? U čemu je problem?”

- “Morat ćeš proći bolnu proceduru rekonstrukcije”.

Zoja je čula da takvo nešto postoji.

- Gdje to mogu napraviti? - natipkala je bez oklijevanja. Međutim na ekranu se pojavila poruka: unesite PIN kod.

No, krasno! Cijelo vrijeme se dopisujem preko isključenog mobitela s mačkom koji je nestao prije pet godina, a koji mi obećava susret s čovjekom kojeg sam ludo voljela i kojeg ne mogu zaboraviti. Sigurno sam zrela za psihijatriju.

Idućeg dana Zoja je stajala ispred vrata na kojima je pisalo "Mašta". O toj firmi se svašta pričalo, ali Zoja nikad nije sreła čovjeka koji bi želio podijeliti svoje iskustvo. Preostalo joj je da istraži sama...

- Dobro došli u Maštu! – začuo se odozgo ljubazni glas. – Niste još odlučili želite li ući?

- Želim ući, ali ne vidim zvono, - slagala je Zoja.

Istog trena vrata su kliznula u stranu i Zoja se našla u običnoj sobi koja je podsjećala na stan njezine bake. Čak je i bakina fotelja za njihanje stajala pored prozora. Zoja je često u njoj slatko zaspala dok bi joj baka čitala bajku.

- Nemojte se čuditi, - visoki elegantni muškarac išao joj je u susret. – Kao što znate, mi nudimo klijentu rekonstrukciju, a poznati ambijent pomaže da se opusti i postigne maksimalan učinak.

Zamuckujući i rumeneći se Zoja je ispričala u kakvim okolnostima je saznala za proceduru rekonstrukcije.

Začudo, on se uopće nije iznenadio. Štoviše, ispričao je da su klijenti vidjeli poruku na površini vode ili su je nalazili u bombonjeri koju su kupili u supermarketu.

- Zašto rekonstrukcija? Zašto se Vlad i ja ne možemo naći? Tajne službe ne dozvoljavaju zaposlenicima da imaju privatan život? Vlad čak nije ni špijun, on je radio kao sistemski administrator.

- Zoja, draga, ja ne znam ništa o radu tajnih službi, no to što su Vas pozvali na rekonstrukciju, znači da se čovjek nalazi u međuprostornoj realnosti.

- Nešto poput čistilišta? – našalila se Zoja.

- Ne treba pojednostavljivati. To znači da su njegovi osobni podatci pohranjeni u velikom neutronsom generatoru, koji, uz primjenu vašeg genetičkog materijala, može oživjeti čovjeka u međuprostoru.

- A što se događa poslije?

- O tome moramo porazgovarati da možete svjesno donijeti odluku. Postoje dvije varijante. Prva, ako se Vi odlučite vratiti u našu realnost, mi uništimo njegov genetski model i on se više nikad neće moći rekonstruirati. U drugom slučaju, Vi ostajete s voljenom osobom u međuprostoru, sve dok se vaši modeli ne pretvore u čestice i uđu u sljedeći ciklus. Kada će se to dogoditi, za godinu dana ili pedeset godina, baš kao i u ovom životu, nitko ne može prognozirati.

- Ako sam dobro razumjela, Vlad je umro, ali uz vašu pomoć mi opet možemo biti zajedno?

- Točno. Vi, naravno riskirate, ali ni u našoj realnosti čovjek ne može predvidjeti što ga čeka sutra i koliko mu je godina života preostalo.

Odjednom, Zoja se nasmije.

- A Mucko? Njega isto možete rekonstruirati?

- Mislim da se Vlad našalio s Vama. Mačke mi ne rekonstruiramo. Ali, u međuprostoru možete imati kućne ljubimce. Možda vaš mačak biti Muckova slika i prilika.

- Što imam izgubiti, - pomisli Zoja, - Uostalom, postoji mogućnost vratiti se u svoju realnost.

- Pristajem. Vodite me u taj svoj boks za rekonstrukciju.

- Nigdje ne trebate ići. Udobno se smjestite u fotelju, zatvorite oči i pokušajte se potpuno opustiti. U naslonu fotelje je tipka. Ako želite prekinuti proces, samo ju pritisnite.

- Ali u porukama je pisalo da je procedura bolna.

- Ovisi o tome koliko jako volite tog čovjeka, jeste li spremni dati samo djelić sebe ili se u potpunosti predati.

Zoja se sklupčala u fotelji. Učinilo joj se da nije ni stigla zatvoriti oči kad je sasvim blizu ugledala Vlada koji joj je pružao dlakavo mijaukajuće klupko.

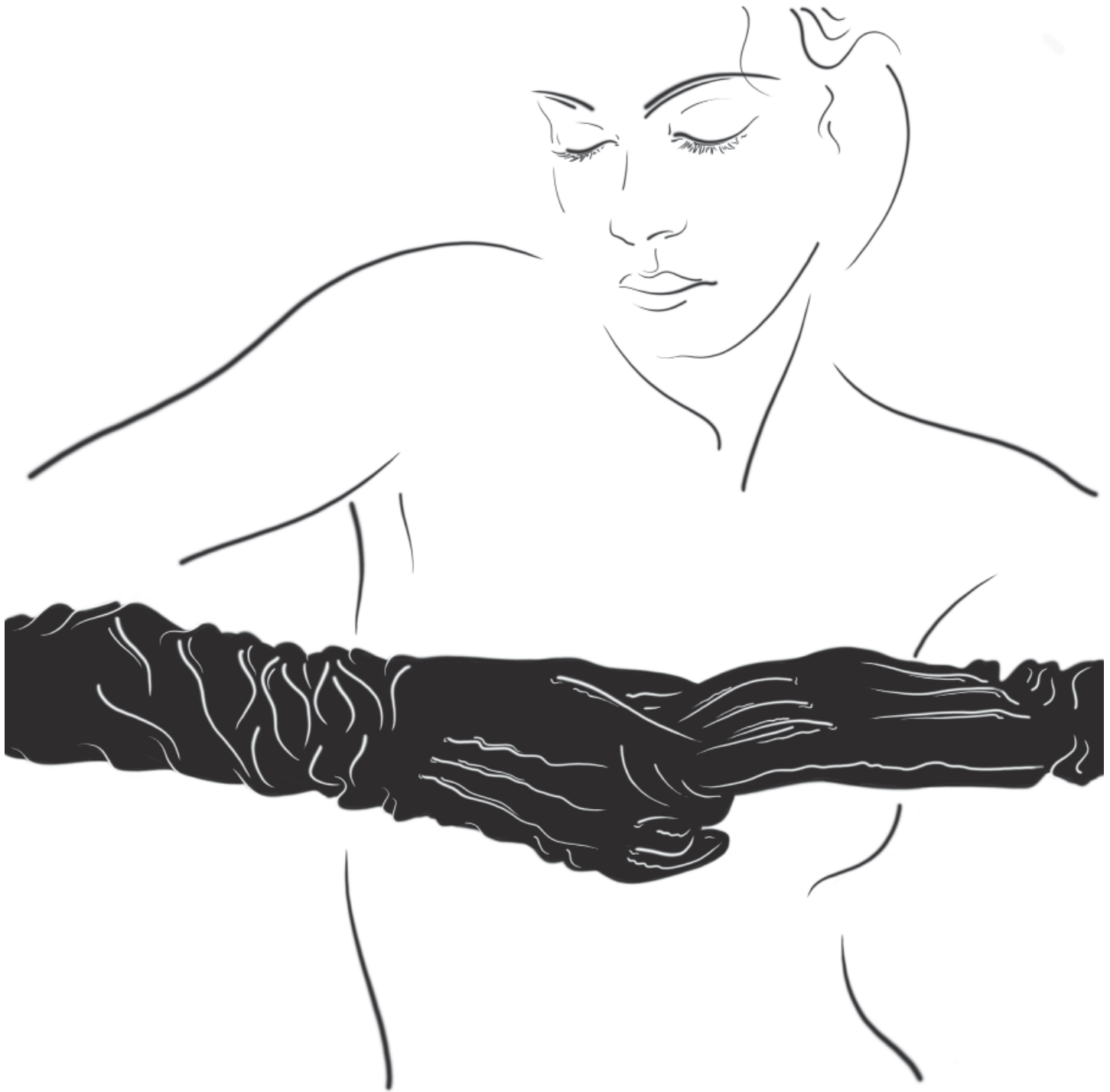
Idućeg dana je susjeda primijetila da su u praznom stanu odškrinuta vrata.

U sobi je našla Zoju u bakinoj fotelji.

- Eto ti života. Mlada, zdrava, što li je nju, nesretnicu, snašlo...

ПРОЕКЦИЯ

PROJEKSIJA

ИРИНА

Поезд мерно стучал колесами, унося Ирину домой.

— Хотелось бы мне знать, где он, мой настоящий дом, – с тоской думала Ирина, провожая взглядом проносившиеся за окном деревья.

Напротив сидела молодая женщина, вернее, совсем еще девочка. Ее округлившийся животик свидетельствовал о том, что кое-что в жизни она уже повидала, а горделиво вздернутый носик и презрительно искривленные губки бросали вызов: «Что вы все здесь понимаете? Вот я точно знаю, куда еду и что меня ждет». И лишь распахнутые перепуганные глаза «кричали», что все не так просто и что малышка лишь напускает на себя вид самоуверенной замужней дамы.

Купе подобралось чисто женское. На двух верхних полках тоже расположились молодые девушки. Они, судя по всему, живо обсуждали результаты проекции.

— Я видела большой город, широкие улицы и шикарные витрины, – щебетала беленькая.

— Ну ты даешь, «большой город»! – передразнила ее черненькая. – Широкие улицы и шикарные витрины могут быть в Париже, а могут быть и в индустриальном центре на севере Европы.

— Ну, Париж бы я точно узнала. Мы туда ездили с классом на экскурсию. Нет, это не Париж, но и не север Европы. Было много солнца и было тепло. По-моему, это где-то в Италии.

— А будущий муж на кого был похож, на Брюса Уиллиса или на Бреда Питта?

— Не смей меня. Парень как парень. Высокий, стройный, немногословный. Мы ведь параметры на соответствие закладывали. Цветы дарил, кофе в постель приносил, чего же еще?

— Подожди, то есть ты не реального парня на проекцию вывела?

— Нет, конечно. Я взяла пакет «знакомство-замужество». Зачем время зря терять? Я с этими реальными столько натерпелась, что и вспоминать не хочется. От одного едва отвязалась. Мне таких заморочек еще в Европе не хватало!

— А если все-таки не подойдете друг другу?

— Это вряд ли. Его ведь фирма тоже не на улице подобрала. Он же свои данные и согласие на проекцию сам давал. Вот она и показала, что мы идеально подходим друг другу. Мне прабабушка рассказывала, что в старые времена родители договаривались о браке между детьми. И, между прочим, эти браки были попрочнее, чем когда женились по большой любви. Теперь роль свахи взяла на себя фирма. Прогресс, однако. Смотришь кино с собой в главной роли.

— А вот я в реального парня влюбилась. Познакомились в нашем городе. Он в институте учился.

— А проекция зачем понадобилась? Вы что же, не успели хорошо узнать друг друга?

— Понимаешь, живет-то он в Европе, но его семья из Пакистана. Пока были в России, все было хорошо, но говорят, что когда они возвращаются домой, там совсем другая песня. Я таких ужасов наслушалась: что буду седьмая жена в гареме, что на улицу без тряпки на голове не выпустит и вообще запретит выходить из дома без сопровождения.

— Глупости. Это, может, в самом Пакистане.

— Не скажи. В Париже, например, есть целые кварталы, где мусульмане живут по своим законам, туда даже полиция предпочитает не соваться. Если что, им пофиг. Сама дура влезла, сама и разбирайся.

— Судя по тому, что ты едешь в этом поезде, проекция тебе понравилась.

— Вроде нормально. Живет в Цюрихе, работает в хорошей фирме. Родители его тоже ведут европейский образ жизни. Правда, похоже, что с воспитанием детей будут проблемы. Он не фанатик, но веры своей и обычаев придерживается.

— Не знаю, что тебе и сказать. Я бы не рискнула.

— А работать ты будешь? — сменила тему черненькая.

— Обязательно. Полностью зависеть от мужа? Нет уж, увольте. На маменьку насмотрелась, как она папеньке прислуживала, в глаза заискивающе заглядывала. Как говорили классики, «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». И потом, мало ли что может произойти? Женщина, пусть даже муж прекрасный-распрекрасный, должна иметь собственные деньги. Одна моя подруга выскочила за немца без проекции. Мало того, что у него секс был по расписанию, один раз в неделю, так он еще требовал отчет за каждый потраченный цент. Год выдержала и сбежала обратно. Теперь в другую крайность ударилась. Ни одна проекция ей не подходит. Ищет богатого, чтобы деньги не считал, внимание уделял, по курортам возил, по ресторанам водил, шмотки покупал, ноги целовал, с расспросами не приставал...

— Любовников не замечал, – подхватила черненькая, – а если надоест, в углу стоял и не высовывался, пока не позовут. В общем, нужен твоей подружке даже не принц на белом коне. Ей лучше всего робот подойдет.

Соседки весело расхохотались и продолжили разговор намного тише, так что слов было уже не разобрать.

Подняв глаза от книги, Ирина увидела прямо перед собой глаза беременной соседки.

— Извините, вы тоже видели проекцию, прежде чем решили ехать? — тихо произнесла женщина.

— Я свою проекцию смоделировала сама лет тридцать назад. Не скажу, что очень хорошо получилось, но уж как есть. А ты, я вижу, махнула за границу, как говорится, «не глядя» или все-таки прошла проекцию, и все очень понравилось?

— То-то и оно, – вздохнула соседка, – что совсем не понравилось. Живет он с мамой в небольшом городе в бедной балканской стране. Работы постоянной нет, будем перебиваться временными заработками. Ребенок родится, надо будет много чего купить, денег будет постоянно не хватать. Муж будет очень переживать и от отчаянья станет раздражительным и грубым. Мне придется браться за любую работу. Буду убирать в подъездах, мыть посуду в ресторане, гладить белье. Правда, свекровь будет меня очень жалеть и помогать с ребенком.

Ирина не верила своим ушам.

— Ты все это знаешь и все-таки едешь? Или ... – Ирина выразительно посмотрела на ее живот.

— Нет. Забеременела я уже после проекции. Иначе я бы не получила въездную визу. Люблю я его очень. Все понимаю, но ничего с собой поделывать не могу.

— Поистине, неисповедимы пути Твои, Господи! – подумала Ирина и снова открыла книгу. Соседка, сама того не подозревая, рассказала ее историю. Вот только продолжение Ирина уже писала сама, не полагаясь ни на какие проекции. И у нее очень недурно получилось.

IRINA

Irina je putovala kući vlakom.

“Hm, kući. Htjela bih znati gdje je moj pravi dom”, sjetno je pomislila, dok je pogledom pratila stabla kako se redaju pored prozora.

Nasuprot njoj je sjedila mlada žena, zapravo, djevojka. Njezin okrugao trbuh svjedočio je da je ponešto proživjela u životu, a ponosno uzdignuti nosić i napučene usne kao da su govore: “Što vi uopće razumijete? Evo ja, recimo, točno znam kamo putujem i što me čeka”. Jedino su širom otvorene, preplašene oči odavale njezinu nesigurnost. Kao da žele reći kako nije sve tako jednostavno te da ona samo glumi neku samopouzdanu, udanu damu.

U kupeu su bile samo žene. Osim susjede dolje, na gornjim su se krevetima smjestile još dvije djevojke. Vodile su vrlo živu raspravu o rezultatima projekcije.

- Ja sam vidjela veliki grad, široke ulice i prekrasne uređene izloge!, - cvrkutala je plavuša.
- Ma daj, “veliki grad”!, - podbola ju je crnka, - Široke ulice i lijepi izlozi mogu biti u centru Pariza, jednako kao i u nekom industrijskom gradu na sjeveru Europe.
- Dobro, Pariz bih odmah prepoznala. Bili smo tamo s razredom na izletu. Ne, to nije Pariz, ali nije ni sjever Europe. Bilo je toplo i puno sunca. Moguće negdje u Italiji.
- A budući muž? Na koga sličići? Na Brucea Willisa ili Brada Pitta?
- Nemoj me nasmijavati. Pa znaš da sam sama ubacivala željene parametre. Momak ko momak. Visok, vitak, ne priča puno. Poklonio mi je cvijeće, donio kavu u krevet, što mi još treba?
- Čekaj, znači nisi zamislila nekog poznatog dečka na projekciji?
- Naravno da ne! Uzela sam paket “upoznavanje – brak”. Zašto gubiti vrijeme? Ja sam s takvim “realnima” toliko pretrpjela da se ne želim toga ni sjećati. Jednog sam se jedva riješila. Ne trebaju mi takvi problemi, još i u Europi!
- A što ako ipak nećete pasati jedan drugome?
- Teško. Nije ni njega firma na cesti našla. On je dragovoljno davao svoje podatke i suglasnost na projekciju. Tako su i izračunali da si savršeno odgovaramo. Meni je još prabaka pričala, kako su u stara vremena roditelji dogovarali brak i ti su brakovi bili čvršći nego kad se ludo zaljubiš. Sad sličnu ulogu ima ova firma. Progres! Kao da gledaš film sa samim sobom u glavnoj ulozi.
- A ja sam se zaljubila u stvarnog momka. Upoznali smo se u našem gradu. On je tamo studirao.
- Zašto ti je onda trebala projekcija? Niste se stigli dobro upoznati?
- Gledaj, on živi u Europi, ali mu je obitelj iz Pakistana. Dok su bili u Rusiji, sve je bilo o.k, ali čula sam da će, kad se vrate doma, biti sasvim druga priča. Svakakve strahote sam načula. Navodno ću mu biti sedma žena u haremu, neće me puštati na ulicu bez krpe na licu i uopće neću smjeti izaći bez pratnje.
- Gluposti. Možda je tako u Pakistanu, ali ne i u Europi.
- Ma pusti ti to. U Parizu, na primjer, imaš cijele kvartove gdje muslimani žive po svojim zakonima, čak ni policija ne ide tamo. Što god se dogodilo, njima je svejedno. Sama si glupača došla tamo, sad se sama i izvlači.
- Ali budući da si u ovom vlaku, znači da ti se projekcija svidjela.
- Čini mi se o.k. On živi u Zürichu, radi u dobroj firmi. Roditelji mu isto žive europskim životom. Jedino će vjerojatno biti problema oko odgoja djece. On nije fanatik, ali se pridržava svoje vjere i običaja.

- Ne znam što bih ti na sve to rekla. Ja ne bih riskirala.

- A hoćeš li ti raditi? – skrenula je crnka razgovor na drugu temu.

- Obavezno! Da potpuno ovisim o mužu? Ne, hvala. Cijeli život sam gledala mamu kako dvori taticu i udovoljava mu u svemu. Kako se kaže: “Pomozi si sam i Bog će ti pomoći”. Osim toga, tko zna što se može dogoditi? Žena, bez obzira na predivnog muža mora imati svoj novac u džepu. Jedna moja prijateljica se udala za Nijemca bez da je radila projekciju. Ne samo da su imali seks po rasporedu, nego ju je tražio još i izvještaj o svakom potrošenom centu. Izdržala je godinu dana i pobjegla. Sad je pak otišla u drugu krajnost. Ni jedna joj projekcija ne valja. Traži si bogatog, da ne broji novac, da bude pažljiv, da je vodi po restoranima, da joj kupuje što poželi, da joj ljubi noge, da je ništa ne pita ...

- Da ne primjećuje ljubavnike, - nastavila je niz crnka, - ako dosadi, da tiho sjedi u kutu dok ga ne pozove. U biti, toj tvojoj prijateljici ne bi odgovarao čak ni princ na bijelom konju, nego robot!

Djevojke su se odsrca nasmijale te nastavile razgovor tiše nego prije, tako da se više nije moglo čuti o čemu razgovaraju.

Irina je podigla pogled s knjige. Susjeda ju je pažljivo promatrala.

- Oprostite, jeste li i vi vidjeli projekciju prije nego što ste se odlučili?

- Ja sam svoju projekciju napravila sama, prije trideset godina. Neću reći da je jako dobro ispala, ali što je - tu je. A ti? Jesi krenula u inozemstvo pa neka bude - što bude, ili si ipak napravila projekciju pa ti se sve jako sviđjelo?

- Upravo se o tome radi, - uzdahnula je susjeda, - nije mi se uopće sviđjelo. On živi s mamom u malom gradiću, u siromašnoj državi na Balkanu. Nema stalan posao, ni' sigurnu plaću. Rodit će se dijete i trebat će kupiti puno stvari, a novaca nema. Mužu će to sve jako teško pasti, postat će razdražljiv i grub. Morat ću raditi bilo kakav posao. Čistit ću tuđe kuće, prati posuđe po restoranima, peglat ću veš. Ipak, imat ću dobru svekrvu koja će me sažalijevati i pomagati oko djeteta.

Irina nije vjerovala vlastitim ušima.

- Ti to sve znaš i ipak ideš tamo? Ili... - Irina je je skrenula pogled na njezin trbuh.

- Ne. Nakon projekcije sam zatrudnjela. Inače ne bih dobila vizu. Volim ja njega, jako, - uzdahnula je djevojka, - Sve razumijem i znam, ali ne mogu protiv sebe.

”Uistinu, čudni su putevi Gospodnji” – pomislila je Irina i opet se zadubila u knjigu.

Ta je djevojka, ni ne sluteći, ispričala njezinu priču. Priču čiji je nastavak Irina već sama pisala, ne računajući ni na kakve projekcije.

I uopće nije loše ispalo...

ЛЕСЯ

Леся собиралась замуж за олигарха. Ну, не то чтобы олигарха, но деньги у парня водились немалые. На приличную жизнь светской львицы хватит.

Смущало одно. Все подружки из ее круга полушутя-полусерьезно утверждали, что к разводу с «папиком» надо начинать готовиться в день свадьбы. Их словам можно было верить, так как многие уже успели развестись и захомутать другого богатенького буратино.

«Папик», правда, был не совсем папик. Всего-то на десять лет старше. Да и любила его Леся, хотя признаться себе в этом не торопилась. А вдруг и правда лет через пять найдет моложе и красивее?

К разряду страшилок можно было отнести и рассказы разведенков, которые после родов решили, что теперь-то муженек никуда не денется, и прогадали. Хорошо, если оставит ребенка, согласится платить алименты и купит квартиру, а может забрать наследника и выбросить из дома. Мало ли историй гуляет по интернету!

Леся регулярно посещала фитнес-центр, плавала в бассейне, следила за питанием, тратилась на косметические процедуры и даже рассматривала вариант суррогатной матери, чтобы беременность не испортила фигуру, но гарантий все это не давало.

Кирилл красиво ухаживал, щедро снабжал деньгами, возил на заграничные курорты и даже с предложением руки и сердца особо не затягивал, подкрепив серьезные намерения прилично-каратным бриллиантом. Вопреки всему на душе было тревожно. А вдруг?...

Вот если бы можно было просчитать ситуацию наперед! Как там говорится: кто владеет информацией, тот владеет миром. Мир ей и даром не нужен, только бы Кирилл ее не оставил хотя бы до тех пор, пока она не поставит на ноги свой бизнес. Она же не дурочка сидеть дома. Чтобы не зависеть от мужа, она откроет эксклюзивный салон красоты, а для этого нужен начальный капитал и время, которого может не хватить. Салон красоты – это почти беспроегрышно. Очередную шмотку можно и не купить, а вот лицо и тело приводить в порядок надо регулярно, тем более, когда подседа на омолаживающие процедуры.

В голове крутилась назойливая мысль, которую никак не удавалось сформулировать. Какое-то заумное слово – то ли реконструкция, то ли проекция, то ли еще что – засело занозой. Слышала где-то в тусовке, но кто говорил и о чем, Леся вспомнить не могла. Попыталась припомнить, где недавно была и с кем встречалась, но все безуспешно. Слишком много людей в ее окружении.

Лежа в боксе косметического салона, от нечего делать, Леся прислушалась к разговору в соседнем кабинете.

— Ты не поверишь. Все как показали, так и произошло.

— И ты, что же, не попыталась ничего сделать, чтобы не попасться на глаза этому кретину?

— Кто же знал, что все правда. Я эту проекцию серьезно и не восприняла. Меня Валька туда затащила.

— Извините, если не секрет, где находится фирма, которая оказывает услуги проекции? – высунулась Леся из своего бокса.

— Какой там секрет! Сейчас все туда бегают посмотреть, что их ждет и как с этим бороться. Тут рядом, практически за углом. Надо войти в подворотню и свернуть направо. Упрешься прямо в здание, — ответила одна из девушек.

Как хорошо получилось, подумала Леся. И маска на лице кстати пришлась. В случае чего никто не узнает, что я интересовалась фирмой.

Узкий коридор уходил вглубь, и казалось, что ему нет конца. В здании никого не было, и Леся понятия не имела, кто ей открыл дверь и куда, собственно, надо идти.

— А мы уж вас заждались! – раздался за спиной мужской голос.

— Меня? Заждались? А разве мы договаривались? Я зашла совершенно случайно, — растерялась Леся.

— Вы нас недооцениваете. Вы так упорно пытались вспомнить, где слышали о нашей фирме, что пришлось воспользоваться маленькой хитростью и послать подсказку. Итак, что вас интересует?

— Мой брак, – темнить или врать в такой ситуации не имело смысла.

— Ничего нет проще. Садитесь поудобнее и смотрите кино. Актриса и режиссер в данном случае – вы сами, если не понравится, можете переписать сценарий.

Как Леся и предполагала, через несколько лет их брак с Кириллом дал трещину. Никто в этом не был виноват. Слишком уж много соблазнов в мире больших денег и гламура. Плохо только, что салон, который она собиралась открыть, так и остался в планах. Сначала надо было объехать с визитами всех друзей, знакомых и деловых партнеров Кирилла, которые пришли на свадьбу с дорогими подарками. Затем решили поехать в круиз. Потом у нее было два выкидыша и было не до того. А потом Кириллу надоела ее депрессия, и он нашел себе пассию, которая тут же забеременела и родила ему наследника. Мир рухнул. В этот момент Леся очнулась и поняла, что это погас экран и она сидит в темном зале, а значит, у нее есть шанс повернуть ситуацию в свою пользу.

Сразу после свадьбы, не откладывая в долгий ящик, Леся занялась салоном. Муж не возражал, охотно финансировал проект и даже немного гордился, что жена у него не бездельница, а дама с деловой хваткой. Салон уже пользовался популярностью и начал давать приличный доход, когда Леся поняла, что беременна. Вместо того, чтобы по-прежнему изнурять себя диетами и затягивать талию, Леся выполняла все рекомендации врачей, следила за питанием, делала специальную гимнастику, мужа капризами не изводила и через девять месяцев родила мальчика. Через два года родилась девочка, а еще через три года – девочки-двойняшки. Наследника Кирилл воспитывал как преемника своего небольшого делового царства, а в дочерях души не чаял и баловал так, что Лесе иногда приходилось применять строгие меры.

На 25-летие брака муж купил ей бриллиантовое кольцо, в котором она, стройная и моложавая, вышла к гостям, съехавшимся поздравить их с серебряной свадьбой.

LESJA

Lesja se udaje za bogataša. Ne baš za milijardera, ali momak ima dovoljno novca za pristojan život i prohtjeve žene iz “visokog društva”.

Malo ju je brinula činjenica da su je sve prijateljice koje su se udale, ali i rastale se od svojih bogatih “djedica”, upozoravale kako mora biti spremna na rastavu i da se na to treba početi pripremati odmah nakon vjenčanja.

Njezin “djedica” nije bio baš djedica. Bio je stariji od nje samo deset godina. Lesja ga je zaista voljela i nije si htjela priznati: Možda će si i on, stvarno, za pet godina, naći mlađu i ljepšu?

Bilo je raznih “tužnih priča” ostavljenih žena, koje su mislile da kad rode nasljednika, muž neće nikamo, ali su se prevarile. Još je dobro ako joj ostavi dijete, plaća alimentaciju, kupi stan. Ali može uzet dijete i izbaciti bivšu na cestu. Ima svakakvih sudbina!

Lesja je redovito vježbala, plivala u bazenu, pazila što jede, plaćala si razne kozmetičke tretmane, čak je razmišljala i o opciji surogatnog majčinstva, kako joj trudnoća ne bi pokvarila figuru..., no sve to nije bila garancija da je neće snaći ista sudbina.

Kirill je bio galantan udvarač, davao joj je novac, vodio u inozemstvo na odmor, čak ju je i prilično brzo zaprosio prstenom s ogromnim višekaratnim dijamantom..., ali svejedno je postojala sumnja. Što ako?

Kad bi samo mogla pogledati u budućnost! Kako se kaže: informacija je vrjednija od zlata. Treba joj samo da je ne ostavi dok ne postane svoj čovjek i pokrene biznis. Nije luda da sjedi doma. Otvorit će ekskluzivan salon ljepote, tako da ne ovisi o mužu. Za to je potreban početni kapital i vrijeme koje možda neće imati. Biti vlasnicom salona ljepote znači - imati sigurnu zaradu. Žena može uštedjeti na odjeći, ali lice i tijelo treba stalno održavati.

U glavi joj je zasjela jedna misao koju nije uspijevala definirati.

Neka čudna riječ – je li to projekcija ili rekonstrukcija – nije se mogla sjetiti. Čula je to negdje u društvu, ali tko je o tome pričao i o čemu se točno radi? Pokušavala se sjetiti s kime se sve u zadnje vrijeme susretala, ali bezuspješno. Mnogo je ljudi u njenom društvu.

Dok je ležala na tretmanu u kozmetičkom salonu, čula je razgovor iz susjedne sobe.

- Nećeš vjerovati! Dogodilo se sve što su mi pokazali.
- I što, nisi ništa mogla napraviti da te taj kreten ne uoči?
- Pa nisam mislila da je sve to istina. Tu projekciju sam smatrala šalom. Mene je Valja bezveze tamo dovela.
- Oprostite, ako nije tajna, gdje se nalazi firma koja radi tu uslugu projekcije? – provirivši iz svoje sobe, upitala je Lesja.
- Ma kakva tajna! Sad svi trče tamo kako bi vidjeli što ih čeka i kako da se s time uhvate ukoštac. Tu je blizu, praktički iza ugla. Samo uđite u haustor i idite do kraja.
- Super! - obradovala se Lesja. – I maska koju imam na licu mi dobro dođe - nitko me neće prepoznati i znati da sam se raspitivala za tu firmu.

Uskom hodniku, koji je vodio duboko u zgradu, nije se nazirao kraj. U zgradi nije bilo nikoga, tako da Lesja nije imala pojma ni tko joj je otvorio vrata niti kamo treba ići.

- Dakle, mi smo Vas čekali! – začuo se muški glas iza njezinih leđa.

- Čekali? Baš mene? Nisam imala dogovoreno, ušla sam ovamo slučajno.
- Vi nas podcjenjujete! Tako ste se uporno pokušavali sjetiti gdje ste o nama čuli, da smo morali pribjeći malom lukavstvu kako bi Vam pomogli. Dakle, što Vas zanima?
- Moj brak, - nema smisla lagati.
- Nema ništa jednostavnije. Udobno se smjestite i gledajte film. Glumica i režiser ste u ovom slučaju – Vi sami. ko Vam se nešto ne sviđa – uvijek možete promijeniti scenarij.

Kao što se i pretpostavljalo, nakon nekoliko godina njihov je brak počeo pucati. Nitko nije bio kriv za to. Ipak je previše mogućnosti i sablasti u svijetu novca i glamura. Nažalost, što ipak nije uspjela otvoriti planirani salon. Prvo su morali obići sve Kirillove prijatelje i poslovne partnere, koji su im za vjenčanje donijeli skupe darove. Nakon toga su se zaredala luksuzna putovanja. Zatim je imala dva spontana pobačaja i više nije razmišljala o salonu. Kirillu je dosadila njezina depresija pa si je našao ljubavnicu koja je ubrzo zatrudnjela i rodila mu nasljednika. Svijet joj se srušio.

U tom trenutku Lesja je shvatila da sjedi u tamnoj prostoriji ispred ugašenog ekrana, a to znači da još stigne okrenuti situaciju u svoju korist.

Odmah poslije vjenčanja, Lesja je počela raditi na otvaranju salona. Kirill nije imao ništa protiv. Rado je financirao taj projekt, čak je bio i ponosan na nju jer nije domaćica, nego poslovna dama. Salon je već postao popularan i dobro zarađivao, kada je Lesja shvatila da je trudna. Umjesto da i dalje provodi dijete i izgledniju se radi vitke linije, Lesja je poslušala sve savjete liječnika. Zdravo se hranila, vježbala, nije izluđivala muža promjenama raspoloženja i nakon devet mjeseci je rodila zdravog sina. Dvije godine kasnije rodila je kćer, a nakon toga – djevojčice blizanke. Kirill je svog nasljednika odgajao tako da jednog dana preuzme njegov biznis, a kćerkice je obožavao i toliko ih razmazio da je Lesja ponekad morala pribjeći strogim odgojnim mjerama.

Za dvadeset i petu godišnjicu braka, Kirill joj je kupio dijamantni prsten. Stavivši ga na prst, Lesja je - vitka i mladáhna - izašla pred goste koji su im došli čestitati srebrni pir.

ТАНЯ

С Ленкой Таня познакомилась раньше, чем научилась ходить и говорить. Их родители дружили с институтом, и во время посиделок, за неимением бабушек, молодые мамы укладывали дочек в одну коляску и по очереди проверяли, все ли в порядке. Когда у Таниной мамы пропало молоко, Ленина мама подкармливала дочку подруги, так что, кроме всего прочего, они стали еще и молочными сестрами. Вместе пошли в детский сад, спиной к спине дрались с мальчишками в школе, поступили в один институт, только на разные специальности. В общем, были не разлей вода, но в последнее время что-то произошло, и Таня никак не могла понять, в чем причина.

Лена стала замкнутой. Часто не отвечала на звонки, отказывалась прошвырнуться по магазинам, хотя раньше была инициатором таких походов и, что самое главное, похудела, побледнела и как-то притихла.

Таня уже не знала, что и думать. Влюбилась? Так это не в первый раз. Кому как не Тане Ленка рассказывала во всех подробностях об очередном кавалере? Как посмотрел, что сказал, куда позвал. Вдвоем они обсуждали, как лучше поступить, когда надо было отвязаться от настойчивого ухажера. А чего стоила история, когда Ленка влюбилась сразу в двух однокурсников, и Тане приходилось выкручиваться, отвлекая первого, пока Ленка крутила любовь со вторым! Ленка была локомотивом в их тандеме, и сейчас Таня просто не представляла, как ей себя вести и вообще как жить без своей «половинки».

«Может, заболела?» – рассуждала Таня. Но к чему тогда такая таинственность? У них ведь никогда не было секретов! Их родители не знали и половины того о своих дочерях, что они знали друг о друге.

Нельзя сказать, что Лена совсем избегала встреч с Таней, но, всегда энергичная и напористая в отличие от нерешительной тихони Тани, сейчас она больше напоминала увядший цветок, который то ли перестали поливать, то ли выкопали с корнем и бросили на асфальт.

Отчаявшись, Таня пыталась подружиться с девочками на своем курсе, активно общалась в социальных сетях, посещала молодежные клубы и даже познакомилась с парнем. Но все это не могло заменить Ленкин задорный смех и их душевные беседы на старом, потертом диване в квартире Таниных родителей.

День был пасмурный и дождливый. Таня брела куда глаза глядят по унылой, пустой улице их провинциального города. До начала занятий была еще уйма времени.

Молодая женщина в ярко-красном пальто ее окликнула:

— Девушка, у вас что-то случилось? Вам нужна помощь?

— Нужна, – сама не зная почему, ответила Таня, – только не мне, а моей подруге.

И Таня, та самая Таня, которая никогда не откровенничала с чужими людьми, ибо считала это неприличным, выложила все незнакомке.

— Кажется, я могу вам помочь. По крайней мере, могу попытаться. Я и сама недавно попала в такую ситуацию и знаю, что неизвестность хуже самого плохого известия. С бедой можно бороться.

— И что вы сделали?

— Ознакомилась с проекцией моей ситуации.

— Каким образом? Я перебрала все возможные варианты и ничего не придумала.

— Не надо все возможные. Надо только один, который соответствует нынешней ситуации и

проецирует ее в будущем. Вы, заранее зная дальнейшее развитие событий, сможете решить, как себя вести, в зависимости от того, какой результат хотите постичь.

— Спасибо большое, но всякими там гаданиями я не занимаюсь. Да и не верю я в это.

— Насчет гаданий спорить не буду, но то, что я предлагаю, основано на новейшей технологии. Запишите номер телефона. Надумаете – звоните.

Бумажка с номером телефона лежала в кармане, но Таня никак не могла решиться.

— Ну что может случиться, если я позвоню? – уговаривала она себя. Женщина ведь сказала, что я только посмотрю, в чем там дело. Не надо будет сразу принимать никаких решений.

Двери открыла та самая незнакомка, которая встретила Таню на улице.

— Почему вы не сказали, что здесь работаете? – насторожилась Таня.

— Потому что люди в этом случае считают мое предложение обычной уловкой, а я видела, что тебе действительно нужна помощь.

— Так и есть, самореклама, – подумала Таня, но все-таки вошла в комнату с огромным экраном.

Если верить проекции, Ленка без памяти влюбилась в парня, который ей дал понять, что она слишком яркая, слишком открытая, слишком громкая и напористая и что ему больше нравятся такие девушки, как Таня. Дальше – хуже. Таня, не подозревая, что встала на пути у подруги, от скуки согласилась пойти с этим парнем в ресторан, затем в кино, а затем он стал преследовать ее на каждом шагу, не давая прохода. Лена ситуацию восприняла очень болезненно, но Таня никак не могла ей объяснить, что ухажер ей надоел хуже горькой редьки и вообще он не тот, за кого себя выдает. Парень перепутал любовь с болезненной одержимостью. В дело пришлось вмешаться полиции. Лена этого всего не знала. Она уехала в другой город, нашла работу, а на звонки и письма не отвечала.

Когда экран погас, Таня еще минут пять сидела задумавшись. Увиденное, если верить проекции, проясняло ситуацию, но что теперь с этим делать, Таня не знала.

Решение пришло неожиданно. Лена пригласила Таню в кафе и завела разговор о том, как Тане удастся привлекать чужих парней, хотя с виду такая тихая и невзрачная.

— Кого это я привлекла? Что-то я не заметила толпы ухажеров, – попыталась отшутиться Таня.

— Не придуривайся! А то ты не замечаешь, что Сергей с тебя глаз не сводит! – вспылила подруга.

— Ну, во-первых, он мне ничего об этом не говорил, во-вторых, он не в моем вкусе, а в-третьих, я слышала, что он не тот, за кого себя выдает. Девчонки рассказывали, что в полиции на него завели дело за угрозы и слезку за девушкой, которая от него ушла.

Таня отчаянно врала, но это был ее единственный шанс. Сказать правду она не могла, Лена бы ей просто не поверила. Лицо подруги просияло: «Он правда тебе не нравится?»

— Ни капельки, и вообще, у меня есть предложение. Мы скоро заканчиваем институт, неужели так и будем сидеть в этом городишке? Давай махнем вместе в Москву, устроимся на работу, будем ходить в театры, на выставки, на концерты, посмотрим мир. А свою судьбу мы обязательно встретим, нам ведь всего по 22. Что на это скажешь, подруга?

TANJA

Tanja je poznavala Lenu još od pelena. Njihovi roditelji su zajedno pohađali fakultet, mlade mame i tate su se družili, stavljali bebe u ista kolica, redom ih čuvali, pomagali jedni drugima jer nisu imali baka-servis. Kad Tanjina mama više nije mogla doći, Lenina mama je došla u pomoć, tako da su one čak bile i sestre po majčinu mlijeku. Zajedno su krenule u vrtić, čuvale jedna drugoj leđa u školi, upisale isti fakultet, samo različite smjerove... Bile su kao prst i nokat, samo što se u posljednje vrijeme nešto događalo i Tanja nije shvaćala, što nije u redu s njihovim prijateljstvom.

Lena se zatvorila u sebe. Često nije odgovarala na pozive, nije htjela ići van, u šetnju, a prije je sama inicirala takve izlaske. Jako je smršavila, bila je blijeda i bezvoljna.

Tanja više nije znala što da misli. Možda se zaljubila? Pa nije to bio prvi put. Lena je uvijek Tanji pričala o novim udvaračima. Kako ju je pogledao, što je rekao, kamo ju je pozvao. Zajedno su razmišljale kako da se ponaša i kada treba koga odbiti, ako je bio previše naporan. Bila je situacija da se Lena zaljubila odmah u dvojicu kolega s fakulteta, pa je Tanja čak morala privlačiti pažnju jednoga, dok je Lena izlazila s drugim! Lena je bila glavna u njihovom tandemu i sada Tanja uopće nije znala kako da živi bez svoje "druge polovice".

"Možda je oboljela?" - razmišljala je Tanja. Ali zašto se tako ponaša? One nikad nisu imale tajne. Njihovi roditelji nisu znali ni pola toga, što su znale jedna o drugoj.

Ne može se reći, da ju je Lena izbjegavala, ali za razliku od povučene Tanje, Lena je do nedavno bila energična i puna života. Sada slični uvenulom cvijetu kojeg nisu zalili na vrijeme ili su ga iščupali i bacili na asfalt.

Očajna Tanja se pokušavala sprijatelжити s drugim djevojkama na fakultetu, dopisivala se na društvenim mrežama, odlazila na sastanke za mlade, u klubove, čak je i momka upoznala. Ali sve to nije moglo zamijeniti Lenin vrckavi osmijeh i njihove povjerljive razgovore dugo u noć, na starom kauču kod Tanjinih roditelja.

Bio je tmuran i kišan dan. Tanja je, bez ikakvog cilja, šetala pustom ulicom maloga grada. Imala je još mnogo vremena do početka predavanja.

Mlada žena u jarko crvenoj haljini joj je povikala:

- Djevojko, nešto se dogodilo? Treba li vam pomoć?
- Treba, - ni sama neznajući zašto, odgovorila je Tanja, - samo ne meni, nego mojoj prijateljici.

I Tanja, ta ista Tanja - koja se nikada nikome nije žalila zbog svojih problema jer je to smatrala nepristojnim - je ispričala sve ovoj nepoznatoj ženi.

- Čini mi se da vam mogu pomoći. Barem pokušati. Nedavno sam se i sama našla u sličnoj situaciji i znam da je najgore biti u neizvjesnosti. Ako znaš razlog, problem se može lakše riješiti.
- I što ste napravili?
- Pogledala sam svoju situaciju u projekciji.
- Kako? Ja sam već razmotrila sve moguće varijante i ništa pametno nisam smislila.
- Ne treba sve varijante, treba samo ono što se događa - reproducirati u nekoliko projekcija dok ne dođeš do željenog rezultata.
- Hvala puno, ali gatanje, proricanje i slične stvari me ne zanimaju. Ne vjerujem ja u sve to.
- Što se tiče gatanja - tu se potpuno slažem, ali to nije ono što Vam ja predlažem. Projekcija je osnovana na novim tehnologijama. Zapišite broj telefona. Ako se odlučite - zovite.

Telefonski broj je ležao u Tanjinom džepu, ali se nikako nije mogla odlučiti nazvati.

“Što se može dogoditi ako nazovem?” – samu sebe je upitala. “Ona je rekla da mogu vidjeti o čemu se radi, ne moram odmah donijeti odluku”. - nagovarala se.

Vrata je otvorila ista ta žena koju je susrela na ulici.

- Zašto niste rekli da radite ovdje?, - oprezno je upitala Tanja.
 - Zato što ljudi onda misle da je to marketinški trik, a vidjela sam kako je tebi stvarno potrebna pomoć.
- ”Pa da, samopromocija” - pomislila je Tanja, ali je svejedno ušla u sobu u kojoj se nalazio ogroman ekran.

Ako je vjerovati projekciji, Lena se zaljubila u momka koji joj je dao do znanja da je ona previše vrckava, glasna, otvorena, naporna..., dok se njemu više sviđaju djevojke poput Tanje. Dalje... Sve gore i gore. Tanja nije ni shvatila da je stala na put prijateljici. Bez veze, iz dosade, s tim je dečkom otišla u restoran, pa u kino, a kasnije ju je on počeo posvuda pratiti, više nije imala mira od njega. Njezino ponašanje je Lenu jako pogodilo. Tanja joj nikako nije mogla objasniti, kako joj dosađuje, da je ne zanima i da uopće nije onakav kakvim se predstavlja. Čak je morala policija intervenirati, jer je zamijenio ljubav s manijakalnom opsesijom. Sve to Lena nije vidjela. Otišla je u veliki grad, našla dobar posao i nije odgovarala na pozive i poruke.

Kad se ekran ugasio, Tanja je još pet minuta zamišljeno sjedila. To što je vidjela u projekciji, logično je objašnjavalo njezinu situaciju. Ali što da radi s tom informacijom – nije znala.

Odluka je došla sama - neočekivano. Lena je pozvala Tanju u kafić i sama je započela o tome kako Tanja uspijeva privući tuđe momke, iako se izgledom ne ističe, sva je tako tiha i mirna.

- Koga sam ja to privukla? Nešto ne primjećujem da imam brdo udvarača.
- Nemoj se praviti glupa! Kao da ne vidiš da Sergej ne skida pogled s tebe.
- Kao prvo - o tome ne znam ništa, kao drugo – on nije moj tip i kao treće – čula sam da on nije takav kakvim se predstavlja. Cure su pričale da je prijavljen policiji za prijetnje i praćenje bivše djevojke, koja ga je ostavila.

Tanja je očajnički lagala, ali to joj je bila jedina šansa. Istinu nije mogla reći, jer Lena ne bi povjerovala.

Prijateljica se napokon nasmijala:

- On ti se stvarno ne sviđa?
- Niti malo. Uostalom, imam prijedlog. Uskoro završavamo fakultet. Nećemo valjda čamiti do kraja života u ovom malom gradiću? Ajmo zajedno u Moskvu. Naći ćemo posao, ići u kazališta, na izložbe, koncerte, vodit ćemo zanimljiv život. A svog suđenog ćemo sigurno sresti, imamo samo dvadeset dvije godine. Što kažeš, prijateljice?

КОМПІЛЯЦІЯ

КОМПІЛАСІЈА

ЛЕРА

Сколько себя помнила, Лера хотела иметь старшую сестру. Именно старшую, чтобы одалживать у нее вещи и косметику, советоваться, что надеть на свидание, и делиться секретами.

Мама работала в серьезном научно-исследовательском институте. Носила строгие костюмы, а украшения и макияж считала пустой тратой времени.

Маму Лера любила и очень ею гордилась, но вот общего языка Лера, которая любила часами крутиться перед зеркалом и болтать с подружками по телефону, с мамой не находила. Бывало, мама, оторвав глаза от книги, задумчиво смотрела на Леру, которая примеряла очередную юбку или кофточку. Лере в этот момент всегда казалось, что она не оправдала маминых надежд.

Пока отец жил с ними, мама больше внимания уделяла своей внешности, а когда ушел, как-то сразу посерьезнела, мало улыбалась и на все дочкины предложения поменять прическу или надеть платье с оборками, которое она раньше так любила, только отмахивалась.

Однажды вечером в дверь позвонили. Дверь открыла Лера. На пороге стояла стройная, модно одетая красивая девушка лет на пять старше Леры.

— Извините, мне нужен Сергей Викторович, — произнесла девушка. — Он здесь живет?

— Он здесь не живет уже три года. А зачем он вам нужен? — с детской непосредственностью поинтересовалась Лера.

Однако девушка, похоже, ее не слышала. Она что-то нервно искала в своей сумочке.

— Ну вот же, — девушка протянула Лере листок, — мне дали этот адрес: улица Раевского, дом 3, квартира 17. Где же мне теперь его искать?

— Простите, если не секрет, а зачем он вам нужен? — к дверям подошла мама.

— Дело в том, что он мой отец, и я хотела посмотреть на человека, который имеет отношение к моему появлению на свет.

— Вы заходите, — пригласила мама, — может придумаем, как помочь вашему горю.

Девушку звали Алина, и теперь уже Лере пришлось удивляться семейной истории.

Как оказалось, папа с мамой долго не могли иметь детей. Мама была в отчаянии. Она очень хотела подарить горячо любимому мужу ребенка. Долго лечилась и, когда уже казалось, что надежды нет, неожиданно забеременела.

Лере было десять лет, когда маме позвонила женщина и сказала, что пятнадцать лет назад родила от Сергея дочь. Выходило, что пока мама лечилась, у отца родился внебрачный ребенок. Такого предательства мама простить не смогла. Отец собрал вещи и хлопнул дверью. С тех пор они не общались. Гордячка-мама на развод и алименты не подавала, а отец ни разу не позвонил и не пришел.

Как ни странно, но Алину и ее маму он тоже не посещал и не звонил. Похоже, что он обеих дочерей вычеркнул из своей жизни. Доходили слухи, что у него родился сын, но на развод он тоже не подавал, так что верить этим слухам или нет, мама не знала.

Алина не нашла отца, зато нашла младшую сестру, с которой они были даже внешне похожи. Обе любили наряжаться, менять прически и сплетничать.

Все бы было хорошо, но со временем Лера стала замечать, что мама неодобрительно смотрит на их дружбу. Лера, конечно, понимала, что Алина, которая стала причиной распада брака, не может вызывать у мамы приязнь, но она так мечтала иметь сестру!

С Алининой мамой Лера тоже познакомилась, но и она особого восторга от их общения не испытывала. Это сильно омрачало отношения новообретенных сестер.

Однажды Алина прибежала в кафе, где они часто встречались, возбужденная.

— Я, кажется, знаю, как решить нашу проблему! – крикнула она прямо с порога.

— Да что уже мы не пробовали, чтобы познакомить и помирить наших мам! И слушать не хотят, – умерила ее пыл Лера.

— Это не мы, это технология будущего может решить нашу проблему!

— Какая технология?

— Вот смотри. Фирма «Компиляция» может по нашему желанию «собрать» в одном человеке все качества, которые нам нравятся. Можем из двух мам сделать одну, которая будет любить нас обеих, а там, может, и папа захочет с нами общаться.

Фирма, в которую они пришли, Лере сразу не понравилась. Тем более, что договор на компиляцию могла подписать только Алина как совершеннолетняя.

Их желание из двух мам сделать одну вызвало улыбку у мужчины, который представился как Викентий Леопольдович.

— Девочки, милые. Это не совсем так, как вы себе представляете. Мы не можем из двух людей сделать одного. Мы можем, скажем так, качества нескольких людей сосредоточить в одном человеке. Людей по-прежнему будет двое, но, если в одной маме мы сосредоточим все, на ваш взгляд, положительные качества, то другой достанутся все отрицательные.

Здесь Лера и Алина первый раз серьезно поругались. Каждая приводила массу аргументов в пользу своей мамы. Лера утверждала, что ее мама моложе, красивее и имеет престижную работу, в отличие от мамы Алины – парикмахера. Алина, в свою очередь, доказывала, что ее мама разбирается в прическах, макияже, модной одежде, с ней можно поделиться проблемами, так как она понимает современную молодежь.

Их спор разрешил Викентий Леопольдович.

— Девочки, давайте сделаем так. Я вам покажу два виртуальных варианта компиляции, а вы выберете, какой вам больше подходит.

У Леры на глаза навернулись слезы, когда она «увидела» постаревшую одинокую маму в пустой квартире с потухшим взглядом и книгой в руках, которая была открыта на одной и той же странице. Мама с тоской переводила взгляд с Лериного портрета на телефон, который упорно молчал.

Не попрощавшись с Алиной, Лера пулей выскочила из здания и помчалась домой.

— Мама, мамочка, не нужна мне никакая сестра! Ты у меня единственная, любимая моя мамочка!

— Раз так, — улыбнулась нарядно одетая мама, поправляя новую молодежную стрижку, — переодевайся и пойдем в ресторан. Позвонил отец. Он нас ждет.

LERA

Od kad zna za sebe, Lera je htjela imati stariju sestru. Baš stariju, kako bi od nje mogla posuđivati stvari i šminku, savjetovati se što da obuće za izlazak, govoriti joj tajne i plakati za izgubljenim ljubavima.

Mama je radila u ozbiljnom znanstveno-istraživačkom centru. Nosila je stroge kostime, a nakit i šminku je smatrala pustim gubljenjem vremena.

Lera je voljela svoju mamu i jako se ponosila njome, ali zbog Lerinog vrcakavog karaktera nisu nalazile zajednički jezik. Mogla se satima vrtjeti ispred ogledala i razgovarati na telefon s prijateljicama. Ponekad bi mama prekinula čitanje knjige i zamišljeno promatrala Leru koja je isprobavala novu bluzu i suknju. U takvim se trenutcima Leri uvijek činilo da ne ispunjava mamina očekivanja.

Dok je otac još s njima živio, mama je više pažnje posvećivala svom izgledu. Kada je otišao, odjednom se nekako uozbiljila. Rijetko je bila nasmijana i sve je Lerine prijedloge da promijeni frizuru ili obuće lepršavu haljinu koju je prije jako voljela – odbijala.

Jedne se večeri oglasilo zvono. Lera je otvorila vrata. Pred njom je stajala lijepa, vitka, moderno odjevena djevojka, otprilike pet godina starija od nje.

- Oprostite, trebam Sergeja Viktorovića, - rekla je djevojka. – Živi li on ovdje?
- On ovdje ne živi već tri godine. Što će vam on? – upitala je Lera radozno.

Čini se da je djevojka nije dobro čula, već je nešto tražila u torbici.

- No evo, - pružila je Leri papirić, - dali su mi ovu adresu: Rajevska ulica br.5, stan 17. Gdje da ga sada tražim?

- Oprostite, ako nije tajna, a zašto ga trebate? – došavši do vrata, upitala je mama.
- Radi se o tome da je on moj otac i htjela sam pogledati u oči čovjeku koji ima veze s mojim dolaskom na svijet. – otresito je odgovorila gošća.
- Samo Vi uđite, - rekla je mama, - možda ćemo smisliti kako da vam pomognemo.

Djevojka se zvala Alina, a Lera je, sva u čudu, znatiželjno pratila priču o obiteljskoj povijest.

Saznala je da tata i mama nisu dugo mogli imati djece. Mama je bila očajna. Jako je željela voljenom mužu roditi bar jedno dijete. Dugo se liječila i kada se već činilo kako nema nade – neočekivano je zatrudnjela.

Lera je imala deset godina, kada je mamu nazvala neka žena, koja joj je rekla da je prije petnaest godina rodila Sergeju kćer. Uspostavilo se da se ocu, dok se mama liječila, rodilo izvanbračno dijete. Mama nije mogla oprostiti takvu izdaju. Otac je pokupio stvari i zalupio vratima. Otada se nisu čuli. Ponosna mama nije tražila ni razvod, ni alimentaciju, a tata niti jednom nije došao, niti je nazvao.

Začudo, Alininu mamu isto nije zvao, niti je dolazio k njima. Čini se da je obje kćeri izbacio iz svog života. Kružile su priče da je dobio sina. Iako, budući da nije tražio rastavu, tko zna je li to bila istina.

Alina je umjesto tate našla mlađu sestru koja joj je čak bila i slična. Obje su voljele kupovati modne krpice, mijenjati frizure i tračati.

Međutim, Lera je s vremenom počela primjećivati da mama ne odobrava njihovo prijateljstvo. Lera je naravno razumjela da Alina, koja je bila razlog raspada njezinog braka, ne može u njoj izazivati pozitivne emocije. Ali ona je toliko maštala o sestri!

Lera je također upoznala Alilinu mamu, ali ni ona se nije posebno radovala njihovom tandemu.

Sve je to bacilo sjenu na odnos dviju sestara.

Jednom je Alina uzbuđeno dotrčala u kafić u kojem su se redovito nalazile.

- Čini mi se da znam kako riješiti naš problem! – uzviknula je.
- Zar nismo probale već sve kako bi pomirile naše mame? One o tome neće ni čuti!
- Ne mi, nego tehnologija budućnosti! Ona može razriješiti našu situaciju!
- Kakva sad tehnologija?

- Gledaj. Postoji jedna firma koja se zove “Kompilacija”. Tamo mogu po našim željama “okupit” u jednu osobu osobine više ljudi. Osobine koje se nama sviđaju. Možemo naručiti da od dvije mame napravimo jednu koja će nas obje voljeti! Možda će se onda i tata htjeti vratiti.

Firma u koju su došle Leri se nije sviđala. Pogotovo zato što je ugovor o “kompilaciji” mogla potpisati samo Alina jer je punoljetna.

Njihova želja – od dvije mame napraviti jednu, nasmijala je muškarca koji se predstavio kao Vikentij Leopoldović.

- Drage moje djevojke. To uopće ne ide tako kako ste vi zamislile. Mi ne možemo od dvije osobe napraviti jednu. Nego, možemo, recimo, osobine različitih ljudi dodijeliti jednom čovjeku. I dalje ćete imati dvije mame, ali ako u jednoj mami koncentriramo sve što vam se sviđa - sve pozitivne crte karaktera, onda će druga imati samo negativne.

Tada su se djevojke prvi puta ozbiljno posvađale. Svaka je iznosila bezbroj argumenata u korist svoje mame. Lera je tvrdila kako je njezina mama mlađa, ljepša i ima prestižan posao, za razliku od Alinine mame, koja je frizerka. Alina je pak govorila, kako se njezina mama razumije u ljepotu, frizure, stil i modu. S njom možeš pričati o svim problemima, suvremenih je svjetonazora i razumije mladež.

Njihovu svađu razriješio je Vikentij Leopoldović.

- Cure, ajmo napraviti ovako. Ja ću vam pokazati dvije virtualne varijante kompilacije, a vi ćete odabrati koja vam se više sviđa.

Leri su zasuzile oči kad je “vidjela” ostarjelu, usamljenu mamu u praznom stanu, ugašenog pogleda, s knjigom u ruci koja je, čini se, bila otvorena na istoj stranici.

Mama je tužno gledala, čas Lerinu fotografiju, čas telefon, koji uporno nije zvonio.

Lera je kao metak, bez pozdrava, istrčala iz zgrade i pojurila kući.

- Mama, mamice, ne trebam je nikakvu sestru! Ti si moja jedina, najdraža mama!
- Ako je tako, - nasmijala se moderno odjevena mama, popravljajući novu trendovsku frizuru, - presvući se i idemo u restoran. Nazvao je otac, kaže da nas čeka.

СВЕТЛАНА

Замуж Света хотела всегда. Себя она видела в роскошном белом платье с длинной фатой, а вот с мужем были затруднения.

В детстве муж представлялся стандартно – принцем на белом коне. Выражаясь языком математики, которую Света обожала, видение представлялось в облике уравнения, где постоянная величина был конь, а переменная – принц, который приобретал черты то Вити из 2Б, то Пети из 3В, то Степана из 5А.

На смену коню пришел белый пароход. Свету не смущало, что капитанами заокеанских лайнеров моряки, как правило, становились в почтенном возрасте. Это ведь была ее мечта, а в мечтах можно все.

К сорока годам надежда выйти замуж за человека своей мечты немного поблекла, но не угасла. Все подружки вышли замуж, родили детей. Многие разошлись, снова вышли замуж, родили новых детей и снова разошлись.

Лучшая подруга Тася разделяла Светланину мечту найти идеального мужчину, но как человек, двумя ногами стоящий на земле, в конце концов, к тридцати шести годам перестала мечтать, родила «для себя» чудесную девочку и уговаривала Свету последовать ее примеру.

— Светик, ты себе даже не представляешь, какая прелесть моя Машка! С тех пор как она появилась на свет, я о мужиках и думать забыла. Вот подожди, она немного подрастет, будем вместе ходить в театр, в кафе, по магазинам. А то махнем в Париж забраться на Эйфелеву башню. Ты поедешь с нами в Париж?

На Париж Света соглашалась, но с ребенком тянула. Нет, это, конечно, замечательно, когда есть родной человек, но это совсем не то, чего Свете хотелось. И потом, глядя, как шеф не желает входить в Тасино положение матери-одиночки, Света склонялась к мысли, что лучше уж жить со своими мечтами, чем с режущимися зубами, простудами, памперсами, запущенными волосами и угрозой вылететь с любимой работы.

На свой 42-й день рождения в почтовом ящике вместе с поздравительными открытками Света нашла рекламу. Ничем не примечательный листок приглашал поучаствовать в эксперименте, который проводила иностранная фирма. Эксперимент назывался «Компиляция». Света порылась в энциклопедии и выяснила, что так называют сочинительство на основе чужих исследований или произведений. Фирма предлагала «сочинить» идеального партнера согласно пожеланиям заказчика.

Будучи человеком, далеким от мистики, паранормальных явлений и технологий будущего, которые шарлатаны предлагали опробовать уже сегодня за приличную сумму, Светлана посмеялась и бросила рекламку вместе с почтой на журнальный столик.

Вскоре она познакомилась с мужчиной своей мечты. Он был старше ее на семь лет. Высокий, импозантный, ухоженный, начитанный и галантный. Встречались на нейтральной территории. Правда, рестораны, куда приглашал Михаил, который просил называть его Майклом, особым шиком не отличались. Однажды он даже попросил заплатить за ужин.

— Светочка, дорогая, не обижайся, но зарплата не села на карточку, а мы уже договорились, и я не хотел отменять нашу встречу. Ты очень обидишься, если в этот раз заплатишь ты?

— Миша, не глупи. Ты ведь платил и в прошлый раз, и в позапрошлый, а я женщина современная, не бедная, считай, что сегодня я пригласила тебя.

Света не обратила внимание на то, что кавалер не пообещал вернуть деньги, как только зарплата придет на счет. Ничего предосудительного не видела она и в том, что Михаил каждый раз находил причину отказаться от похода в театр или на выставку. Туда она по-прежнему ходила с подругами и каждый раз отшучивалась, что не показывает кавалера, чтобы не отбили.

Ситуация с рестораном повторилась, а когда Михаил попросил займы крупную сумму денег, Светлана поняла, что перед ней обычный альфонс. Вспомнила, как смеялась над доверчивостью женщин, которые рассказывали подобные истории в социальных сетях.

Церемониться и чистоплюйствовать Света не стала. Не тот характер. Выставила Майкла-Мишку за дверь, когда тот явился с букетом цветов, предвкушая, как облапошит очередную жертву.

Тем не менее, настроение после этого было хуже некуда, и Светлана решила сделать уборку. Это был ее способ пережить очередное разочарование. Каждый раз после окончания романтических отношений она делала генеральную уборку с перестановкой мебели, что давало ощущение начала нового жизненного этапа.

С журнального столика упала пачка бумаг и томик Пушкина. Света любила перечитывать строфы из «Евгения Онегина», а порой сама себе не признаваясь, «гадала» на книге. Вот и сейчас открыла наугад страницу на письме Ленского: «Что день грядущий мне готовит?»

— Действительно, что же этот день может мне еще приготовить? – в сердцах произнесла Светлана, и ее взгляд упал на рекламу «Компиляции».

На другой день она энергично нажимала на звонок на дверях небольшого особняка в послевоенном стиле. Дверь долго не открывали, и Светлана уже хотела уйти, как к ней вышел мужчина небольшого роста в больших роговых очках.

— Извините, ради бога, что заставил ждать, но коллега заболел, я работаю один и не мог прервать процесс.

— Ничего, ничего, – пробормотала Светлана. – Это вы меня извините, что явилась без звонка, хотя на вашем буклете написано, что надо позвонить и договориться о встрече.

— Неважно. Заходите, пожалуйста. Вижу, что вам действительно срочно нужна наша помощь, так что не стоит откладывать в долгий ящик. Если вы сейчас уйдете, то вряд ли вернетесь.

— Видите? – удивилась Светлана.

— У вас на лице написано, что вы чем-то очень расстроены. Да к нам и не обращаются те, у кого все хорошо. Меня зовут Викентий Леопольдович, — представился мужчина.

Прибор для компиляции напоминал машину времени, как ее изображают в кино. Перед Светланой загорелся белый экран, а Викентий Леопольдович стал задавать ей вопросы.

— Для начала определимся с внешними данными. Да, кстати, забыл спросить, вы будете компилировать с нуля или по модели?

В предварительной беседе Викентий Леопольдович объяснил, в чем разница, и Света решила «рисовать» с нуля. Ну не попадались ей особи мужского пола, которые бы даже приблизительно соответствовали идеалу.

— А белый пароход прикомпилировать можете? – в шутку спросила Светлана, чтобы немного унять волнение, однако собеседник юмора не понял и стал всерьез объяснять, что неодушевленные предметы в пакет услуг не входят.

— С нуля будем! – решила Светлана. — Хочу, чтобы был высокий, стройный, моих лет, приятной

наружности, обходительный, щедрый, достаточно обеспеченный, интеллигентный, смелый, нежный, сексуальный...

Света набрала воздуха, чтобы продолжить перечислять качества идеального избранника, но Викентий Леопольдович ее прервал:

— Извините, что вмешиваюсь, но я обязан вас предупредить: такое количество положительных качеств в одном человеке обязательно должно иметь противовес.

— В каком смысле?

— В том смысле, что прямо противоположные негативные качества сконцентрируются в другом дорогом вам человеке, например, ребенке. Особенно это ярко выражено, когда компилируем с нуля.

— О каком ребенке может идти речь? — подумала Светлана. — Мне сорок три года. Какие дети? — А вслух сказала:

— Компилируйте, а там разберемся.

Свадьба была скромная, но стильная. Зал престижного ресторана был украшен совкусом. Церемонию заключения брака заказали выездную, чтобы не разбивать торжественность момента. Блюда были изысканные, музыка звучала классическая, а гости все были очень милы и благовоспитанны. Немного портила общую атмосферу Тасина Машка, которая носилась по залу и вопила от восторга, но Света решила не обращать внимания, все-таки это ребенок лучшей подруги.

Сказочный медовый месяц молодожены провели в Париже и Ницце, а еще через месяц Светлана поняла, что беременна.

SVJETLANA

Svjetlana se oduvijek željela udati. Zamišljala se u raskošnoj bijeloj haljini s dugačkim velom.

U djetinjstvu je maštala o “standardnom mužu” – princu na bijelom konju. Obožavala je matematiku, a njezina bi se zamisao mogla predočiti kao jednadžbu kojoj je nepromijenjiva veličina – konj, a promijenjiva – princ, koji je svako malo dobivao drugi oblik: Vitje iz 2B, Petji iz 3C, ili čak Stjepana iz 5A.

Kasnije je bijeloga konja zamijenio bijeli kruzer. Svjeti nije smetalo da samo iskusni čovjek u godinama može biti kapetan takvog velebnog broda koji krstari oceanom. To je bila njezina mašta, a kaže se “mašta radi svašta”.

Kad su došle četrdesete, nada da će se udati za čovjeka iz svoje mašte malo je izbledjela, ali nije nestala. Sve su njene prijateljice već bile udane i rodile djecu. Mnoge su se i rastale, udale po drugi puta, rodile još djece i opet se rastale.

Svjetlanina najbolja prijateljica Tasja je isto imala želju naći idealnog muškarca. Ipak, s trideset šest godina, kao žena koja zdravo razmišlja je prestala sanjariti. Rodila je “za sebe” prekrasnu djevojčicu i stalno nagovarala Svjetu da slijedi njezin primjer.

- Svjetić, ne možeš si ni zamisliti kako je prekrasno imati moju Mašu! Od kad se ona rodila, uopće ne razmišljam o muškarcima. Kad poraste, zajedno ćemo ići u kazalište, na kavu, u šoping. Skočit ćemo do Pariza i popeti se na Eiffelov toranj. Hoćeš li ići s nama?

Na Pariz bi Svjeta još i pristala, ali roditi dijete, to se dvoumila. Naravno, divno je i krasno imati svoju krv, ali to nije ono što je željela. Vidjevši da Tasja kao samohrana majka baš i nema razumijevanja na poslu,

Svjetlana je radije odabrala živjeti u maštarijama, nego s pelenama, tantrumima, prehladama, masnom kosom i prijetnjom da izgubi dobar posao.

Na svoj četrdeset drugi rođendan, umjesto čestitke u poštanskom sandučiću, Svjeta je našla reklamu. Na običnom letku bio je poziv na sudjelovanje u nekom eksperimentu kojega je provodila inozemna firma. Eksperiment se zvao "Kompilacija". Svjeta je otvorila enciklopediju. To je naziv za djelo koje je sastavljeno na temelju tuđih istraživanja, tekstova ili uradaka. Firma je nudila "osmisliti" idealnog partnera, prema željama klijenta.

Budući da je ona – žena koja ne vjeruje u mistiku, paranormalno, gatanje i slične stvari koje šarlatani žele prikazati kao tehnologiju budućnosti u nadi da će izvući novac – Svjetlana se samo nasmijala i odložila letak na noćni ormarić.

Uskoro je upoznala, kako joj se činilo, muškarca iz svoje mašte. Bio je od nje stariji sedam godina. Visok, imponzantan, uredan, načitan i galantan. Susretali su se na neutralnom teritoriju. Iako, restorani u koje ju je Mihael vodio, koji je molio da ga zove Michael, nisu nimalo bili raskošni. Jednom je čak zamolio da ona plati večeru.

- Svjeta, draga, neizmjereno mi je žao, ali plaća mi još nije sjela na račun. Buduću da smo se već prije dogovorili, nisam htio otkazivati susret. Hoćeš li se jako naljutiti ako ovog puta ti platiš?

- Miša, ne budali. Ti si platio prošli put, i pretprošli, a ja sam žena suvremenih stavova i nisam siromašna. Računamo kao da sam ja tebe danas pozvala.

Mihael je svaki put nalazio razlog zbog kojeg bi otkazao odlazak u kazalište ili na izložbu. Tamo je još uvijek išla s prijateljicama i stalno se šalila na račun "skrivanja" svog muškarca, navodno kako ga one ne bi zavele.

Situacija s restoranom se ponovila i to je bilo prvo zvono za uzbunu. A kad ju je Mihael zamolio da mu posudi velik novčani iznos, Svjetlana je shvatila da je njezin odabranik običan prevarant. Sjetila se kako se smijala naivnim ženama koje su vjerovale takvim muškarcima i kasnije pisale o svojim iskustvima na društvenim mrežama.

Nije joj dugo trebalo da Michaelu - Miši pokaže gdje su vrata, kad je idući puta došao s buketom cvijeća u nadi da će je opelješ.

Nakon tog nemilog događaja, Svjeta je bila jako loše raspoložena. U takvim je trenucima imala naviku čistiti kuću. To je bio njezin način kako preživjeti razočaranje. Svaki put nakon završetka romantične veze, imala bi generalno čišćenje stana, zatim bi i namještaj potpuno razmjestila jer joj je to davalo osjećaj otvaranja novog životnog poglavlja. S noćnog je ormarića pao svežanj papira i Puškinova knjiga. Svjeta je voljela iznova čitati retke iz "Jevgenija Onjegina", tražeći odgovore kod voljenog pisca. Tako je i sada otvorila strancu na kojoj je pismo Lenskoga: "Što dolazeći dan priprema meni?"

- Stvarno, što mi još ovaj dan može pripremiti? – ljutito je naglas rekla Svjeta, kad joj se pogled zaustavi na reklamama "Kompilacije".

Idući je dan odlučno pritiskala zvono na vratima zgrade u poslijeratnom stilu. Vrata dugo nitko nije otvorio i Svjeta je već htjela otići, kad je na trijem izašao niski muškarac s velikim četvrtastim naočalama.

- Oprostite, molim Vas, na tolikom čekanju. Kolega je bolestan pa radim sam. Nisam mogao prekinuti proces.

- Ništa, ništa, - rekla je sebi u bradu Svjeta. – Oprostite Vi meni, nisam nazvala, iako na vašem letku piše da treba dogovoriti termin.

- Nema veze, samo uđite. Vidim da Vam je hitno potrebna pomoć, tako da nećemo odgađati. Ako odete odavde – nećete se vratiti.

- Vidite?

- Sve Vam piše na licu, jako ste razočarani. Ne obraćaju nam se oni kojima sve ide prema očekivanjima.

Uređaj za Kompilaciju izgledao je kao vremenski stroj iz filmova fantastike. Ispred Svjetlane se upalio bijeli ekran, a muškarac koji se predstavio kao Vikentij Leopoldović, započeo je s pitanjima.

- Hajdemo prvo odrediti vanjske osobine. Da, zaboravio sam pitati: hoćete li kompilirati od nule ili po modelu?

Tijekom pripremnog razgovora, Vikentij Leopoldović joj je objasnio u čemu je razlika i Svjeta se odlučila krenuti "od nule". Nije nikada srela nijednog muškarca, koji bi barem približno odgovarao njezinom idealu.

- A bijeli kruzer možete isto kompilirati? – u šali je pitala Svjeta kako bi malo ublažila napetost. Sugovornik nije shvatio humor i počeo je ozbiljno objašnjavati kako nežive stvari ne ulaze u paket njihovih usluga.

- Idemo od nule! -, prekinula ga je Svjetlana. – Želim da bude visok, vitak, mojih godina, šarmantan, lijepih crta lica, pažljiv, darežljiv, dobrostojeći, inteligentan, hrabar, nježan, seksualan...

Svjeta je uzela zraka da može nastaviti niz kvaliteta idealnog muškarca, ali ju je Vikentij Leopoldović zaustavio:

- Oprostite što se miješam, ali moram Vas upozoriti da tolika količina pozitivnih osobina u jednom čovjeku obavezno mora imati svoju protutežu.

- Kako to mislite?

- To znači da će se suprotne karakteristike koncentrirati u drugoj, Vama jednako dragoj osobi. Na primjer, u budućem djetetu. To je posebno jako izraženo ako se kompilira od nule.

“O kakvom Vi djetetu govorite?” – pomislila je Svjeta – “Imam četrdeset tri godine. Kakva djeca?”

A naglas je rekla:

- Kompilirajte. Probleme ćemo rješavati kad za to dođe vrijeme.

Svadba je bila mala, ali s puno stila. Dvorana prestižnog restorana bila je moderno uređena. Ceremonija vjenčanja se odvijala u istom prostoru kako se ne bi izgubila slavljenička atmosfera. Jela su bila ekskluzivna, glazba klasična, a gosti svi od reda lijepi i kulturni. Malo je cjelokupan dojam kvarila Tasjina Maša koja je jurila dvoranom i vrištala od uzbuđenja, ali je Svjeta odlučila ne obraćati pažnju - ipak je to dijete njezine najbolje prijateljice.

Bajkovit medeni mjesec mladenci su proveli u Parizu i Nici. Nakon mjesec dana, Svjetlana je shvatila da je trudna.

ШУРЕТА

Сашку Шурета родила, когда ей не исполнилось и семнадцати. А с Настей они познакомились, когда та пришла к Шурете на прием. Помнится, Настя еще удивилась: что это за имя такое – Шурета? Оказалось, что ничего особенного здесь нет. Подругу звали Александра, сокращенно Шура. Шуретой ее называл Сашкин непутевый папаша, который пропал без вести где-то в горах Грузии. А может и не пропал, может еще объявится, встанет на пороге и завопит: «Шурета, душа моя, предъяви наследника!»

— Было бы что наследовать! – стараясь не расхохотаться отвечала Шурета.

— Как? А мой знаменитый брезентовый рюкзак, который я выменял на барахолке в Барнауле?

Это был их кодовый диалог, после которого миниатюрная Шурета бросалась великану на шею, а он нежно сжимал ее в объятиях, словно боялся раздавить. Визиты Сени родители воспринимали спокойно. Надо же дочери иметь личную жизнь. А какую – самой решать. Не маленькая.

Время шло, Сеня не приезжал, и Шурета стала забывать его беспокойный веселый нрав, сильные руки и заразительный смех.

Вопреки законам жанра, родители не выгнали беременную Шурку из дома, а взяли на себя заботы о внуке. Шура закончила медицинский институт и устроилась участковым терапевтом. Ко времени знакомства Насти и Шуреты ее сыну исполнилось восемнадцать. Настя была старше его на пять лет и не воспринимала подростка всерьез. Сашка смотрел на нее преданными глазами, бледнел, краснел, но признаться в любви не решился. После окончания медицинского института он подписал контракт на работу в военной зоне и пропал из поля зрения. Шурета, конечно, рассказывала, как у него идут дела, но Настя особенно не вникала. Все хорошо, и слава Богу.

Подруг у Насти было немного, и с возрастом она все чаще ловила себя на том, что пытается как бы из нескольких людей «собрать» одного идеального человека. Вот если бы Шуретину заботливость, умение слушать и дать дельный совет, Иркину легкость на подъем, Ольгину решительность, Светланин веселый нрав и Елизаветину деловую хватку собрать в одном человеке, с ним можно бы было идти и в огонь, и в воду.

Предаваясь таким фантазиям, Настя прогуливалась в городском саду, когда услышала за спиной голос:

— Ваше желание свойственно всем людям. Мы бы все хотели идеального мужа, подругу, ребенка, работодателя, забывая при этом о законе сообщающихся сосудов.

Настя даже не успела удивиться, настолько все выглядело нереально. Оглянувшись, она увидела пожилого человека в длинном пальто и какой-то старомодной шляпе, словно сошедшего с открытки шестидесятых годов.

Извините, если напугал вас. Меня зовут Викентий Леопольдович, и я так давно занимаюсь психологией, что по выражению вашего лица понял, о чем вы думаете.

— Так уж и по выражению лица, любезный Викентий Леопольдович? А ведь я была повернута к вам спиной.

— Вы наблюдательны и сметливы. Поймали меня на горячем. Ну, скажем так, я обладаю определенными способностями, и если я улавливаю в настроении человека соответствующую волну, то могу читать его мысли.

— Так что вы говорили о законе сообщающихся сосудов? – заинтересовалась Тася.

— Видите ли, если в одном человеке собрать все положительные черты, то кому-то достанутся все отрицательные. Чтобы не нарушать природного равновесия, в нас сочетаются как положительные качества, так и отрицательные. Можно, конечно, сконструировать относительно идеальную личность в соответствии с качествами, которые лично вы считаете положительными. Это ведь тоже весьма субъективно. Но в этом случае вам придется выбирать человека в своем самом близком окружении, который «получит» как противовес все отрицательные качества.

— Можете объяснить поподробнее?

— Пожалуйста. Скажем, вы решите наделить требуемыми качествами вашу подругу. Это будет предполагать, что муж доставит вам много неприятностей, так как ему передадутся те отрицательные качества, которые вы забраковали. Или вы хотите сконструировать идеального мужа, но ваш ребенок в этом случае будет практически не управляем. Именно потому природа любит равновесие, но мы можем предоставить вам возможность компиляции при определенных условиях. Сразу хочу предупредить: многие горько раскаялись, но есть и такие, которые все поставили на кон и не прогадали.

— Мужа нет и не намечается, поэтому хочу «сконструировать», как вы выразились, идеальную подругу.

— У вас есть на примете конкретный человек, или вы хотите компилировать с нуля?

— А в чем разница?

— Видите ли, когда мы закладываем реальную «болванку», большая вероятность, что компиляция удастся. Есть, конечно, вариант «с нуля», но здесь наши успехи не столь выдающиеся. Может получиться бледная копия желаемой модели. Кроме того, были сбои. Желаемые положительные качества со временем ослабевали, тогда как отрицательные развивались до крайних границ.

— У меня есть вполне конкретная подруга.

— Позвольте поинтересоваться, чем же вы не довольны, раз желаете, так сказать, улучшенный вариант?

— В последнее время мы часто не можем найти общий язык. Может, возраст сказывается, а может, еще что, но мне во всяком случае очень не хочется ее потерять.

— Что ж, воля ваша, но запомните: пока вы только наблюдаете за поведением виртуальной компиляции, вы можете отказаться от дальнейших шагов, но как только модель войдет в предлагаемую реальность, проход закрывается, и уже ничего нельзя изменить.

Довольная полученным результатом, Настя вбежала в квартиру Шуреты. Ей не терпелось выяснить, выполнила ли фирма свое обещание. В гостиной сидел Саша, а вокруг стола хлопотала Шурета.

— Настька, представь себе, этот оболтус приехал просить у меня твоей руки!

ŠURETA

Šureta je rodila Sašu s nepunih sedamnaest godina. A Nastja ju je upoznala kad je došla u ordinaciju na prijem. Nastja se čudom čudila – kakvo je to ime Šureta? Ispalo je, kako nema ništa posebno u imenu. Šureta je Aleksandra ili skraćeno Šura. Tako ju je zvao Sašin neodgovoran otac, koji je nestao bez traga u brdima Gruzije. A možda i nije nestao, već će se jednog dana vratiti i s vrata povikati: “Šureta, dušo moja, ajde pokaži mi moga nasljednika!”

- Kao da se ima što nasljeđivati! – uvijek bi uzvratila sa smiješkom.
- Kako? A moj poznati platneni ruksak koji sam nabavio na placu u Barnaulu?

To je bio njihov uobičajeni dijalog, nakon kojega se minijatura Šureta bacala snažnom muškarcu oko vrata, a on ju je nježno grlio, kako je ne bi ozlijedio. Vrijeme je prolazilo, Senja nije dolazio i Šureta je počela polako zaboravljati njegovu razuzdanu narav, jake ruke i zarazni smijeh.

Bez obzira na tradicije, roditelji nisu potjerali trudnu Šuru iz kuće, nego su preuzeli brigu o unuku na sebe. Šura je završila medicinski fakultet i zaposlila se kao terapeut. Roditelji se nisu ljutiti zbog Senjinih dolazaka, jer su shvaćali da kćer ipak mora imati svoj privatni život. Neka sama odlučuje kako i s kime, nije dijete.

Kad je Nastja upoznala Šuretu, njezin sin Saša je napunio je osamnaest godina. Nastja je bila starija od njega pet godina i nije ga shvaćala ozbiljno. Saša ju je gledao zaljubljenim očima, hodao za njom kao sjena, ali dalje od toga nije išao. Nakon završenog studija medicine, Saša je potpisao ugovor za vojsku i nestao s “radara”. Šureta je znala pričati kako mu ide u životu, premda Nastja nije ništa posebno ispitala. Sve je, hvala Bogu, u redu.

Nastja nije imala puno prijateljica. S godinama je sve češće primjećivala da pokušava više ljudi “spojiti” u jednu idealnu osobu. Kad bi mogla spojiti u jednoj osobi može intuiciju i veselu Šuretinu narav, Irininu spontanost, Olginu odlučnost, Svjetinu druželjubivost i Elizabetinu susretljivost. Mogla bi s njom i na kraj svijeta.

Nastja se šetala gradskim parkom o tome maštajući, kad je čula glas iza svojih leđa:

- Mnogi žele isto što i vi. Svi bi htjeli imati idealnog muža, prijateljicu, dijete, poslodavca, zaboravljajući pri tome o zakonu spajanja suprotnih osobina.

Nastja se nije stigla ni začuditi, koliko je sve izgledalo nerealno. Okrenuvši se, ugledala je starijeg čovjeka u dugačkom kaputu i nekakvom staromodnom šeširu, kao sa slika iz šezdesetih godina.

- Oprostite, ako sam vas uplašio. Moje ime je Vikentij Leopoldović. Odavno se bavim psihologijom i shvatio sam po vašem izrazu lica o čemu razmišljate.

- Po izrazu mog lica, gospodine? Pa bila sam vam okrenuta leđima.

- Jako dobro zapažate. Ulovili ste me. Reći ćemo ovako: imam određene sposobnosti i ako osjetim raspoloženje čovjeka i uhvatim pravu frekvenciju – mogu čitati misli.

- Što ste ono rekli o zakonu spajanja suprotnih osobina?

- Gledajte, ako se u jednoj osobi skupe sve pozitivne karakterne osobine, netko će dobiti sve negativne. Kako ne bi narušili prirodnu ravnotežu, u nama se spajaju kako pozitivne tako i negativne osobine. Naravno, može se konstruirati približno idealna osoba, s onim kvalitetama koje Vi osobno smatrate pozitivnima. Što je jako subjektivno. Ali u tom slučaju ćete morati odabrati blisku Vam osobu, koja bi suprotno tome - poprimila negativne osobine.

- Možete li mi detaljnije pojasniti?

- Naravno. Recimo, želite dodijeliti potrebne Vam kvalitete svojoj prijateljici. To će podrazumijevati, da će vam Vaš buduću muž zadati puno muke. On će imati sve one negativne crte karaktera koje ste vi “blokiral” stvarajući idealnu prijateljicu. Ili, na primjer, želite konstruirati idealnog muža, ali u tom će slučaju karakter Vašeg djeteta biti katastrofalan. Baš zbog toga postoji prirodna ravnoteža. No, mi Vam možemo ponuditi mogućnost kompilacije uz određene uvjete. Odmah Vas želim upozoriti – mnogi su požalili, ali ima onih koji su riskirali i dobili na toj lutriji.

- Muža nemam, niti je u planu. Zato bih voljela, kako ste rekli “konstruirati” idealnu prijateljicu.

- Imate li neku osobu u svom okruženju, koja bi to postala ili želite kompilirati od nule?

- A u čemu je razlika?

- Ovako, ako za temelj uzmemo stvarnu osobu, veća je vjerojatnost uspjeha. Naravno postoji varijanta “od nule”, ali ovdje imamo manji postotak pozitivnih ishoda. Može ispasti samo blijeda kopija idealnog modela. Osim toga, događali su se i “kvarovi”. Željene kvalitete su s vremenom slabile, a one negativne su bujale bez ikakve kontrole.

- Imam ja konkretnu prijateljicu.

- Ako smijem pitati, čime ste nezadovoljni? Zašto želite “poboljšanu varijantu”?

- U posljednje vrijeme nikako ne možemo naći zajednički jezik. Možda zbog razlike u godinama, možda zbog nečeg drugog, ali je ja nikako ne želim izgubiti.

- U redu, Vaša volja. Ali zapamtite: sve dok promatrate ponašanje u virtualnoj kompilaciji, u mogućnosti ste prekinuti daljnja zbivanja. Ali čim model uđe u našu realnost, prolaz se zatvara i više ništa se neće moći promijeniti.

Zadovoljna dobivenim rezultatom, Nastja je utrčala Šureti u stan. Bila je nestrpljiva vidjeti je li firma ispunila svoja obećanja. U dnevnom boravku je sjedio Saša, a uokolo je trčkarala presretna Šureta.

- Nastja, zamisli! Ovaj moj bedak doputovao je k meni, da isprosi tebe!

МОДЕЛЯЦИЈА

MODELJACIJA

ВЕРА

Вера в который раз перечитывала заключение врача, как вроде буквы на бумаге могли волшебным способом выстроиться в другом порядке. Три страшных слова – диагноз – перечеркивали все планы на будущее, перечеркивали саму жизнь. Слова утешения, что рак сегодня не приговор, что люди после удачной операции живут годами, что иногда он чудом вылечивается даже на четвертой стадии, разбивались вдребезги о действительность: кому как повезет. Лотерея. Хуже всего, что врачи даже не знают, откуда он берется. Да и не болезнь это вовсе. Просто в один прекрасный момент твои собственные клетки сходят с ума и начинают пожирать здоровую ткань.

Вера жила одна, детей у нее не было, а муж, узнав, что у жены рак, ушел к другой, помоложе и поздоровее. Пока жили «в радости», все было хорошо, но, когда пришло «в горе», он просто трусливо сбежал. Даже вещи не забрал, наверно, боялся, что заразится. Поистине, как сказала одна ее знакомая, хочешь узнать человека - разведись с ним, или заболеет, добавила бы сейчас Вера.

На работе, узнав диагноз, ей дали отпуск. Сказали, поезжай к морю, отдохни, наберись сил, они тебе понадобятся.

— Да уж, понадобятся. Интересно, для чего? Для того, чтобы лежать пластом после химиотерапии или чтобы дотащить до магазина с париками, когда облысею? – пыталась иронизировать на свой счет Вера.

Надо взять себя в руки. Пока еще ничего не произошло. Диагноз мне поставили на ранней стадии, метастаз пока нет, прогноз по моему типу рака хороший, статистика тоже на моей стороне. Чего это я сразу так раскисла? Надо бороться, – уверяла «оптимистичная» Вера.

— Для чего и для кого бороться? – возражала «скептическая» Вера. — Кому ты будешь не хватать? У мамы своя жизнь. Она, конечно, приедет, разовьет активную деятельность, поднимет на ноги всех знакомых врачей, но потом снова уедет к молодому мужу, двум котам и собаке. Если уж будет совсем плохо, мама, конечно, наймет сиделку или устроит в хорошую больницу умирать с комфортом. И на том спасибо. Но это не повод цепляться за жизнь.

Друзей Вера как-то не нажила. Пока была замужем, растеряла и тех, с которыми дружила в школе и в институте. Когда осталась одна, оказалось, что у всех своя жизнь, мужья, дети, другие интересы и другие подруги. С коллегами были хорошие отношения, но это были именно деловые отношения, не выходявшие за рамки офиса.

Через месяц, после курса общеукрепляющих препаратов, Вере сделали операцию. Все прошло хорошо, и уже через три дня ей разрешили выходить на прогулку. С каждым днем становилась теплее, и Вера большую часть времени проводила в саду, удобно устроившись на скамейке с книгой в руках.

Однажды, когда она с головой ушла в злключения Белой и Алой розы, кто-то подсел к ней на скамейку.

— Я давно за вами наблюдаю. Вы так увлеклись чтением, что жалко было вас отрывать, – сказал мужчина. - Меня зовут Александр. Я лежу в мужской онкологии и выяснил, что мы с вами товарищи по несчастью.

— И, что вы предлагаете? Будем горевать вместе, или вы изобрели чудодейственное лекарство и решили со мной поделиться секретом? – съязвила Вера.

— Ни то, ни другое. У меня четвертая стадия, и, боюсь, на изобретение чудодейственного лекарства не осталось времени. Вы мне понравились, и я хочу поделиться с вами информацией. Дело в том, что мой друг работает в фирме, которая оказывает услуги «модЕляции». Проще говоря, там могут смоделировать безбольный и достойный уход.

Вера поняла, о чем идет речь, но вслух, на всякий случай, произнесла: «Что вы имеете в виду?» Где-то она уже слышала о подобном, но как попасть в эту фирму, не знала. Знакомых у нее не было, а фирма свои услуги особо не рекламировала.

— Я имею в виду, что вместо того, чтобы долго умирать в палате на десять человек и испытывать невыносимую боль, можно смоделировать другую версию. В этом случае вы будете точно знать, когда и как это произойдет, а точнее, сможете сами решить, как это должно произойти.

— Так просто? По щучьему велению, по моему хотению?

— Не просто. Есть ограничения, обусловленные реальностью. Например, вы не сможете смоделировать уход в окружении многочисленного потомства и убитых горем родственников, если таковых нет в наличии. Но вы сможете смоделировать уход в частной клинике той страны, где отличное медицинское обслуживание, разрешена эвтаназия или есть эффективные обезболивающие средства.

Выписали Веру через неделю после странного знакомства. Перед уходом она решила поискать соседа, но выяснилось, что его перевезли в закрытую клинику. Вера поняла, что он воспользовался услугами «модЕляции».

Фирму, как ни странно, Вера нашла без особого труда. Назвала фамилию случайного знакомого, и ее пропустили в просторный прохладный холл. Любезный сотрудник, который представился как Эдуард, провел ее в удобно обставленную комнату, совсем не похожую на лабораторию для экспериментов, как это представляла себе Вера.

— Скажите, а что произошло с тем человеком, который мне порекомендовал к вам обратиться?

— Извините, но мы не даем информацию о наших клиентах. Могу только сказать, что он выбрал модель развития ситуации и остался очень доволен ее воплощением.

— Спасибо. Этой информации достаточно. Я рада за него.

— Если вы готовы, то можем приступать. Ответьте, пожалуйста, на несколько вопросов: где бы вы хотели находиться, как долго может длиться агония, кого хотите увидеть напоследок, желаете ли быть при памяти или без сознания...

— Господи, как будто присутствуешь на собственных похоронах, — ужаснулась Вера.

Из задумчивости ее вернул голос Эдуарда:

— И, самое главное, пока вы не решите, какую выбрать модель, ни в коем случае не нажимайте синюю кнопку!

Покончив с формальностями, Вера надела шлем и положила руку на кнопку, вмонтированную в подлокотник кресла. Смоделированная по ее желанию реальность была настолько привлекательна, что Вера уже было решилась нажать на выпуклость, которую ощущала под ладонью, но почему-то замешкалась. Неожиданно перед глазами всплыла сцена из фильма, который недавно показывали по телевизору. Там молодая женщина, узнав, что у нее рак, взяла все свои сбережения и решила напоследок отдохнуть в Монте-Карло. Фильм был интересный, но самое главное, в конце выяснилось, что диагноз не подтвердился.

VERA

Vera je već po stoti put iščitavala liječnički nalaz, kao da će to nešto promijeniti.

Te strašne riječi – dijagnoza – precrtale su sve planove za budućnost i život uopće.

Riječi utjehe: rak je u današnje vrijeme moguće izliječiti, ljudi žive još godinama nakon operacije, nekim se čudom može preživjeti i četvrti stadij..., nestajale su i pretvarale se u običnu lutriju – kako tko ima sreće. Najgore od svega je to da doktori ne znaju zašto ga dobiješ. Rak uopće nije klasična bolest. Jednostavno, u jednom trenu tvoje stanice polude i počnu žderati vlastito tijelo.

Vera je živjela sama. Djece nije imala, a muž je, saznajući da ima rak, otišao mlađoj i zdravoj ljubavnici. Dok su živjeli “u dobru”, bilo je sve u redu, a kad je došlo ono “i u zlu”, izdajnički je pobjegao. Čak nije uzeo ni svoje stvari, valjda se bojao da će se zaraziti. Jedna poznanica je bila u pravu: želiš li upoznati muškarca – razvedi se! Ili oboli – dodala bi sada Vera.

Kad su na poslu saznali, odobrili su joj godišnji odmor. Rekli su neka ode na more, odmori, prikupi snagu koja će joj biti potrebna.

- Da, baš će mi biti potrebna snaga! Zanima me zašto? Zato da ležim nepomično poslije kemoterapije ili zato da se dovučem s perikom do dućana kad očelavim?

Treba se sabrati. Još se ništa nije dogodilo. Bolest je početnom stadiju, metastaza za sada nema, prognoze su za tu vrstu raka dobre, statistika joj isto ide u korist. Zašto sam tako pokisla? Treba se boriti! – uvjeravala se “optimistična” Vjera.

- Za što i za koga ćeš se boriti? – pitala je “skeptična” Vera. - Kome ćeš uopće nedostajati? Mama ima svoj život. Ona će, naravno doći pomoći, dignut će na noge sve svoje poznanike u medicini, ali će nakon toga svejedno otići svom mladom mužu, mačkama i psu. Ako će ti biti sasvim loše, mama će naći njegovateljicu ili te smjestiti u dobru bolnicu, da umireš u komforu. Hvala i na tome. Ali to nije razlog za život.

Prijatelje Vera nije imala. Dok je bila u braku, izgubila je i one s kojima se družila u školi i na fakultetu. Kad je ostala sama, pokazalo se da svatko od njih ima svoj život, muževe, djecu, druge interese u novom društvu. S kolegama je imala dobar, ali strogo poslovan odnos.

Nakon mjesec dana uzimanja preparata za jačanje organizma, Vera je bila operirana. Sve je prošlo u redu i već nakon tri dana su joj dozvolili izlaziti u šetnju. Vera je većinu vremena boravila u vrtu, udobno bi se smjestila u hladu na klupi s knjigom u ruci.

Jednom, udubljena u odnose glavnih likova, nije primijetila da je netko sjeo pokraj nje.

- Već vas dugo promatram. Tako ste zalučeni knjigom, da mi Vas je žao gnjaviti. Zovem se Aleksandar. Ovdje boravim na muškom odjelu onkologije. Čini mi se da smo kolege po nesreći.

- I što sad predlažete? Zajedno tugovati? Ili ste izmislili neki čudotvoran lijek pa želite tu tajnu podijeliti sa mnom?

- Ni jedno, ni drugo. Imam četvrti stadij i bojim se da nema vremena za stvaranje čudotvornog lijeka. Svidjeli ste mi se i zato želim s Vama podijeliti jednu informaciju. Moj prijatelj radi u jednoj firmi, gdje nude uslugu koja se zove “modeliranje”. Jednostavno rečeno, omogućuju ti bezbolan i dostojanstven odlazak.

Vera je shvatila o čemu se radi, ali je za svaki slučaj pitala: - što to točno znači?

Negdje je već o tome čula, ali nije znala kako doći do te firme. Nije imala poznanike koji su koristili njihove usluge, a firma se nije baš naširoko reklamirala.

- To znači, umjesto toga da se umire u bolnici, u sobi s još desetak ljudi, u nesnosnim bolovima, moguće

je modelirati drugu verziju tog događaja. U tom slučaju, točno ćete znati kad će se to dogoditi i sami možete odlučiti na koji način želite otići.

- Tako jednostavno?

- Nije jednostavno. Postoje ograničenja. Modeliranje treba biti u skladu s realnošću. Na primjer, ne možete svoj odlazak modelirati u krugu velike obitelji koja će tugovati za Vama, ako je zapravo nemate. Ali možete modelirati da umrete u privatnoj bolnici, u kojoj je pod određenim uvjetima dozvoljena eutanazija ili postoje dobra sredstva protiv bolova.

Veru su otpustili iz bolnice tjedan dana nakon ovog čudnog razgovora. Prije odlaska odlučila je potražiti susjeda, ali je saznala kako je premješten u zatvorenu bolnicu. Shvatila je da se odlučio na "modelaciju".

Firmu je, začudo, Vera našla bez problema. Rekla je prezime tog slučajnog poznanika i pustili su je unutra. Ljubazni djelatnik, koji se predstavio kao Eduard, proveo ju je dugačkim hodnikom do lijepo uređene sobe koja nimalo nije sličila na laboratorij za eksperimente, kako si je to Vera zamišljala.

- Recite što se dogodilo s onim čovjekom koji mi vas je preporučio?

- Oprostite, ali mi ne dajemo informacije o našim klijentima. Mogu samo reći – on je dobro. Izabrao je svoj model i jako je zadovoljan rezultatom. Ako ste spremni, možemo početi. Gdje biste se htjeli nalaziti? Koliko dugo smije trajati agonija? Koji vam datum odgovara? I za kraj - želite li biti budni ili u nesvijesti?

- Bože dragi, kao da si prisutan na vlastitom sprovodu, - užasnula se Vera.

Eduard je trgne iz zamišljenosti:

- I najvažnije, dok ne odlučite koji ćete model odabrati, ni u kojem slučaju nemojte dirati ovu plavu tipku!

Nakon završetka formalnog dijela, Vera je stavila kacigu na glavu i ruku na tipku koja se nalazila u naslonu fotelje. Realnost koju je ona modelirala bila je toliko privlačna da je zamalo pritisnula tipku koju je osjećala pod prstima, ali je iznenada ustuknula. Odjednom joj je na pamet pala scena iz filma koji je nedavno prikazan na televiziji. U njemu mlada žena, koja je saznala da ima rak, uzima svu svoju ušteđevinu i odlučuje se za kraj ludo provesti u Monte Carlu. Film je bio zanimljiv, ali najvažnije je to da se na kraju otkrilo kako je dijagnoza bila pogrešna.

МАМА

Учить английский язык мама категорически отказывалась. Понаехали тут, — ворчала она, проходя мимо очередной вывески иностранной фирмы, — вот они пусть и учат наш язык. Аня подтрунивала над ней, когда, услышав незнакомое слово, мама воспринимала его как личное оскорбление. Однажды потешался весь бутик. Мама в ответ на комплимент «She's a lady» взвилась: «Чего это он меня шизой обозвал?»

Компьютер мама тоже начала осваивать только тогда, когда появились винды на русском. Долго сопротивлялась, но пришлось. Аня получила грант на работу за границей. Телефонные переговоры влетали в копейчку, а по скайпу можно было вдоволь поболтать, да еще и увидеть друг друга.

Аня была очень поздним ребенком. Мама родила ее в 45 лет, окончательно разочаровавшись в институт брака и решив родить «для себя». Ни мама, ни Аня никогда не пожалели, что в доме нет мужчины. Им было хорошо вдвоем, но сейчас Аня разрывалась между желанием быть рядом с мамой и перспективной работой, которую получила за рубежом.

Мама никогда не жаловалась, но Аня чувствовала, что ей обидно. Получалось, что работа для Ани дороже мамы. Вот возьмут меня на постоянную работу, дадут приличный оклад, тогда сниму двухкомнатную квартиру и перевезу сюда маму, — успокаивала себя Аня. Однако, когда наконец такая возможность появилась, мама только фыркнула: «Как ты это себе представляешь? Куда я поеду, и что там буду делать? Здесь мои друзья, знакомые, здесь меня иногда зовут почитать лекцию или провести семинар, здесь я говорю на моем родном языке».

Мама приехала к Ане, как сама выразилась, «на разведку». Они с удовольствием гуляли по городу, сидели в кафе и даже купили маме новое пальто, но остаться подольше мама категорически отказалась. Торопилась домой, где ее ждали подружки с подробным отчетом о заграничной поездке.

Мама гостила у Ани еще несколько раз, но всегда недолго, а каждый приезд был все короче и короче, пока, наконец, мама не написала, что плохо себя чувствует и приехать в очередной раз не сможет. Аня взволновалась, хотела срочно брать билет на самолет, но мама ее успокоила, сказав, что ничего серьезного, просто возраст уже не тот, чтобы раскатывать по границам, пора и честь знать.

Договорились, что Аня приедет летом в отпуск и проведет с мамой целый месяц, но позвонил друг и предложил место в летнем исследовательском лагере, осенью начали серию экспериментов для нового проекта, а потом Аня познакомилась с симпатичным коллегой и зимние каникулы провела с ним, катаясь в горах на лыжах. С мамой они перезванивались, но Аня как-то не обратила внимания, что мама все реже выходит на скайп, ссылаясь на нежелание включать компьютер.

Всполошилась Аня только после звонка маминной подруги. Лилия Викторовна позвонила неожиданно и, даже не поздоровавшись, спросила, когда Аня последний раз навестила маму.

— Что случилось? Мама заболела, она в больнице? Ей нужна операция? — испуганно спросила Аня.

— Случилось. Приезжай и сама увидишь, — отрезала Лилия Викторовна и спустила трубку.

— Мама, мамочка, — бросив чемодан в прихожей, Аня вихрем влетела в комнату.

— Не кричи, Тошу разбудишь, — с облегчением услышала она родной голос.

Мама сидела в своем любимом кресле, а на коленях у нее дремал большой рыжий кот. Это Аню

немного удивило. Мама всегда была против того, чтобы держать в квартире животных. Наверное, ей было очень одиноко, подумала Аня, а вслух сказала: «Мамуля, прости, совсем я тебя оставила».

Ане было стыдно, и она не знала, что сказать и что сделать, чтобы хоть как-то загладить свою вину перед мамой. С другой стороны, Аня злилась на мать, что не захотела переехать к ней и тогда все их проблемы могли быть решены.

— Сядь. Не суетись. Лучше расскажи, как у тебя дела. Порадуй мать-старушку. Вот и Тоша хочет послушать новости из заграничной жизни, – знакомым с детства жестом мама показала на стул.

Аня подробно ответила на все мамины вопросы: как обстоят дела в фирме, над чем сейчас работает ее отдел, какой он, ее избранник, как ей нравится в новой квартире, какая сейчас там погода, есть ли русские, есть ли среди них у Ани друзья. Несмотря на непринужденный разговор, Аня отчетливо ощущала, что вскоре наступит момент, когда надо будет что-то решать.

Как она и предполагала, переезжать мама наотрез отказалась, но и на другие варианты категорически не соглашалась. Вариантов, собственно, было всего два: пустить квартирантку, чтобы присматривала за мамой, или подыскать приличный дом престарелых. Зарплата позволяла оплачивать частный пансион, куда мама могла бы переехать вместе с котом, к которому очень привязалась.

Устав от пререканий, Аня решила прогуляться по городу, а заодно навестить ту самую Лилию Викторовну, которая ей звонила. Дверь ей открыла молодая женщина и сказала, что Лилия Викторовна живет в доме престарелых, и дала его адрес.

«На ловца и зверь бежит, — подумала Аня. — Раз мамина подруга в пансионе, может быть, поможет уговорить маму устроить ее туда же. И мама не будет одна, и мне спокойно».

Лилия Викторовна жила в комнате одна и была очень довольна заведением, но вот на вопрос, можно ли устроить сюда маму, замялась и, немного подумав, протянула Ане листок, на котором было написано только одно слово «МодЕляции» и номер телефона.

— Вот, возьмите. Сюда можно попасть только по рекомендации. Раз уж я вам позвонила, то попробую помочь. Договоритесь о встрече, но идти надо обязательно с мамой, иначе вас не примут.

Аня поблагодарила, а про себя подумала: «Тоже мне тайны мадридского двора!» — однако, набрала номер, сказала, от кого его узнала, и договорилась прийти на следующий день. Отпуск, который ей дали в связи с экстренными обстоятельствами, скоро заканчивался.

Маме всей правды Аня не сказала. Хотя что она могла ей сказать кроме того, что это порекомендовала ее подруга Лиля.

Встретили их радушно и сразу предложили приступить к делу. Любезный оператор по имени Эдуард объяснил, что их фирма занимается модЕляцией действительности. То есть мама может высказать свои пожелания, а Эдуард на их основании выстроит параметры, с помощью которых смоделирует несколько вариантов. Мама может выбрать ту модель, которая ей больше всего понравилась, но может и прервать процесс в любую минуту.

Маме, как показалось Ане, даже понравилась эта игра. Правда, ее немного беспокоило, что мама легкомысленно отнеслась к предупреждению не нажимать опрометчиво синюю кнопку, но она успокаивала себя, что мама всегда была очень ответственным человеком и, наверняка, не станет рисковать, если не уверена в своем решении.

Пока мама находилась в боксе, Эдуард объяснил Ане, что выбранная модель может означать серьезные перемены в их отношениях. Может даже случиться, что они с мамой больше никогда не увидятся. Это, конечно, Аню очень испугало, но, в конце концов, лишь бы маме было хорошо. Пусть будет так, как она захочет.

Мама вышла из бокса задумчивая.

— Мамуля, что ты решила? Ты нажала синюю кнопку?

— Знаешь, ты меня не торопи. Я еще немного подумаю, может, еще решусь переехать к тебе. Мы ведь всегда справлялись сами, вот и теперь справимся, без всякой синей кнопки.

МАМА

Mama nikako nije htjela učiti engleski jezik. “Što su došli k nama”,- negodovala je ona, prolazeći pored već tko zna koje po redu, reklame strane firme - “neka oni uče naš jezik”.

Uvijek kada bi čula novu nepoznatu riječ, Ana bi je zadirkivala, a mama bi to shvaćala kao osobnu uvredu. Jednom se smijao cijeli butik, kad se mama na kompliment “she’s a lady”, pobunila, upitavši: zašto me je on nazvao šizikom?

U “osvajanje” računala mama se upustila tek kada su došli Windowsi na ruskom jeziku. Dugo se bunila, ali je ipak morala. Ana je dobila priliku za posao u inozemstvu. Telefonski razgovori bili su preskupi, a na Skype-u su mogle razgovarati koliko žele, čak su mogle vidjeti jedna drugu.

Mama je rodila Anu “za sebe”, s četrdeset pet godina, potpuno razočarana u instituciju braka. Ni mama, ni Ana, nikada nisu požalile što nemaju muškarca u kući. Bilo im je dobro i samima, ali sada Ana se trgala između želje da bude pored mame i toga da prihvati perspektivan posao koji je dobila u inozemstvu.

Mama se nikad nije žalila, ali je Ana osjećala njezinu tugu. Ispalo je kao da je posao Ani značio više od rođene mame. “Samo da me uzmu za stalno i daju dobru plaću, odmah ću iznajmiti dvosoban stan i dovesti mamu” - tješila je Ana samu sebe. No, kad je to napokon postalo moguće, mama je samo zakolotala očima: - kako si ti to sebi zamislila?

- Kamo da idem i što ću ja tamo raditi? Ovdje imam prijatelje i poznanike, ovdje me ponekad zovu održati lekciju ili organizirati seminar, ovdje govorim svoj jezik.

Naravno, mama je dolazila k Ani, kako je sama govorila, “u izvidnicu”. Zadovoljno su šetale gradom, sjedile u barovima, čak su kupile mami novi kaput, ali mama je bila protiv dužeg ostanka. Žurila je kući, tamo je čekaju njezine prijateljice da im priča o putovanju.

Mama je bila još nekoliko puta kod Ane u gostima, ali nikada nije dugo ostajala i svaki je boravak kod nje bio sve kraći i kraći, sve dok jednom nije napisala kako se ne osjeća dobro i da neće moći doći. Ana se zabrinula i željela je odmah kupiti avionsku kartu, ali mama ju je smirila, rekavši joj da se ništa strašno nije dogodilo, nego da jednostavno više nije u tim godinama da putuje okolo po svijetu.

Dogovorile su se da će Ana doći k njoj za vrijeme godišnjeg odmora i da će biti zajedno cijeli mjesec.

Ali, nazvao ju je prijatelj i ponudio joj mjesto u ljetnom istraživačkom kampu, kao pripremu za novi jesenski projekt. Nakon toga, Ana je upoznala novog simpatičnog kolegu i zimske je praznike provela s njim na skijanju. S mamom se čula redovito, ali joj je ipak promaklo da je ona sve rjeđe i rjeđe na Skype-u, jer joj se, navodno, ne da paliti računalo.

Ana se ozbiljno zabrinula tek nakon poziva mamine prijateljice. Liliya Viktorovna je iznenada nazvala i pitala je, kad je zadnji put posjetila mamu.

- Što se dogodilo? Mama je bolesna? Je li u bolnici? Treba li operaciju? – uspaničila se Ana.
- Dogodilo se. Dođi, sama ćeš sve shvatiti, - odbrusila je Liliya Viktorovna i spustila slušalicu.
- Mama, mamice!, - bacivši kovčeg u hodniku povikala je Ana i uletjela u sobu.
- Nemoj vikati. Probudit ćeš Tošu.

Mama je sjedila u svojoj najdražoj fotelji, a u krilu joj je spavao veliki riđi mačak. Anu je to malo začudilo. Mama je uvijek bila protiv životinja u stanu. “Sigurno je bila jako usamljena” – pomislila je Ana, a naglas je rekla:

- Mamice, oprost, ja sam te sasvim zapostavila.

Anu je bilo sram i nije znala što reći ili napraviti, kako bi se nekako iskupila za svoju krivnju. S druge pak strane, bila je ljuta na mamu jer nije se htjela preseliti k njoj, što bi riješilo problem.

- Smiri se. Bolje mi ispričaj, kako si ti? Usreći staricu - majku. Evo i Toša želi čuti novosti.

Ana je detaljno odgovorala na sva mamina pitanja. Kako je na poslu, koje projekte radi njen odjel, kakav je on - njezin odabranik, kako joj se sviđa u novom stanu, kakvo je vrijeme tamo, ima li puno Rusa, je li među njima stekla prijatelje. Ipak, Ana je predosjećala da dolazi trenutak nekakve odluke.

Kao što je i mislila, mama je još uvijek bila protiv preseljenja, s time da ni druge ponuđene opcije nisu dolazile u obzir. Zapravo, bile su još samo dvije mogućnosti: naći njegovateljicu da živi s njom i pazi na nju ili naći dobar dom za umirovljenike. Ana je sada bila u mogućnosti plaćati i privatni pansion u koji bi se mama mogla preseliti s mačkom za kojega se jako vezala.

Umorna od prepirki, Ana se odlučila prošetati gradom i usput posjetiti Liliyu Viktorovnu, maminu prijateljicu koja ju je nazvala. Vrata je otvorila mlada žena koja joj je rekla da Liliya Viktorovna sada živi u pansionu za umirovljenike i dala joj je adresu.

“Eto sreće”, - pomislila je Ana. Kad već živi u pansionu, možda će mi ona moći pomoći nagovoriti mamu. Tako mama neće biti sama, a ja mogu biti mirna.

Liliya Viktorovna imala je svoju sobu i bila je jako zadovoljna pansionom. Ali na pitanje, što misli, može li se ovdje smjestiti i mama – zamislila se i dala Ani papirić, na kojem je pisala samo jedna riječ “ModElacija” i broj telefona.

- Evo, uzmite. Dogovorite susret, ali morate obavezno povesti mamu, jer Vas bez nje neće primiti.

Ana se zahvalila, iako je pomislila – kakve su to tajne bermudskog trokuta.

Ipak je nazvala i dogovorila sastanak idući dan. Slobodni dani koje je dobila zbog izvanredne situacije su brzo prolazi.

Ana nije rekla mami cijelu istinu. Uostalom, što je i mogla reći osim toga da idu po preporuci mamine prijateljice Lilije?

Dočekali su ih vrlo ljubazno i rekli da neće duljiti, već će se odmah baciti na posao. Ljubazan operater Eduard je objasnio da se njihova firma bavi modElacijom stvarnosti.

To znači da mama može izraziti svoje želje, a Eduard na će osnovi toga napraviti parametre pomoću kojih

će se moći modelirati nekoliko varijanti. Mama može odabrati model koji joj se najviše sviđa, a može i svakog trenutka prekinuti proces.

Ani se činilo da se mami ova igra sviđala. Iako, malo ju je brinulo to što mama nije previše ozbiljno shvatila upozorenje da nikako ne smije pritisnuti plavu tipku osim ako nije sto posto sigurna u to. No, umirivala se mislju da je mama uvijek bila odgovorna i ako nije uvjerena u svoju odluku, sigurno neće riskirati.

Dok se mama nalazila u boksu, Eduard je objasnio Ani da mamin odabrani model može unijeti ozbiljne promijene u njihov odnos. Može se čak dogoditi da više nikad neće vidjeti mamu. Ana se jako uplašila, ali na kraju, najbitnije je da mama bude sretna. Neka bude kako ona želi.

Mama je iz boksa izašla jako zamišljena.

- Mama, jesi odlučila? Jesi pritisnula plavu tipku?
- Znaš, nemoj me požurivati. Još ću malo razmisliti, možda ipak se odlučim na preseljenje k tebi. Uvijek smo u životu sve same rješavale. I sada ćemo. Bez ikakve plave tipke.

НАТАЛЬЯ

Наталья вертела в руках рекламный проспект, на котором было написано слово «МодЕляции», номер телефона и адрес.

— Не модЕляции, а модуляции, — автоматически поправила Наталья. Мало того, что безграмотно написали, так еще ничего не объяснили. Или это такой новый тип рекламы, рассчитанный на дураков. Наталья уже хотела выбросить бумажку в корзину, но потом подумала, что делать сегодня все равно нечего, почему бы не посмотреть, какие такие модЕляции предлагает фирма. Тем более, что рекламный проспект ей дали на бирже труда, куда Наталья вот уже три месяца таскается чуть ли не каждый день, порядком надоев куратору. Переквалифицироваться или трудоустроиться не по специальности Наталья категорически отказывалась. Не для того она закачивала институт с красным дипломом, чтобы работать секретаршей. Кофе подай, в химчистку смотайся, шофера вызови. Если шеф мужчина, то большой вопрос, какого рода работу ей предстоит выполнять «дополнительно», а если женщина, то может быть и похуже: юбки в пол, косметики ноль, стоять по стойке смирно и «чего изволите, милостивая госпожа?»

Знаем, плавали. На прошлой работе одна бабища Наталью просто со свету сживала, то то не так, то это не эдак. Ясен пень, завидовала старая кляча молодой, красивой коллеге и придиралась по мелочам. Вот и сейчас мышь серая на бирже решила подсунуть Наталье эту филькину грамоту. Авось, отделается от нее на пару дней.

Фирма находилась в самом центре города, в одноэтажном флигеле внутреннего двора. На обычных дверях, на невзрачной табличке, тоже было написано одно слово «МодЕляции».

Пока Наталья изучала антураж, дверь распахнулась. На пороге стояла молодая женщина.

— Проходите, пожалуйста. Не удивляйтесь, мы специально не даем развернутую рекламу и не объясняем, о чем идет речь. Дело в том, что раз вы здесь, то вы действительно нуждаетесь в наших услугах.

— Это уже интересно, — подумала Наталья, а вслух произнесла, — Вы что же, вот так с порога можете определить, что мне нужно?

— Это совсем несложно. Наша фирма предоставляет три вида услуг. Судя по тому, что умирать вы не собираетесь, да и на обманутую жену не похожи, остается третий вариант – вы ищете работу.

— Как говорила Алиса в Стране чудес, становится все любопытственнее и любопытственнее, — опешив подумала Наталья.

— Ну, допустим, и как же с вашей помощью я смогу найти работу, которая мне по душе?

— Для начала вы должны заполнить анкету, чтобы мы понимали, согласны ли вы переехать в другой город или в другую страну, выучить иностранный язык, на какую зарплату рассчитываете, интересуется ли вас карьерный рост, нужна ли вам работа временно или постоянно, как вы планируете совмещать работу и семейные хлопоты...

Заполнив анкету, Наталья прошла в соседнее помещение, где ее ждал мужчина, который представился как Эдуард.

— Согласно вашей анкете, я создам несколько виртуальных моделей. После того, как вы ознакомитесь с каждой из них, вы должны выбрать одну, которая вам больше всего подходит. Запомните, что

пока вы не нажмете синюю кнопку, вмонтированную в подлокотник кресла, вы можете прекратить процесс, но как только вы ее нажмете, модель запускается, и вы уже не сможете изменить параметры или остановить развитие событий.

Вначале все было чудесно. Коллектив подобрался прекрасный. Все молодые, инициативные, доброжелательные, отзывчивые. Хотят помочь, научить, простить оплошность, подменить или просто пожалеть, если очень устала.

Проблемы начались, когда Наталья, как это и было заложено в модели, заняла должность директора их маркетинговой компании. Она все чаще и чаще ловила себя на том, что Леночка ее раздражает своей глупостью и наивностью, Игорь слишком много времени тратит на выполнение элементарного задания, а у Ольги постоянно болеет ребенок, и приходится распределять ее работу, а то и делать самой, если все загружены.

Оказалось, что принимать помощь гораздо приятнее, чем ее оказывать, а организовать эффективное взаимодействие в коллективе гораздо сложнее, чем просто хорошо делать работу, которую любишь. Леночка старалась не попадаться ей на глаза, Игорь вызывающе ждал, когда она начнет в очередной раз его распекавать, чтобы затеять бурную ссору, а Ольга заявила, что она просто завидует, потому что у самой нет детей.

Постепенно ежедневно ходить на работу стало настоящим испытанием. В ход пошли антидепрессанты, но это мешало сосредоточиться, и приходилось на каждую мелочь тратить массу усилий. Все чаще и чаще в ушах звучал голос Эдуарда: как только вы нажмете синюю кнопку, модель запускается, и вы уже не сможете изменить заданные параметры.

Наталья честно пыталась понять, почему не работает так тщательно составленная модель. В памяти всплывали отношения в предыдущих коллективах. Она вспомнила, что ни на одной работе не задержалась больше года. Там не сошлись характерами с коллегами, там шеф-кретин все валил на подчиненных, в третьем месте ей доставались неинтересные проекты, в четвертом ее обошли с повышением, в пятом... кто там был виноват, что она уволилась, хлопнув дверью, сейчас уже сказать сложно.

Ответ пришел неожиданно и неприятно поразил: так не бывает, чтобы она всегда была права. Пришлось честно признаться самой себе, что причина в ней, а не в окружающих.

— Да уж, параметры я действительно задала отличные, — глядя на свое отражение в зеркале, вздохнула Наталья, вот только один, самый главный, не учла – мой эгоистический характер. Ей всегда хотелось, чтобы ее поддерживали, помогали, прощали и сочувствовали, но, похоже, она не была готова отвечать коллегам взаимностью.

На смоделированной по ее желанию работе Наталья проработала пять лет. До пенсии оставалось еще тридцать.

NATALIJA

Natalija je vrtjela u rukama papir na kojem je pisala samo jedna riječ “Modelacija”, broj telefona i adresa.

- Nije modelacija, nego modulacija, - automatski je ispravila ona.

Ne samo da su nepismeni, nego nisu ni objasnili o čemu se radi. Ili je to neki novi reklamni trik, za budale. Natalija je već htjela baciti letak u koš kad pomisli da ionako danas nema što raditi pa zašto ne bi pogledala kakve to modelacije ta firma predlaže. Pogotovo zato što je taj reklamni letak dobila na burzi za zapošljavanje, kamo je Natalija “hodočastila” puna tri mjeseca - skoro svaki dan i dosađivala osobnom asistentu. Kategorički odbija prekvalificirati se ili raditi neki posao izvan svoje struke. Nije završila fakultet s crvenom diplomom da bi radila kao tajnica. Donosila kave, nosila odijela na kemijsko čišćenje i naručivala vozača. Ako bi joj nadređeni bio muškarac, veliko je pitanje kakav bi “dodatni” posao morala odrađivati, a ako bi bila žena – još gore: suknje do poda, nula kozmetike i stajati u stavu mirno, s pogledom: “Što moja vladarica danas želi?”

Nije od jučer, sve to ona zna. Na prošlom ju je poslu jedna babetina izludjela, jer ništa nije bilo kako treba i kako je gospođi po volji. Naravno da je „stara cura“ bila ljubomorna na mladu zgodnu kolegicu i da je prigovarala za svaku sitnicu.

Eto, sad joj na burzi pokušavaju uvaliti neku bedastoću, kako bi je se riješili.

Firma se nalazila u strogom centru grada, na prvom katu zgrade smještene duboko u dvorištu.

Na najobičnijim vratima pisala je također samo riječ “Modelacija”.

Dok je Natalija proučavala natpis, vrata su se otvorila. Na pragu je stajala mlada žena.

- Izvolite ući. Nemojte se čuditi, mi namjerno ne dajemo opširnu reklamu i ne objašnjavamo unaprijed o čemu se radi. Ako ste došli znači da ste na pravom mjestu i da su vam stvarno potrebe naše usluge.

“To je već zanimljivo” – pomislila je Natalija, a naglas rekla: - Vi, ovako s vrata možete procijeniti što je meni potrebno?

- To uopće nije teško. Naša firma nudi tri vrste usluga. Budući da se vi ne spremate umrijeti, niti sličite na prevarenu ženu, ostaje treća opcija – Vi tražite posao.

“Kako je govorila Alisa u zemlji čudesa: postaje sve zanimljivije i zanimljivije”, pomislila je Natalija.

- U redu, sad mi recite kako mi vi možete pronaći posao koji želim?

- Kao prvo, morate popuniti anketu da vidimo jeste li se spremni preseliti u drugi grad ili čak državu, naučiti strani jezik, s kojom plaćom biste bili zadovoljni, zanima li Vas napredovanje na poslu, trebate li privremeni posao ili za stalno, na koji način planirate balansirati između posla i obitelji, i tako dalje...

Nakon što je ispunila anketu, Natalija je otišla u susjednu sobu u kojoj ju je čekao markantan muškarac.

- Napraviti ću nekoliko varijanti modela u skladu s Vašim rezultatima ankete. Nakon što se upoznate sa svakim od njih, izabrat ćete onaj koji Vam najviše odgovara. Zapamtite, dok god ne pritisnete plavu tipku koja se nalazi u naslonu fotelje – možete prekinuti cijeli proces. Ali jednom kad je pritisnete, model se pokreće i više nećete moći izmijeniti parametre ili zaustaviti razvoj događaja.

Na početku je sve bilo divno. Svi mladi, nadobudni, dobronamjerni i uslužni. Žele pomoći, rastumačiti, oprostiti pogrešku, zamijeniti te ili jednostavno, ako si umorna, suosjećati.

Problemi su počeli kad je Natalija, kao što je prema modelu planirano, postala direktorom u njihovoj

marketinškoj firmi. Sve je češće i češće primjećivala kako joj Lena ide na živce svojom glupošću i naivnošću, kako Igor troši previše vremena na jednostavne zadatke, kako je Olgino dijete stalno bolesno pa mora preraspodijeliti njezin posao, ili ga čak odraditi sama, ako su svi pretrpani.

Pokazalo se kako je puno ugodnije koristiti tuđu pomoć, nego je pružati drugima. A organizirati rad i suživot velikog kolektiva puno je teže, nego samo dobro raditi svoj posao koji voliš. Lena je Natalije stalno bježala, Igor je željno iščekivao kada će započeti svađu, a Olga je izjavila da je ljubomorna jer nema djece.

Íći na posao je postalo nepodnošljivo. Počela je piti antidepresive. To joj je ometalo koncentraciju i otežavalo ispunjavati zadatke. Za svaku joj je sitnicu bilo potrebno puno više energije. Sve češće i češće joj je u glavi odzvanjao glas: čim pritisnete plavu tipku, više nećete moći izmijeniti zadane parametre.

Uistinu je željela shvatit, zašto model, koji je tako detaljno promišljen, ne funkcionira. Počela se prisjećati odnosa u prijašnjim kolektivima. Sjetila se da ni na jednom poslu nije izdržala više od šest mjeseci. Na prvom: nije se slagala s kolegama, na dugom: šef kreten je za sve krivio podređene, na trećem: nije dobivala zanimljive projekte, na četvrtom: zaobišla ju je povišica, na petom... nije se ni sjećala zašto je dala otkaz i zalupila vratima.

Odgovor je došao neočekivano i neugodno je iznenadio: ne može ona uvijek biti u pravu.

Morala je iskreno sama sebi priznati, problem je u njoj, a ne u okolini.

“Stvarno sam zadala odlične parametre”, - promatrajući se u ogledalu, pomislila je Natalija – “samo nisam računala na jedan, najbitniji – moj egoističan karakter.”

“Uvijek sam htjela da me svi podržavaju, pomažu mi, opraštaju i sažalijevaju me, ali očito sama nisam bila spremna uzvratiti istom mjerom.”

Natalija je odradila pet godina na poslu modeliranom po njezinim željama. Do mirovine je ostajalo još trideset.

написали, так еще ничего не объяснили. Или это такой новый тип рекламы, рассчитанный на дураков. Наталья уже хотела выбросить бумажку в корзину, но потом подумала, что делать сегодня все равно нечего, почему бы не посмотреть, какие такие модЕляции предлагает фирма. Тем более, что рекламный проспект ей дали на бирже труда, куда Наталья вот уже три месяца таскается чуть ли не каждый день, порядком надоев куратору. Переквалифицироваться или трудоустроиться не по специальности Наталья категорически отказывалась. Не для того она закачивала институт с красным дипломом, чтобы работать секретаршей. Кофе подай, в химчистку смотайся, шофера вызови. Если шеф мужчина, то большой вопрос, какого рода работу ей предстоит выполнять «дополнительно», а если женщина, то может быть и похуже: юбки в пол, косметики ноль, стоять по стойке смирно и «чего изволите, милостивая госпожа?»

ZAMEHA

ZAMJENA

ЖЕНЬКА

Женька выскочила замуж в 18 лет. С Петей они были знакомы всю жизнь. Ходили в один детский сад, 10 лет сидели за одной партой, а когда Петя, который с детства увлекался компьютерами, поступил на электротехнический факультет университета, Женька приняла решение посвятить ему свою жизнь, а вернее, его гению.

Сыграть свадьбу была Женькина идея. Петя не возражал. Он вообще не возражал никому и ни в чем, если дело не касалось его софтверов, хардверов, текстовых редакторов и прочих заумных вещей, не доступных простым смертным.

Женька ревностно занялась обустройством быта, чтобы создать своему гению идеальные условия для работы. Петю все устраивало. Он, казалось, вообще не замечал ничего вокруг, кроме своих компьютеров. Друзья даже удивлялись, как им удалось родить чудесную девочку, и шутили, что Женька забеременела при помощи одной из Петькиных программ.

Время шло. Петя хорошо зарабатывал. Женька и дочка ни в чем не нуждались, и казалось, что жизнь удалась. Правда, со временем Женька начала замечать, что ее раздражает муж, который точно знает, когда вышло новое обновление виндов, но понятия не имеет, когда у нее день рождения, не говоря уже о годовщине свадьбы.

Раньше Женька и сама смеялась над таким, как она говорила, мещанством, но к сорока годам обида разрослась, и со временем ситуация стала невыносимой. Петя ничуть не изменился. По-прежнему проводил все время за компьютером и даже не интересовался, куда она и дочь тратят деньги, которые он зарабатывает в больших количествах.

Подруги завидовали черной завистью и готовы были завтра же поменяться с ней местами, но это Женьку мало утешало. Ее подруги не отличались приверженностью своим мужьям. Мужья отвечали им взаимностью, что, в конце концов, частенько заканчивалось разводом. Заведи Женька любовника, Петя бы вряд ли это заметил, не говоря уже о сценах ревности, которые устраивали подругам их мужья, но Женька этот вариант даже не рассматривала. Ей по-прежнему нужен был только ее Петя. Просто хотелось, чтобы Петя хоть раз оторвался от своего компьютера, сходил с ней в театр, в кино, на выставку. Провел с ней отпуск на море или поехал на несколько дней в Европу. Одиноким прогулки по Елисейским полям или катание с дочерью в гондоле, предназначенной для романтических свиданий, по каналам Венеции со временем стали раздражать, и Женька никуда не хотела ездить. Дочка выросла и теперь отдыхала со своими друзьями. Благо, папа финансировал без лишних вопросов.

Порой Женька жалела, что не родила четверо детей, а сейчас уже было поздно опять возиться с сосками, пеленками и не спать по ночам. Хотелось чего-то красивого и необыкновенного.

Леночка мужа не любила, но снисходительно позволяла ему любить себя. Вадик долго и красиво за ней ухаживал. Дарил цветы, посвящал стихи и пел серенады под гитару. Одна беда: денег у Вадика не было, и, судя по всему, зарабатывать их в тех количествах, которые бы устроили Леночку, он не умел.

Брак с Вадиком Леночка в начале не рассматривала как вариант, но время шло, а другие, более перспективные и обеспеченные кандидаты, как-то не вырисовывались. Наконец, Леночка приняла сто первое предложение руки и сердца настойчивого Вадима.

Другая бы молилась на такого мужа. Не пьет, не курит. Носит на руках и выполняет все капризы

жены. Он даже не стал настаивать на том, чтобы она родила ему ребенка, после того как Леночка сказала, что беременность портит фигуру и вообще она не желает вытирать сопли и менять пеленки, чтобы потом услышать от собственного чада, что она ничего не понимает и что, вообще-то, никто не просил его рожать. Примеров вокруг было больше, чем достаточно.

Справедливости ради, нужно сказать, что Вадик звезд с неба не хватал, но совсем неплохо зарабатывал. Во всяком случае, им с лихвой хватало на приличную квартиру в хорошем районе, на поездки к морю, культурные развлечения, на бутики средней руки и даже периодически на поездки за границу. Однако Леночка мечтала о дорогих гостиницах, а не о второсортных отелях в Париже и Ницце, о меховых манто и о бриллиантовом колье на своей лебединой шее, которая вызывала восхищение мужчин. Яхта тоже была предметом вождления, но как-то отдаленно, так как Леночка на яхте никогда не была и смутно представляла себе, как это должно выглядеть.

Собственно, претенденты такого рода у Леночки были, но она была хорошо воспитана, и этот способ удовлетворения заветных желаний ей претил и вызывал физическое отвращение. Вот если бы сделать так, чтобы Вадим заработал много денег и хоть периодически бы мог преподнести ей подарок, о котором она мечтала!

Судьба свела их с Женькой совершенно неожиданно и в таком месте, которое мало располагает к приятному знакомству. На перекрестке обеих с ног до головы окатил грязной водой проезжающий грузовик. Причем окатил так, что обе чуть не расплакались, но потом дружно расхохотались, увидев коллегу по несчастью.

Оказалось, что Женька живет совсем рядом, и она предложила новой знакомой зайти к ней, чтобы привести в порядок одежду и умыться. Леночка отнекивалась, мол, неудобно, наверняка муж будет возражать, но Женька сказала, что ее муж вообще не заметит их присутствия, чем крайне заинтересовала Леночку. Кроме того, новая знакомая была одета по последней моде, и Леночка согласилась.

По пути Женька вкратце рассказала ей о своей беде, а Леночка в ответ поделилась с новой знакомой своими проблемами.

Петя действительно, как Женька и говорила, вообще не заметил их прихода. Даже не вышел поздороваться. Женька сказала, чтобы Леночка не обращала внимания. Это его нормальное состояние. Он кроме компьютера вообще ничего не замечает. Оказалось, что они одной комплекции, и Женька предложила Леночке переодеться в ее вещи.

Шкаф, полностью забитый дорогими вещами, вызвал у Леночки изумление. Оказалось, что на IT-технологиях можно очень хорошо заработать, вот только носить все это добро Женьке было некуда, так как Петя с утра до ночи время проводил исключительно за работой. Причем, чем дальше, тем хуже.

Леночка, в свою очередь, рассказала, что ее Вадим — очень нежный и внимательный. Они часто ходят в театр и ездят в отпуск, но все это достаточно скромно. На что Женька посетовала, что она может поехать хоть на Марс, вот только, к сожалению, без мужа.

Решение созрело неожиданно. Леночка слышала от одной знакомой, что есть фирма, которая может помочь поменяться телами так, что никто ничего не заметит. Подруге этой знакомой в фирме когда-то очень помогли решить вопрос с сыном — трансвеститом. Правда, было одно НО. Ни Женька, ни Леночка не хотели меняться навсегда. Обе любили своих мужей и были не прочь меняться время

от времени, чтобы сменить обстановку и немного развлечься. После небольшого отдыха каждая бы возвращалась в свое тело, к своему мужу. Женька бы никогда не отказалась навсегда от Пети и от дочери, а Леночка не намеревалась до бесконечности бегать по модным бутикам и отдыхать в дорогих гостиницах в одиночестве.

В фирме к их просьбе отнеслись с пониманием, однако предупредили, что количество «обменов» ограничено, и посоветовали не злоупотреблять, дабы не остаться навсегда в «чужом теле», в браке с чужим мужем.

ŽENJA

Ženja se udala s osamnaest godina za ljubav svog života. Zajedno su išli u vrtić, zajedno su sjedili u školskoj klupi, a kad je Petja, koji se od malena bavio računalima upisao fakultet Elektrotehnike, Ženja je odlučila posvetiti život voljenom geniju.

Napraviti svadbu bila je Ženjina ideja - kako ni roditelji, ni susjedi, ni prijatelji, ne bi gledali poprijeko što žive zajedno. Petja se nije bunio. On se uopće nizašto nije bunio, osim ako se ne tiče njegovih programa.

Sretna Ženja se bavila uređivanjem doma kako bi svom geniju stvorila čim bolje uvijete za posao. Petja se sa svime slagao. On, čini se, uopće nije primjećivao ništa oko sebe. Prijatelji su se čudom čudili kad im se rodila prekrasna djevojčica i šalili se da je Ženja zatrudnjela pomoću jednog od Petjinih programa.

Godine su prolazile. Petja je dobro zarađivao. Ženja i kćer živjeli su u izobilju i činilo se da su uspjeli u životu. Međutim, s vremenom Ženja je počela primjećivati da joj muž ide na živce. On nije pojma imao kad je njezin rođendan, a kamoli godišnjica braka, ali nikad nije zaboravljao kad izlaze novi Windowsi.

Prije se Ženja i sama šalila oko takvih stvari, kao da nisu ni važne, ali poslije četrdesete, situacija je postala nesnosna. Petja se nije mijenjao. Provodio je vrijeme ispred računala, čak ga nije zanimalo na što žena i kćer troše novac koji on zarađuje u ogromnim količinama.

Prijateljice su Ženji zavidjele i bile su spremne odmah zamijeniti svoje brige za njezine, ali to joj je bila slaba utjeha. One nisu bile toliko privržene svojim muževima kao ona. Ni njihovi muževi nisu puno ulagali u odnos, tako da je brak često završavao razvodom. Da Ženja ima ljubavnika – Petja to ne bi ni primijetio. Nije joj ni padalo na pamet imati nekoga sa strane jer je željela samo njega. Jednostavno je htjela da se on ponekad makne od svog računala i ode s njom u kazalište, kino ili na izložbu. Čeznula je za zajedničkim odmorom na moru ili izletom u Europu na nekoliko dana. Išla su joj na živce putovanja bez njega u romantični Pariz ili vožnja na venecijanskim gondolama za zaljubljene. Nikamo više nije htjela ići sama. Kći je odrasla i sada je svijetom putovala sa svojim prijateljima. Dobro da je tata to sve financirao bez suvišnih pitanja.

Ponekad je Ženja žalila što nije rodila četvero djece, ali sad je već bilo prekasno opet se upustiti u takvu avanturu. Žudjela je za nečim lijepim i romantičnim.

Lena nije voljela muža ali mu je dopuštala da on voli nju. Vadik je bio pravi kavalir. Poklanjao joj je cvijeće, posvećivao stihove i pjevao serenade uz gitaru. Jedno što je bilo loše - Vadik nije imao novca. Odnosno, nije imao toliko, koliko je Leni bilo potrebno.

Takav brak Lena nije priželjkivala, ali vrijeme je prolazilo, a ona nije dobivala primamljivije ponude dobrostojećih kandidata. Na kraju je ipak popustila i pristala kad ju je Vadik “po stoti” puta zaprosio.

Druga bi zahvalila Bogu na takvom mužu koji ne pije, ne puši, nosi je kao kap vode na dlanu i ispunjava sve njezine prohtjeve. Vadik čak nije ni tražio da rodi dijete, kad mu je Lena priopćila kako trudnoća kvari figuru i kako ona uopće ne želi brisati šmrklje i mijenjati pelene. A kasnije kad poraste, slušati od svog vlastitog djeteta da ona ništa ne razumije i da je nitko nije tražio da ga rodi. Imala je oko sebe takvih primjera koliko hoćeš.

Istini za volju, Vadik nije “skidao zvijezde s neba”, ali nije ni loše zarađivao. Ipak, kupili su stan u dobrom kvartu, odmarali na moru, kulturno se uzdizali, kupovali u prestižnim buticima i ponekad su putovali u inozemstvo. Ali, Lena je maštala o skupim hotelima, a ne onim sa četiri zvjezdice u Parizu ili Nici. Sanjala je o raskošnim bundama i dijamantnim ogrlicama, koje bi krasile njezin lijep vrat za koji je stalno dobivala komplimente. Željela je i jahtu, zapravo sanjarila o njoj, jer nikada nije bila na njoj i nije znala kako zapravo izgleda.

Imala je ona kandidata koji bi mogli ispuniti takve želje ali je u njoj to izazivalo gađenje, jer je znala na koji način bi to platila. Kada bi bar Vadik zarađivao puno više novaca i ponekad joj poklonio stvari o kojima ona mašta!

Sudbina je spojila Lenu i Ženju na čudnom mjestu, koje nije bilo uopće predodređeno za ugodno upoznavanje. Obje su stajale na raskršću, kad ih je blatnjavom vodom od glave do pete zalio kamion. Obje su skoro zaplakale, ali kad su vidjele jedna drugu, prasnule su u smijeh.

Ispostavilo se da Ženja živi sasvim blizu te je predložila da odu do nje doma kako bi se oprale i presvukle. Lena isprva nije htjela ići jer joj je bilo neugodno zbog Ženjina muža. No kad joj je Ženja rekla da on uopće neće primijetiti njihov dolazak, jako se zainteresirala. Osim toga je primijetila kako je nova poznanica moderno odjevena.

Hodajući, Ženja je Leni ukratko prepričala svoje brige, a Lena se njoj za uzvrat požalila na svoje probleme.

Petja, baš kao što je Ženja i rekla, uopće nije primijetio da su došle. Čak nije ni izašao pozdraviti. Ženja je rekla da tome ne treba pridavati pažnju. On osim računala uopće ništa ne primjećuje.

Lenu je zadivio ogroman ormar, dupkom pun skupom odjećom. Saznala je kako se u IT struci može jako dobro zarađivati, ali Ženja nema kamo sve to nositi, jer Petju ne može odvojiti od računala.

Bile su slične građe pa je Ženja predložila Leni da se presvuće u njezinu odjeću.

Lena joj je ispričala kako je njezin Vadik, za razliku u Petje, jako nježan i pažljiv. Oni često idu u kazalište i putuju za godišnji odmor, ali sve je to dosta skromno. Ženja je na to rekla, kako ona može otići i na Mars, samo nažalost bez muža.

Rješenje je došlo neočekivano. Lena je čula od svoje poznanice da se ljudi mogu zamijeniti za tijela i to tako da nitko ne primijeti. Odlučile su ponekad se zamijeniti kako bi iskusile nešto drugo i zabavile se. Nakon kratkog odmora, svaka bi se vratila u svoje tijelo, jer

Ženja nikada ne bi napustila muža i kćer, a Lena nije imala namjere stalno trčati po skupim buticima i odmarati u luksuznim hotelima – sama.

СОНЕЧКА

Рита обожала футбол и мечтала играть в сборной страны. Впрочем, с таким же успехом она могла мечтать об игре в сборной Вселенной.

В детстве она часами гоняла с мальчишками в футбол на позиции правого полузащитника, а иногда ей даже доверяли постоять в воротах. Мяч до сих пор лежал под кроватью, и Рита иногда, вместо зарядки, жонглировала им и набивала, порой доводя число чеканок до ста. Тем не менее, когда мама привела Риту записываться в женскую футбольную секцию, тренер посмотрела девочку и посоветовала обратиться в модельное агентство.

В старших классах гимназии Рита вытянулась до 186 сантиметров, а ее тонкая талия, большая грудь и точеные ноги никак не сочетались с игроком пусть даже и женского футбола. Бывало, Рита с завистью поглядывала на неказистых одноклассниц, которые, в свою очередь, смотрели на нее с нескрываемой ненавистью. Полное отсутствие груди и короткие ноги с сильными икрами были предметом ее вожделения, в то время как вся женская половина класса душу бы продала за ее модельную внешность. «Вот если бы можно было поменяться», — мечтала порой Рита.

В детстве Сонечка ничем не отличалась от других девочек. Мама наряжала ее в воздушные платица, завязывала пышные банты, а ножки обувала в лакированные туфельки. Мама была модницей и любила одевать Сонечку в точную копию своих нарядов. Маму это почему-то страшно забавляло.

В садик Сонечка не ходила, поэтому до школы ее внешние данные не подвергались серьезному испытанию. Для мамы и бабушки она была самой-самой. Принцесса, сказочная королева! Был бы папа, он бы, возможно, и оценил реально внешние данные дочери. Однако папы не наблюдалось, а мама о его существовании изъяснялась туманно. Вроде как был, а вроде как и не было никакого папы.

Детство быстро пролетело под бдительным оком бабушки в песочнице на дворовой площадке и на даче, куда они выезжали каждое лето.

В первом классе мальчишки вначале выделили ее из девчачьей стайки и даже хотели взять в свою компанию, но быстро разочаровались и стали дразнить.

Сонечка, которая привыкла ощущать себя принцессой, никак не могла взять в толк, что происходит. Если бы она внимательно посмотрела на себя в зеркало, она бы поняла, в чем дело, но она была слишком мала и слепо доверяла маме и бабушке, которые по-прежнему уверяли ее, что она их маленькая принцесса. Ключевое слово было «их», но семилетняя Сонечка этого знать не могла.

Прозрение пришло в четвертом классе, когда она попыталась перечить Эльвире, которая не только имела необычное имя, но и считалась первой красавицей в классе. К ее мнению прислушивались не только девочки, но и мальчики, уже начавшие примечать женский пол. «Посмотри на себя в зеркало», — однажды бросила Эльвира в ответ на какое-то Сонечкино замечание. В тот же день, вернувшись домой из школы, Сонечка подошла к старому потрескавшемуся зеркалу бабушкиного секретера.

Картина, даже на взгляд неискusstной Сонечки, была малоутешительная. Из зеркала на Сонечку смотрела коротконогая девочка без явных признаков женственности, с редкими волосами и широкими плечами. Талия пока вообще не намечалась, хотя был еще шанс, что все образуется.

— Ерунда, — попробовала успокоить себя Сонечка, — ведь говорила же бабушка, что во время

подросткового периода все девочки выглядят, как гадкие утята, которые потом, если верить датскому сказочнику, превращаются в прекрасных лебедей.

Время шло, но процесс превращения не торопился. Многие девочки к десятому классу действительно вытянулись, приобрели грудь и талию. Все, но не Сонечка, которая по-прежнему с тоской изучала в зеркале свою коренастую фигуру и мечтала, что врачи изобретут пилюлю, которая превратит ее в необыкновенную красавицу.

— Вот бы поменяться с кем-нибудь внешностью, — часто думала Сонечка. Хотя ей трудно было представить, кто и по какой причине на это согласится.

Рита училась с Сонечкой в одном классе. Писаная красавица, она, казалось, вообще не замечала, что большинство парней в школе мечтает хотя бы разок пройти рядом с ней по улице, не говоря уже о чем-то большем.

Как ни странно, Сонечка иногда ловила на себе Ритин взгляд, но это было настолько невероятно, что она приписывала это своему неумному воображению.

События развивались стремительно и неправдоподобно. Однажды они с Ритой остались в раздевалке во время физкультуры, так как обе были освобождены от урока по уважительной причине.

Сонечка не знала, как обстоят дела у Риты, но, к счастью, учитель физкультуры не записывал, у кого из девочек критические дни, иначе бы он обнаружил, что у Сонечки это случалось три раза в месяц. Не то, чтобы Сонечка не любила физкультуру, но себя в коротких штанишках и облегающей маечке она просто ненавидела.

Сонечка по привычке открыла книгу, а Рита, к ее изумлению, нашла футбольный мяч и стала набивать его, как заправский профессионал. Это Сонечка видела только по телевизору. Зрелище было настолько удивительным, что она отложила книгу и стала с интересом наблюдать за Ритой.

— Класс! — вырвалось у Сонечки, а Рита только тяжело вздохнула. Молчание затянулось минут на пять.

— Что толку-то? — наконец сказала Рита. — В секцию женского футбола меня все равно никогда не примут. В голосе Риты Сонечке почудилась безысходность и отчаянье.

— Тебя? Не примут? — ахнула Сонечка.

— Конечно. Ты только посмотри на меня. Ну какой из меня футболист? Тренер сказала, что меня можно выпускать на поле только в составе мужской команды, чтобы полностью дезориентировать противника, при условии что своя команда получит прививку от восприимчивости. Для футбола надо иметь такую конституцию, как твоя. Вот если бы можно было поменяться фигурами...

У Сонечки перехватило дыхание. Рита! Хочет! Поменяться! С ней! Фигурами!

— Я бы отдала все на свете, если бы это было возможно, — прошептала Сонечка и пулей вылетела из раздевалки, чтобы Рита не увидела, как она разревелась.

Пришла зима, и Сонечка засобиралась на каток. Это было единственное место, где она чувствовала себя счастливой. Она хорошо каталась и даже научилась выполнять несложные элементы, что вызывало восхищение новичков. Откатав положенное время, Соня присела на скамейку, чтобы снять коньки, и невольно стала свидетелем разговора двух девушек.

— Представляешь, — возбужденно шептала блондинка, — этот чудака поменял их телами. Макс

стал больше похож на женщину, ну ты знаешь о его пристрастиях к своему полу, а Сергей получил его тело греческого атлета и теперь не пропускает ни одной юбки.

— Я бы тоже хотела тело модели вместо этой толстой задницы и широкой талии.

— Во-первых, твою задницу и талию можно стесать в спортзале и с помощью диеты, а обменяться телами можно только при условии, если оба человека согласны. Это серьезная фирма, и там все только по обоюдному согласию, во избежание скандала. А то знаешь, что бы началось, если бы каждый мог отнять тело, у кого захочется.

— Извините, — робко подала голос Соня, — я случайно услышала ваш разговор, и он меня очень заинтересовал. Не могли бы вы подсказать адрес фирмы, о которой вы говорили? У меня есть подруга, с которой мы бы хотели поменяться телами.

Девушки посмотрели на Сонечку с недоверием. Им явно было невдомек, кто при здравом уме мог бы захотеть с ней поменяться. Тем не менее, адрес дали, рассудив, что, если Сонечка врет, то все равно без согласия другой девушки ничего не получится. А если она говорит правду, то почему бы ей не помочь?

Через месяц Риту приняли в местную женскую футбольную команду, а еще через год она вошла в состав сборной как самый перспективный молодой игрок.

Сонечка заняла первое место на конкурсе «Мисс города», готовится к отборочному туру на уровне страны и мечтает о титуле «Мисс мира». Специалисты утверждают, что у нее неплохие шансы.

SONJA (RITA)

Rita je obožavala nogomet i maštala je igrati za državnu reprezentaciju, ma kakvu državnu – najbolje odmah svjetsku!

U djetinjstvu je puno vremena provodila igrajući s dečkima na poziciji desnog obrambenog, a ponekad su je stavljali i na mjesto golmana. Lopta joj je uvijek bila ispod kreveta i Rita je ponekad, umjesto jutarnje gimnastike, tehnicirala i nabijala je i do sto puta. Ipak, kada ju je mama dovela na upis u ženski nogometni klub, trener joj je savjetovao da je upiše u modeling.

Rita je sada bila visoka već 186 cm, imala je uzak struk, velike grudi i vitke duge noge. Tako da njezin izgled nikako nije poklapao s predodžbom nogometašice. Rita je ponekad bila ljubomorna na školske kolegice, koje su je s mržnjom i zavišću ogovarale. Voljela bi imati male grudi i kratke noge s jakim mišićima, dok bi polovica njezinog razreda - dušu prodalo vragu za njezin manekenski izgled. “Da se bar mogu s nekim zamijeniti”, - maštala je Rita.

Sonja je odmalena bila muškobanjasta. Kad je bila sasvim mala, nije se puno razlikovala od drugih djevojčica. Mama ju je odijevala u šarene haljinice, lakirane cipelice i stavljala joj ukrase u kosu. Kako je mama i sama bila poznata „trendseterica“, kćeri je kupovala točnu kopiju svoje odjeće, što ju je strašno zabavljalo. Sonja nije išla u vrtić, tako da do polaska u školu njezin izgled nije bio komentiran ili ismijavan. Mami i baki koje su je odgajale, ona je bila najljepša princeza. Da je imala oca, možda bi on realno ocijenio njezin tjelesni sklad. Ali tatu nije poznavala, a priče o njemu su bile nekako mutne. Postojao je, a možda i nije. Njeno je djetinjstvo proletjelo u pješčaniku i vikendici pod budnim bakinim okom, gdje su boravile cijelo ljeto.

U prvom razredu, na početku, dječaci su je izdvojili od ostalih djevojčica i primili u svoje društvo, ali brzo su se razočarali i počeli je zadirkivati.

Sonja koja je navikla osjećati se poput princeze, nije shvaćala što se to događa.

Da je pažljivo pogledala u ogledalo, vidjela bi o čemu se radi. Ali je slijepo vjerovala mami i baki koje su je i dalje uvjeravale da je ona njihova mala princeza. To da ta tvrdnja vrijedi samo za njih, sedmogodišnja Sonja nije mogla znati.

Sve je shvatila tek u četvrtom razredu, kada se porječkala s Elvirom koja nije imala samo neobično ime, nego su je smatrali i najljepšom u razredu. Elvirino mišljenje je bilo važno za sve djevojčice, a i za dječake koji su u toj dobi već počeli primjećivati suprotan spol. "Pogledaj se u ogledalo",- rekla je Elvira nakon nekog Sonjinog komentara. Sonja je to shvatila kao naredbu te je kod kuće dugo stajala ispred bakinog napuknutog ogledala.

Odraz, čak i za neiskusnu Sonju, nije bio privlačan. Iz ogledala ju je gledala djevojčica iznimno kratkih nogu bez ijedne ženske obline, tanke kose i širokih ramena. Struka, za sada, uopće nije bilo, iako je postojala mogućnost da se pojavi u budućnosti.

Baka ju je umirivala. Govorila je kako u toj dobi svaka curica izgleda kao ružno pače pa se kasnije, prema tvrdnji norveškog pisca, pretvara u prekrasnog labuda.

Vrijeme je prolazilo, ali se ništa posebno nije mijenjalo. Djevojke iz razreda su se do završetka osnovne škole istegnule, dobile grudi i struk. Sve osim nje, koja je i dalje promatrala svoj odraz u ogledalu i maštala da će doktori izmisliti nekakvu čarobnu pilulu koja će je pretvoriti u pravu ljepoticu.

"Da je bar moguće s nekim zamijeniti izgled"-, maštala je Sonja. "Da je i moguće, ne vjerujem da bi netko na to pristao."

Osim Sonje, samo se još Rita nije zanimala za muški dio razreda, što je zapravo bilo jako čudno. Uopće nije primjećivala mladiće zaljubljene u nju, koji maštaju o tome da se barem nađu u njezinom društvu.

Sonji se ponekad činilo da na sebi osjeća Ritin pogled, ali je to pripisivala svojoj bujnoj mašti.

Događaji su se odvijali nevjerojatnom brzinom. Jednom su Sonja i Rita zajedno ostale u svlačionici za vrijeme sata tjelesnog odgoja jer su zbog mjesečnice bile oslobođene vježbanja. Sonja nije znala kakva je situacija kod Rite, ali na njenu sreću profesor nije zapisivao tko i kada ima „ženske dane“, jer bi inače shvatio da ih Sonja ima tri puta mjesečno. Nije se radilo o tome da Sonja nije voljela tjelesni, nego je mrzila svoj izgled u kratkim hlačicama i pripijenoj majici.

Sonja je po običaju otvorila knjigu, dok je Rita, na Sonjino iznenađenje, uzela nogometnu loptu i počela tehnicirati kao pravi profesionalac. Takvo nešto Sonja je vidjela samo na televiziji. Toliko joj je to neobično izgledalo da je odložila knjigu i s interesom ju je promatrala.

- Pa ti si prava nogometašica, - uzviknula je Sonja, dok je Rita samo teško uzdahnula. Šutnja je trajala pet minuta.

- Kakve veze ima, - napokon je prozborila Rita, - u nogometnu momčad me svejedno nikada neće primiti.

U Ritinom glasu, Sonja je čula očaj i neizmjernu tugu.

- Neće primiti? Tebe?

- Naravno da ne. Pa pogledaj me samo. Kako bih izgledala kao nogometašica? Trener je rekao da me

može pustiti na teren samo u sastavu muške ekipe kako bih zbunila protivnika. I to uz uvjet da se moja ekipa cijepi protiv ženskih čari. Za nogomet je potrebno tijelo kakvo ti imaš. Da se bar možemo zamijeniti.

Sonji je zastao dah. Rita! Želi! Zamijeti se s njom!

- Dala bih sve na svijetu da je to moguće, - šapnula je Sonja i istrčala iz svlačionice, kako Rita ne bi vidjela da plače.

Stigla je zima i Sonja je odlučila otići na klizalište. Bilo je to jedino mjesto na kojem se osjećala sretnom. Sonja je dobro klizala, čak je naučila izvoditi neke elemente, što je izazivalo ushit kod novih klizača. Kad je njezino vrijeme za klizanje isteklo, sjela se na klupu kako bi izula klizaljke i slučajno načula razgovor dviju djevojaka.

- Zamisli, - uzbuđeno je šaptala plavuša, - taj luđak im je zamijenio tijela. Maks sada više sličići ženi, ma znaš ti njegovu naklonost istom spolu, a Sergej je dobio tijelo grčkog atleta i sad se opija ženskom pažnjom.

- Ja bih isto htjela tijelo fotomodela, umjesto ovog debelog dupeta i širokog struka.

- Kao prvo, tvoje dupe i struk mogu se riješiti treningom i dijetom, dok se tijela mogu zamijeniti samo ako obje osobe na to pristanu. To je ozbiljna firma. Inače, znaš što bi bilo kad bi netko mogao samo uzeti nečije tijelo kakvo si je zamislio.

- Oprostite, slučajno sam čula vaš razgovor -, obratila se Sonja djevojkama - i jako me to zainteresiralo. Hoćete li mi dati adresu te firme, o kojoj ste pričale? Imam prijateljicu koja bi se sa mnom zamijenila.

Djevojke su je začuđeno pogledale. Nisu mogle ni zamisliti, tko bi to, pri zdravoj pameti, želio sa Sonjom zamijeniti tijelo. Ipak, dale su joj adresu. Pomislile su, ako laže, bez pristanka te druge djevojke ionako neće ništa uspjeti napraviti, a ako govori istinu, zašto joj ne bi pomogle.

Za mjesec dana Ritu su primili u lokalni ženski nogometni klub, a godinu dana nakon toga, ušla je u sastav reprezentacije kao najperspektivnija mlada igračica.

Sonja je zauzela prvo mjesto na natjecanju "Miss grada", pripremala se za državno natjecanje i maštala o tituli "Miss svijeta". Stručnjaci tvrde da ima velike šanse.

Яша-Яна

Яша захлопнул дверцу школьного шкафчика и оглянулся. Уф, и на этот раз пронесло. С недавних пор он заметил, что Сашка Пахомов, гордость школы и предмет вождения многих девчонок, с парочкой друзей следят за его передвижениями. Как только он подходит к шкафчику, вся неразлучная троица норовит подобраться поближе и заглянуть вовнутрь.

Содержимое Яшиного шкафчика ничем криминальным не отличалось, вот только оно больше подходило кокетливой девчонке, чем почти двухметровому атлетически сложенному Яше.

Если бы Яша был хлюпиком с узкими плечиками и воробьиной грудью, на него никто не обращал бы внимания, но вот беда, природа наделила его брутальной внешностью и нежным, стыдливым характером.

Это была уже третья школа, в которую мама перевела Яшу. В первой мальчишки увидели его в платье сестры, играющего с девочками во дворе. По классу поползли слухи, учительница вызвала его мать в школу и обрушила на нее лавину обвинений в неадекватном поведении ее сына. То, что это произошло за стенами школы, естественно, не имело никакого значения, так как дело касалось «неправильной» сексуальной ориентации.

Во второй школе мальчишки вскрыли Яшин шкафчик и выставили на всеобщее обозрение его содержимое. Ярко красная помада, в тон ей лак для ногтей, румяна и пудра в сочетании с шелковым шарфиком, широкой короткой юбкой и гипюровой прозрачной блузкой чуть не довели директрису до инфаркта. Старая дева с негодованием заявила, что она даже в молодости не позволяла себе пользоваться такой вульгарной косметикой и надевать вещи, которые больше бы подошли проститутке. Похоже, то, что все это принадлежит мальчику, ее шокировало намного меньше, чем содержимое шкафчика. Придя в себя и сообразив, что пахнет скандалом, который в сочетании с соответствующей статьей Уголовного кодекса может стоить ей руководящей должности, она не стала вызывать Яшину маму в школу, а просто с посыльным под расписку отправила документы об отчислении на домашний адрес.

Мама, хозяйка популярного в городе косметического салона, только спросила, какого черта надо было тащить все это в школу. Будучи женщиной широких взглядов, либерально настроенной, она признавала право сына быть кем угодно, лишь бы это не доставляло ей неприятностей. Было время, когда она, идя на поводу у бывшего мужа, Яшиного отца, пыталась активно участвовать в процессе воспитания из Яши «настоящего мужчины». Но после того, как папенька укатил в командировку и пропал с концами, плюнула на это дело и пустила все на самотек.

Собственно, что и можно было ожидать от ребенка, который со дня рождения слушал разговоры о моде, косметике, омолаживающих процедурах, увеличениях всевозможных частей тела и прочих хитростях, с помощью которых женщины пытаются продлить свою молодость.

В дополнение ко всему старшая сестра, которая в период Яшиного взросления вошла в тот самый возраст, когда зеркало занимает в жизни чуть ли не главное место, практиковалась на Яше, подбирая комбинации одежды и аксессуаров и изобретая новые способы макияжа. Брат был рослым и вполне подходил моднице в качестве модели. Правда, позднее психиатр скажет, что все эти манипуляции не могли повлиять на дальнейшее поведение мальчика. Яше и самому все это безумно нравилось, и он, разглядывая в зеркале свои широкие плечи и мускулистые ноги, не раз сокрушался, что не родился девочкой.

Хуже всего, что дело было не только в сексуальной ориентации. В конце концов, сколько есть гомосексуалистов, о чьей «неправильной» ориентации никто даже не догадывается. А до того, что происходит в их спальне, за закрытыми дверями, никому нет дела.

Яша же был «трансвеститом». Огромного парня с макияжем, одетого в женскую одежду и туфли на каблуке 46 размера, было сложно не заметить, а делать вид, что ничего особенного не происходит — еще сложнее.

В третьей школе девчонки вначале ходили кругами вокруг новичка с внешностью Жан-Клода Ван Дамма, но затем, почувствовав в Яше «своего», со временем стали делиться с ним секретами. Парни недоумевали, почему вместо того, чтобы гонять с ними в футбол, Яша с девчонками в кафе обсуждает новую весеннюю коллекцию от «Диор» или советует, какие нужно проводить косметические процедуры, чтобы кожа преждевременно не старела.

Ситуацию спасал мамин косметический салон. Было, если не привычно, то хотя бы логично, что Яша об этом так много знает. Тем не менее, шкафчик вызывал у одноклассников жгучий интерес.

Самым странным было то, что Яша не только маме, но и самому себе не мог объяснить, зачем он все эти вещи держит в школьном шкафу. Воспользоваться ими он здесь не может да и вообще не может ими нигде, кроме дома, воспользоваться. До совершеннолетия вход в клуб трансвеститов для него закрыт, а прогуляться в таком виде по городу у него не хватило бы храбрости.

Яну в очередной раз «попросили на выход» из баскетбольного клуба. Каждый раз сердобольный тренер разрешал ей еще разочек «попробовать», и каждый раз эти попытки заканчивались провалом под громогласный хохот дылд-баскетболисток.

В баскетбол Яна была влюблена, сколько себя помнила, и до восьмого класса не теряла надежду подрасти. Но, как назло, в отличие от старших сестер и брата, которые пошли в маму, папу и деда, она удалась в свою маленькую бабушку. Сестры-близняшки часто брали Яну с собой на тренировки и тоже очень расстраивались, что при очередном замере роста ее планка оставалась практически на той же самой отметке, как и год назад. Мама пыталась ее успокаивать. Говорила, что половина женщин на планете все бы отдала за ее стройные ноги, тонкую талию и роскошные густые волосы. Еще мама говорила, что при таком росте, в отличие от сестер, она сможет носить любые каблуки, что парни обожают миниатюрных блондинок и что ее будущий муж сможет в прямом смысле носить ее на руках. Все это было слабым утешением для Яны, которая буквально бредила баскетболом. Волосы она коротко остригла, регулярно делала упражнения на растяжку, но добавить к своим 155 сантиметрам еще хотя бы парочку никак не получалось.

Яна тоже заметила Яшу, когда он появился в их школе, но ее, в отличие от подружек, интересовало, играет ли рослый парень в баскетбол. Узнав, что он вообще спортом не увлекается, Яна потеряла к нему интерес, а поскольку она не участвовала в дискуссиях на тему сохранения вечной молодости, то и не догадывалась о его предпочтениях.

Погруженная в свои мысли, Яна не заметила начало скандала, который все-таки разразился, когда Сашке удалось выхватить из Яшиного шкафчика какую-то блестящую вещицу. Сообразив, что это женская юбочка, Сашка в недоумении пару секунд вертел ее в руках, а затем разразился таким хохотом, что сбежалось полшколы. Именно этот хохот и привлек внимание Яны.

Одного взгляда на Яшу было достаточно, чтобы понять, что парня надо срочно выручать. Он стоял бледный, как полотно, и даже не пытался парировать ликующей толпе.

— Чего разорались?! — набросилась Яна на Сашку и его компанию. — Это я попросила Яшу подобрать мне одежду и макияж для аудиции. Вы что, дикие, никогда дизайнерских вещей не видели, только лапти да сарафан?

Янкины слова походили на правду. В школе знали, что девчонки частенько обращаются к Яше за советом по поводу моды и косметики. Скандала не получилось, и Сашкина бригада ретировалась, несолоно хлебавши.

Когда все, кроме Яны, разошлись, Яша все еще не мог выйти из ступора и даже не поблагодарил свою спасительницу.

— Эй! очнись, все обошлось. Ну ты даешь! Зачем ты притащил все эту дребедень в школу? Ты что, этих дебилов не знаешь?

Яша наконец взглянул на Яну: «Вот бы мне такую внешность, как у тебя!» — неожиданно вырвалось у него.

Яна списала этот бред на пережитый шок, но полушутя-полусерьезно ответила: «А мне – как у тебя». Затем развернулась на каблуках и поспешила в свой класс. Большая перемена закончилась, и школьный коридор опустел.

Яша в свой класс не вернулся. Он не пошел в школу на следующий день и через день тоже, обдумывая, как же ему выпутаться из этой ситуации. Он знал, что мама занята на каком-то большом проекте, и очень не хотел ее волновать. Тем более, что до конца учебного года остаются две недели, и о переходе в другую школу не может быть и речи.

Мама рассеянно выслушала его просьбу написать классной руководительнице записку, что он должен поехать к отцу и до конца учебного года посещать занятия не сможет. Тем не менее, никаких вопросов задавать не стала. В школе тоже его отсутствие не вызвало возражений, так как заключительные отметки отличникам и хорошистам уже выставили, и теперь муку мучили с троечниками и двоечниками, пытаясь любыми правдами и неправдами перетащить их в восьмой класс.

Ни к какому папе Яша ехать не собирался. Он слонялся по городу в ожидании, когда мама закончит дела и они поедут в Италию на показ летней коллекции. Чтобы как-то скоротать время, Яша записался в Городскую библиотеку. Недавно здесь установили терминалы для пользователей, с которых можно было выйти в Интернет, и Яша проводил за компьютером большую часть времени. Дома, конечно, у него был ноутбук, но здесь, среди людей, было интереснее. Можно было перекинуться парой слов с соседом или, если повезет, завязать интересный разговор.

В тот день в библиотеке практически никого не было. Яша играл в «Симс» и как раз создавал Сима, который был или, лучше сказать, была, его женской копией. Увлечшись, он не заметил девушку, которая подошла к его терминалу и некоторое время наблюдала за игрой.

— Хочешь в нее превратиться? – неожиданно спросила она.

— Что? — вдрогнул Яша и перевел взгляд на незнакомку.

— Я говорю, если ты хочешь стать ею, то я могу помочь.

Сказанное девушкой звучало настолько дико, что Яша не нашелся, что ответить, только пожал плечами и опять погрузился в игру.

Девушка легонько коснулась его руки: «Вот тебе моя визитка. Если захочешь узнать об этом подробнее, позвони».

Визитную карточку Яша нашел в кармане через два дня, когда бросил джинсы в стирку. Кроме номера на визитке было написано «Симс услуги».

Телефонный разговор выглядел, как общение с марсианами. Единственное, что Яша понял, это то, что туда надо прийти вдвоем с тем, с кем хочешь поменяться внешностью. В тот же вечер он встретил Яну возле школы и выложил ей эту фантастическую идею.

Яна, с присущим ей пофигизмом, решила, что Яша все-таки решил за ней поухаживать, но, оказалось, что он не шутит и такая возможность действительно существует. Небольшая проблема возникла с документами, но и это фирма взяла на себя.

Мама, вопреки Яшиным опасениям, вздохнула с облегчением и перевела теперь уже дочь в очередную школу. Скандала можно не опасаться, а втроем они еще парочку салонов в городе раскрутят. Она всегда говорила, что две дочери лучше, чем одна.

В семье Яны немного расстроилась только мама. Хотя и это длилось недолго. Теперь у нее было четверо баскетболистов, две девочки и два мальчика. В школе пришлось соврать, что Яна уехала учиться за границу к внезапно объявившейся двоюродной сестре, а взамен семья получила сына той самой сестры на перевоспитание.

JAŠA-JANA

Jaša je zalupio vrata školskog ormarića i okrenuo se. Uf, dobro je. Nedavno je primijetio kako ga Aco, sportaš i ponos njihove škole, već neko vrijeme, uhodi sa svojim društvom. Čim on prilazi ormariću – eto njih, žele virnuti što ima u njemu.

U Jašinom ormariću nije bilo ničega kriminalnog, ali po sadržaju bi se prije reklo da je to ormarić ulickane djevojke, nego atletski građenog, dva metra visokog momka.

Da je Jaša izgledao kao neugledna “glista”, sigurno ga nitko ne bi primjećivao i bio bi zbog toga sretan. Ali priroda mu je podarila tijelo brutalnog momka i stidljivu, nježnu narav.

Promijenio je već tri škole. U prvoj su ga dječaci vidjeli kako se u dvorištu, odjeven u sestrinu haljinu, igra s djevojčicama. Krenula su ogovaranja, učiteljica je s mamom dogovorila sastanak u školi te je pozvala na odgovornost zbog neprimjerenog ponašanja sina. To što se to dogodilo izvan škole uopće nije bilo važno, budući da je u pitanju “neispravna” seksualna orijentacija.

U drugoj školi dječaci su provalili u njegov ormarić i javno svima pokazali sadržaj. “Kurvinsko” crveni ruž, lak za nokte, rumenilo i puder, šareni šal, kratka lepršava suknya i prozirna bluza, zamalo su ravnateljicu doveli do infarkta. Rekla je da čak ni ona sama, u mladosti, nije koristila ni odijevala tako vulgarne stvari, koje su samo za prostitutke. Činilo se da ju je više šokirala sama kolekcija predmeta od činjenice da sve to pripada dječaku. Kad je ravnateljica došla k sebi i shvatila kako je na pomolu skandal, za koji je predviđen članak u Zakonu i koji je može stajati rukovodećeg mjesta nije čak ni pozvala Jašinu mamu u školu, već je samo poslala dokumente na kućnu adresu i ispislala ga iz škole.

Mama, koja je bila vlasnica kozmetičkog salona, samo ga je upitala: - Koga vruga si nosio kozmetiku i žensku odjeću u školu? Ona, kao liberalna žena širokih pogleda, svakom je dala za pravo izražavati se kako želi, sve dok ona zbog toga nema neugodnih situacija. Bila su vremena u kojima ga je mama, na nagovor bivšeg muža - Jašinog oca, pokušavala odgajati kao "pravog muškarca", ali nakon što je tatica otišao na poslovni put s kojega se nije vratio, pustila je da sve ide svojim tijekom.

Zapravo, što se i može očekivati od djeteta koje je od rođenja slušalo samo priče o modi, kozmetici, procesima pomlađivanja, plastičnoj kirurgiji i ostalim ženskim smicalicama - kako bi i nakon tridesetih ostale lijepe i mlade.

K tome je Jašina starija sestra u njegovoj najosjetljivijoj dobi ušla u fazu kada ogledalo zauzima glavno mjesto u životu jedne djevojke te je vježbala na Jaši, kombinirajući boje razne načine šminkanja. Bio je visok i vitak dječak, kao stvoren za ulogu modela. Kasnije, psihijatar će reći kako ipak sve te manipulacije nisu mogle bitno utjecati na Jašino ponašanje. I njemu samome se sve to jako sviđalo. Dok je u ogledalu razgledavao svoja široka ramena i mišićave noge, žalio je što se nije rodio kao žensko.

Najgore je, što u pitanju nije bila samo seksualna orijentacija. Na kraju krajeva, koliko imamo homoseksualca oko sebe, za čiju "neispravnu" orijentaciju nitko ni ne zna. A što se događa u spavaćoj sobi pojedinca, za to nikoga nije niti briga.

Ovdje se radilo o slučaju službenog naziva "transvestit". Nemoguće je ne primijetiti vidno razvijenog, visokog momka, odjevenog u odjeću za žene, napadno našminkanog, u cipelama visokih potpetica broj 46.

U trećoj školi, djevojkama se sviđao novi učenik koji izgleda poput Jean-Claude Van Dammea, ali kako su u njemu osjetile nešto "svoje", s vremenom su mu počele povjeravati tajne i komentirati udvarače. Momci iz razreda nisu mogli shvatiti zašto Jaša, umjesto da u slobodno vrijeme s njima igra nogomet, u kafiću raspravlja s djevojkama o novoj kolekciji Dior i savjetuje ih o kozmetičkim tretmanima.

Situaciju je spašavao mamin salon ljepote. Bilo im je logično da se Jaša razumije u sve te ženske stvari, ali je njegov ormarić svejedno izazivao interes i samo je bilo pitanje vremena kada će opet izbiti skandal.

Najgore od svega bilo je to što Jaša nije mogao ni sebi, a ni mami, objasniti zašto te stvari dovlači u školu. Ionako ih tamo ne može koristiti. Zapravo, ne može ih koristiti nigdje osim u svoja četiri zida. Do njegove punoljetnosti, klub transvestita za njega je bio zatvoren, a nije imao hrabrosti takav izaći na ulicu.

Janu su već više puta zamolili da se makne s košarkaškog terena. Svaki put bi joj dobronamjerni trener dozvolio probati igrati "još jednom", i svaki taj put završio je katastrofom, jer je bila ismijana od strane drugih košarkašica.

Od kad zna za sebe, Jana je bila zaljubljena u košarku. Do osmog razreda nije gubila nadu kako će još malo narasti. Ali, kao za inat, za razliku od starijih sestara i brata koji su bili na mamu, tatu i djeda – svi visoki, ona je ispala minijaturna, povukla je bakine gene. Sestre blizanke su je vodile na trening i svaki put bi bile razočarane jer bi na mjeranju Janine visine brojka ostajala gotovo ista kao i prije godinu dana. Mama ju je pokušavala tješiti govoreći joj kako bi polovina žena na planeti dala sve za njene vitke noge, tanak struk i gustu kosu. Govorila joj je i da uz takvu visinu može nositi bilo koje štikle, da dečki vole male, lijepe plavuše i kako će je njezin budući muž bez problema nositi na rukama. Sve to nije bila baš neka utjeha, jer je Jana bila zalučena košarkom. Nosila je kratke frizure, stalno je vježbala i istezala se, ali navući više od svojih 155 cm nikako nije uspijevala.

I Jana je primijetila Jašu kad se pojavio u njihovoj školi. Ali nju je, za razliku od njezinih prijateljica, zanimalo samo igra li on košarku, budući da je sportski građen i visok. Kad je saznala da se on uopće ne bavi sportom, izgubila je interes za njega. O njegovim naklonostima nije ništa znala, budući da je nije zanimalo ispijanje kava po kafićima i razgovori na temu - kako ostati zauvijek mlad.

Jana, udubljena u svoje misli, nije ni primijetila početak skandala koji se ipak dogodio, kada je Aco uspio iz Jašinog ormarića dohvatiti neki blještavi komad odjeće. Shvativši da je to ženska suknja, Aco se, od šoka, držeći to u rukama, počeo smijati na sav glas, zbog čega se oko njih okupilo pola škole.

Izraz Jašinog lica zazivao je u pomoć. Bio je blijed kao krpa i nije izustio niti jednu riječ.

- Što ste napravili takvu frku?! – izderala se Jana na Acu i njegovu ekipu. – Ja sam zamolila Jašu da mi odabere odjeću i make-up za audiciju. Jeste li se spustili s brda, da niste nikada vidjeli dizajnersku odjeću?

To je mogla biti istina, budući da su djevojke u školi često tražile Jašu savjete o modi i kozmetici. Od skandala nije bilo ništa i Acina se ekipa povukla poput pokislih mačaka.

Kad su svi osim Jane otišli, Jaša je još uvijek stajao kao ukopan i nije se ni zahvalio svojoj spasiteljici.

- Hej! Gotovo je, otišli su. Ne mogu vjerovati da si sve to donio u školu, znajući ove debile.

Jaša ju je napokon pogledao i rekao prvo što mu je palo na pamet:

- E, da je meni tvoj izgled!

Jana je to pripisala prethodnom šoku i šaljivo odgovorila:

- A meni tvoj.

Okrenula se na petama i požurila u svoj razred, jer je veliki odmor odavno završio.

Jaša nije otišao na predavanje. Iduća tri dana uopće nije išao u školu, samo je razmišljao kako da se izvuče iz situacije u kojoj se našao. Mama je bila zaokupljena nekim velikim projektom i nije je htio gnjaviti. Pogotovo, jer je do kraja školske godine ostalo samo dva tjedna i ne može se opet prebacivati u drugu školu.

Mama mu je bez suvišnih pitanja napisala ispričnicu u kojoj je stajalo da Jaša mora hitno otputovati k ocu i da neće zadnja dva tjedna prisustvovati nastavi. To nije bio problem, jer je zbog dobrog prosjeka već imao sve zaključne ocjene. Tih zadnjih tjedana nastave ispravljali su ocijene oni učenici koji bi mogli pasti razred.

Naravno da Jaša nije otputovao k ocu. Skitao je gradom iščekujući da mama završi s projektom kada će zajedno otići u Italiju, na reviju nove ljetne kolekcije. Da bi nekako ubio vrijeme, Jaša se upisao u Gradsku knjižnicu. Tamo su nedavno stavili laptope pa je mogao cijelo vrijeme visjeti na internetu. Doduše, imao je on računalo i kod kuće, ali ovdje mu je, među drugim posjetiteljima, bilo zanimljivije.

Toga dana gotovo da nikoga nije bilo u knjižnici. Jaša je igrao "Sims" i (upravo) kreirao igračicu, koja je izgledala kao njegova ženska preslika. Udubljen u to, nije ni primijetio djevojku koja mu je prišla s leđa i koja je već neko vrijeme pratila njegovu igru.

Možda bolje:

Jaša je igrao „Sims“ i upravo kad je kreirao igračicu koja je izgledala kao njegova ženska preslika, s leđa mu je prišla djevojka koja je neko vrijeme promatrala njegovu igru. Udubljen, nije je ni primijetio.

- Želiš li biti kao ona?

- Što?, - Jaša je u čudu buljio u neznanku.

- Kažem ti, ako želiš izgledati kao ona – mogu ti pomoći.

Ove riječi su mu zvučale toliko nestvarno da nije znao što odgovoriti, samo se opet okrenuo igrici.

Djevojka je, lagano mu dodirujući ruku, rekla:

- Evo ti moja vizitka. Ako želiš saznati o čemu se radi, nazovi.

Jaša je posjetnicu našao nakon dva dana u džepu traper hlača kad ih je stavljao prati. Osim broja telefona pisalo je samo "Sims usluge".

Telefonski se razgovor odvijao kao da razgovara s Marsovcima. Jedino što je Jaša uspio shvatiti bilo je to da treba doći s onom osobom s kojom se želi zamijeniti. Iste je večeri, nakon nastave, pričekao Janu i predložio joj tu fantastičnu ideju.

Jana, koja nije vjerovala u čuda, pomislila je da se on tako udvara, ali se na kraju pokazalo da ta mogućnost zaista postoji. Pojavili su se mali problemi s dokumentima, ali su to u firmi obećali riješiti.

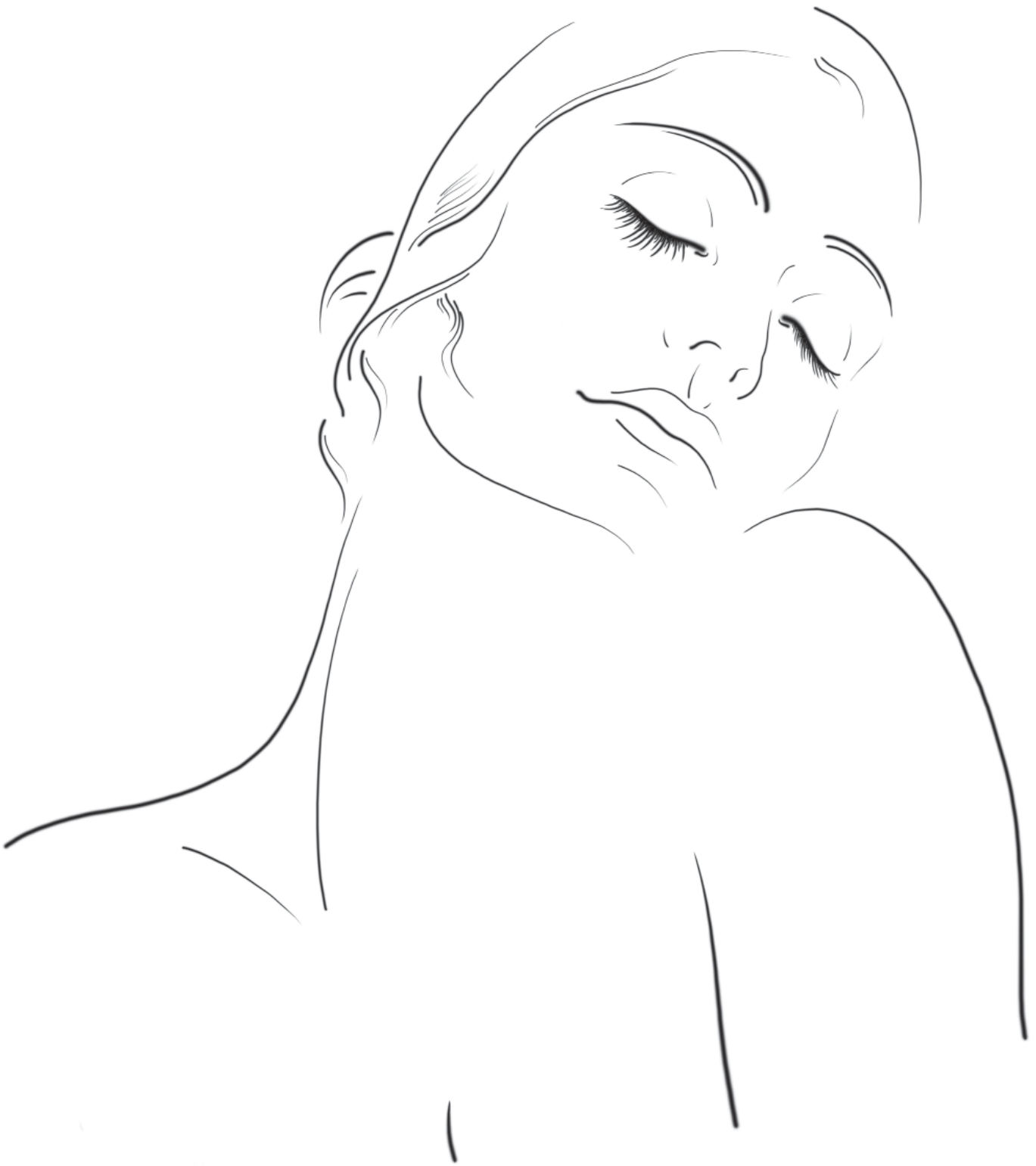
Mama je, usprkos Jašinoj zabrinutosti, odahnula. Naravno da je Jašu (sada već kćer) preselila u novu školu. Nije se više trebala bojati skandala, čak je smišljala i poslove za cijelu obitelj u dva novootvorena salona. Uvijek je govorila da je bolje imati dvije kćeri nego jednu.

U Janinoj je obitelji jedino mama bila malo tužna, ali ju je brzo prošlo. Sada je imala četiri košarkaša, dvije djevojke i dva dečka. Jedino je u školi morala lagati da se Jana odselila na školovanje u inozemstvo, kod sestrične, a da je sin te sestrične, u zamjenu, došao živjeti s njima.

МИЛОСЕРДИЕ

MIŁOSRÐE

ТАСЯ

Тася медленно брела мимо витрин любимых магазинов. Сегодня ее не радовали ни издательские новинки, ни новая летняя коллекция... В голове поселилась одна-единственная мысль: надо что-то делать! Но что именно делать, Тася придумать не могла.

С Алексеем они познакомились, когда ей было 30, а ему 50. Он был доцент, а она его аспирантка. Он был моложавый, подтянутый, элегантный, и она влюбилась в него с первого взгляда, несмотря на большую разницу в возрасте.

Вначале действительно казалось, что это не проблема. Алексей был в разводе, с первой женой общался, но исключительно по работе, так что разлучницей она себя не ощущала. От первого брака был сын, с которым Алексей встречался очень редко и не требовал от Таси, чтобы она налаживала с мальчиком какие-либо взаимоотношения. Будь по-другому, Тася бы, наверное, подумала, а стоит ли связываться с человеком намного старше себя, который слишком привязан к ребенку от первого брака. Однако Алексей даже не настаивал на том, чтобы они познакомились, не говоря уже о поездках втроем на отдых или совместных выходных. Сына Тася видела первый и последний раз на свадьбе. Ему было 25 лет, он заканчивал институт, а вскоре вообще уехал то ли в Америку, то ли в Австралию. Алексей о нем не говорил, а Тася и не спрашивала.

Через четыре года родилась Сашка. Если хорошо подумать, то тогда их отношения в первый раз дали трещину. Алексей больше детей не хотел, но, учитывая, что жена на 20 лет моложе, не перечил, когда Тася сообщила, что беременна. Особо, правда, не обрадовался. На курсы для молодых родителей ходить отказался наотрез. Жалобы на тошноту или боль в пояснице, похоже, вызывали у него отвращение, но он каждый раз отшучивался, что, мол, сама хотела — сама и выкручивайся.

Тасе уже во время беременности было ясно, что вся забота о малыше ляжет на нее, но она даже представить не могла, насколько Алексей отстранится от ребенка. Они даже не обсуждали, как назовут девочку. Тася предложила назвать в честь обеих бабушек – Александрой, на что муж только пожал плечами.

В первое время после рождения Сашки Алексей целыми днями пропадал в институте, часто ездил в командировки, на конгрессы и семинары. Тася даже подозревала, что у него завелась пассия. Она успокаивала себя, что это временно. Вот Сашка подрастет, и папа будет ей читать, играть с ней в развивающие игры, учить кататься на велосипеде.

Ситуация действительно немного поправилась, когда дочь пошла в школу. Выяснилось, что у нее незаурядные математические способности, и отец стал заниматься с ней математикой и физикой, помогал готовиться к олимпиадам и, казалось, искренне радовался, когда Сашка гордо предьявляла ему очередную медаль.

В 65 лет Алексея торжественно проводили на пенсию. Теперь он уже не возглавлял кафедру, но остался в должности professor emeritus, профессора в отставке. Он продолжал вести научные исследования, курировал работы молодых коллег на соискание степеней магистра или доктора наук, был членом экзаменационных комиссий и получал за это хорошую зарплату.

Это были, пожалуй, самые счастливые 10 лет их совместной жизни, если не считать первых три года, до рождения дочери, когда муж чуть ли не каждый день покупал ей розы, водил в дорогие рестораны и возил по заграничным курортам.

Саша с десяти лет была вполне самостоятельным ребенком. Во всяком случае, разогреть обед для нее не было проблемой, а бывало, что она дожидалась уставших родителей с горячим ужином, когда они поздним вечером приходили с работы. Тася могла снова заниматься наукой, а так как Алексей

больше официально не занимал в институте должностей, злые языки не могли сплетничать, что муж ей устроил докторат по благу.

Все рухнуло в один миг. Сразу после празднования их серебряной свадьбы, на которой присутствовали все институтские коллеги, Алексею сообщили, что договор на кафедре ему больше не продлят. Пора, мол, и честь знать. Уже новые emeritus вышли на пенсию, а научного руководства и хлебных мест в экзаменационных комиссиях на всех не хватает.

Муж состарился за один день. Стал раздражительным и ворчливым. Что бы она ни сделала, все было не так. Пожалуй, подумала Тася, он меня обвиняет во всех своих бедах, вплоть до преклонного возраста. Это, кстати, тоже стало большой проблемой. Алексей никак не хотел вести себя в соответствии с возрастом. Считал, что он по-прежнему в отличной форме, а в том, что их сексуальные отношения практически сошли на нет, виновата она.

Со временем его постоянное брюзжание стало невыносимо, выдуманные обвинения доводили до иступления, непомерная требовательность действовала на нервы, а старческая неряшливость вызывала отвращение. И вот теперь Тася брела по улице, совершенно не представляя себе, что ей делать. Ей всего 56. Так же, как и сын, Сашка сбежала куда подальше от такого папаши. С дочкой они регулярно разговаривали по скайпу и переписывались, но Тася обвиняла Алексея в том, что дочь живет за тридевять земель, а не рядом с ней.

Казалось, ситуация ухудшается с каждым днем. Чего Тася только ни пробовала. Пыталась вытащить мужа в театр, в кино, на выставку или на концерт. Первое время ему это нравилось, но быстро надоело, и он вновь превратился в старого брюзгу: все вокруг бездарные идиоты, страшилища и мнимые больные. На себя бы в зеркало посмотрел! А самое ужасное, что муж все больше и больше впадал в депрессию. Мог целыми днями лежать на диване, глядя в потолок, и время от времени сетовать на то, что у него нет силы воли покончить с этой бессмысленной жизнью.

Домой идти не хотелось, и Тася присела на скамейку. Из раздумий ее вывело всхлипывание. На соседней скамейке плакала женщина. Женщина пыталась подавить судорожные рыдания, но у нее это плохо получалось, и она периодически издавала протяжный не то вой, не то стон.

Подойти или оставить человека в покое?

«Подойду», — решила Тася.

— Не надо сдерживаться. Лучше поплачьте как следует. По себе знаю, очень помогает, — Тася пересела к незнакомке на соседнюю скамейку.

Женщина, казалось, никак не отреагировала на ее слова, однако через пару минут подняла голову и, немного успокоившись, произнесла:

— Хоть плачь, хоть ором ори, все равно помощи нет.

— Что случилось? Да вы не стесняйтесь. Если нужно выговориться, это проще с незнакомым человеком, которого больше никогда не встретишь.

— Мужу диагностировали рак. Просто не могу поверить. Два месяца назад он прошел полную диспансеризацию. Все анализы и результаты обследований были в порядке. Как это возможно?

— Может ошибка? В больнице перепутали анализы?

— Если бы! Врач сказал: скоротечная саркома. Самое большее — два месяца.

Женщина опять разрыдалась.

— Вы, наверное, очень любите своего мужа, раз так убиваетесь, — задумчиво произнесла Тася.

— Я без него жить не буду. Детей у нас нет. Выросли мы в детдоме, так что родителей у нас тоже нет. Плакать по нам никто не будет.

— Я бы с вами поменялась, если бы это было возможно, — неожиданно для самой себя выпалила Тася.

— Правда?

— Что правда?

— Что поменялись бы? Вы не шутите?

«Не шучу, — подумала Тася. — Как говорила моя мама, когда я ей жаловалась на мужа: ты получила то, что хотела. Тебя ведь никто насилу замуж не выдавал. Вот и Алексей может получить то, что хочет. По крайней мере, он неоднократно высказывал такое желание».

Вслух она произнесла: «Какая разница, шучу или не шучу, это ведь невозможно».

— Возможно!

— Что вы такое говорите? Вы бредите? – удивилась Тася.

— Если вы согласны, то пойдите со мной, и вам объяснят, что это действительно возможно.

Придя домой, Тася застала все ту же картину. Алексей в засаленном халате лежал на диване и разглядывал потолок. Он обрушил на нее потоки брани, обвиняя в том, что она его совсем не жалеет, не понимает, не сочувствует. Что она черствая и алчная эгоистка, которая позарилась на его жилплощадь и, вообще, лучше бы он умер, чем терпеть такие мучения.

— Твое желание может быть исполнено. Вот договор, прочитай и подпиши, — Тася положила на стол два исписанных на компьютере листа бумаги.

— Что это?

— Там все написано. Пересказывать не буду. Как я и сказала, это исполнение твоего желания.

Впервые за последние два года Тася заснула без снотворного, а проснулась свежая и отдохнувшая. Кровать Алексея была аккуратно застелена, а из кухни доносился аромат свежесваренного кофе.

TASJA

Tasja je polako šetala uz izloge svojih omiljenih trgovina. Danas ju nije radovala ni najava noviteta, ni nova ljetna kolekcija... U glavi joj se vrtjela samo jedna misao: treba nešto napraviti! Ali što točno i kako, nije mogla smisliti.

Alekseja je upoznala sa s trideset godina, dok je njemu bilo pedeset. On je bio docent, a ona na postdiplomskom. On je bio mladolik, vitak, elegantan i..., zaljubila se u njega na prvi pogled, bez obzira na veliku razliku u godinama.

Na početku to stvarno nije predstavljalo problem. Aleksej je bio razveden. Isključivo je poslovno komunicirao s prvom ženom, tako da Tasja nije osjećala krivnju. U tom braku je dobio sina, s kojim se susretao vrlo rijetko i nije zahtijevao od Tasje da s mladićem gradi bilo kakav odnos. Da je drugačije, Tasja bi dvaput razmislila treba li se vezati za čovjeka puno starijeg od nje. Nije ju molio niti da se s njim upozna, a kamoli da idu na izlete u troje ili provode vikende zajedno. Tasja je mladića prvi i zadnji put vidjela na njihovoj svadbi. Tada je imao dvadeset pet godina, završavao fakultet. Kasnije je otputovao u Ameriku ili Australiju... Aleksej nije o tome govorio, niti ga je Tasja pitala.

Nakon četiri godine rodila se Saša. Ako se dobro razmisli – tada se prvi puta poljuljao njihov odnos. Aleksej nije želio imati još djece, ali uzevši u obzir da ima dvadeset godina mlađu ženu, kada mu je rekla da je trudna nije imao ništa protiv. No, nije ni bio presretan zbog toga. Kategorički je odbijao pohađati zajednički tečaja za mlade roditelje. Njezina pritužbe na mučninu i bolove u kralježnici izazivale su u njemu gađenje, ali svaki put se šalio: eto, sama si to htjela – sama i trpi.

Tasji je već za vrijeme trudnoće bilo jasno, kako će sva briga o bebi past na njena leđa, ali nije mogla ni pomisliti da Alekseja njihovo dijete uopće neće zanimati. Nisu čak ni razgovarali o tome kako će nazvati kćer. Tasja je predložila da je nazovu imenom obiju baka – Aleksandra, na što je Aleksej samo slegnuo ramenima.

Aleksej je prvo vrijeme nakon Sašinog rođenja po cijele dane ostajao na fakultetu. Tasja je čak sumnjala da ima ljubavnicu. Zaredala su se poslovna putovanja, kongresi, seminari...

Tasja se tješila da je to prolazno. Evo, čim Saša malo poraste, tata će joj čitati knjige, igrati “Čovječe se ljuti se”, učiti je voziti bicikl.

Situacija se malo popravila kada je kćer krenula u školu. Pokazalo se da ima veliki potencijal i matematičke sposobnosti. Otac joj je pomagao s pripremama za natjecanja iz matematike i fizike i činilo se da se iskreno raduju, kada bi Saša ponosno osvajala medalje.

Sa šezdeset pet godina, Aleksej je svečano ispraćen u mirovinu. Sada više nije bio pročelnik odjela, ali je ostao na dužnosti Professor emeritus, izvanredni profesor u mirovini. Nastavio je voditi znanstvena istraživanja, mentorirao diplomske radove mladih kolega za stupanj magistra i doktora znanosti, bio je član ispitivačke komisije i dobivao dobru plaću.

Saša je već s deset godina bila samostalno dijete. U svakom slučaju, nije joj bio problem ugrijati ručak, a događalo se da je pripremala i toplu večeru umornim roditeljima kad bi došli s posla. Tasja se ponovno mogla baviti znanošću. Budući da Aleksej više nije imao vodeću ulogu na fakultetu, zli jezici nisu je mogli okriviti da je dobila bilo što „preko veze“.

Sve se srušilo u jednom trenu. Odmah nakon srebrnog pira, na kojemu su prisustvovali svi kolege s fakulteta, Alekseju su dali do znanja da mu više neće produžiti ugovor. Hvala, ali dosta je bilo. Već su i mlađi od njega s titulom Emeritus otišli u mirovinu, a ima i previše uhljeba u znanstvenim odjelima i ispitivačkim komisijama.

Aleksej je ostario doslovno u jednom danu. Postao je razdražljivo zanovijetalo. što god Tasja radila - nije valjalo. Možda on, razmišljala je, mene krivi za sve svoje nedaće, čak i za to što je ostario. I to je isto postalo veliki problem. Aleksej se nikako nije htio ponašati u skladu sa svojim godinama. Smatrao je da je i dalje u odličnoj formi, dok je ona kriva što više gotovo da i nemaju seksualnog života.

Kako je vrijeme prolazilo, njegova stalna prigovaranja postala su nepodnošljiva. Smetala su joj njegova izmišljena zanovijetanja i nerealna očekivanja, a staračka neurednost izazivala je gađenje. I tako, danas se Tasja vukla ulicom i nije znala što napraviti. Ona ima samo pedeset šest godina. Saša se odselila u inozemstvo, doduše kao i njegov prvi sin, što dalje od takvog oca. Sa kćeri su se redovno dopisivali i razgovarali preko Skypea, a Tasja je stalno krivila Alekseja da im kćer zbog njega živi iza sedam mora, sedam gora, a ne pored nje.

Činilo se da je situacija svakim danom sve gora i gora. Tasja je pokušala sve što je u njezinoj moći. Probala je muža voditi u kazalište, kino, na izložbe i koncerte. Na početku mu se ta ideja čak i sviđala, ali ubrzo mu je to dosadilo i opet se pretvorio u staro zanovijetalo, kojemu su svi krivi i ništa nije po volji. Stalno je gundao da su oko njega svi netaleantirani idioti, ružni starci i umišljeni bolesnici. Bolje bi bilo da pogleda sebe. Ali najgore je bilo što je, bez obzira na njegovo solidno fizičko i zdravstveno stanje, sve više i više upadao u depresiju. Mogao je danima ležati na kauču i buljeći u strop povremeno kukati o tome kako nažalost nema ni snage ni volje okončati ovaj besmisleni život.

Tasja nije željela ići kući pa je sjela na obližnju klupu. Iz duboke zamišljenosti ju je trgnuo plač. Na susjednoj klupi je bila uplakana žena. Pokušavala je suzdržati suze, ali nije uspijevala pa se svako malo čuo jecaj i stenanje.

Otići do nje ili je ostaviti na miru?

“Idem”, - odlučila je Tasja. Možda joj je stvarno potrebna pomoć.

Sjela je na klupu pokraj uplakane žene.

- Nemojte se suzdržavati. Bolje je isplakati se. Znam po sebi, jako pomaže.

Činilo se da žena uopće ne reagira na nju, ipak, nakon nekoliko minuta, podigla je glavu i malo se smirivši, rekla:

- Plakala ja ili vikala, svejedno, pomoći nema.

Što se dogodilo? Nemojte se sramiti. Izbacite to sve iz sebe, lakše je reći nepoznatoj osobi sve ono što Vas tišti.

- Mojem mužu je dijagnosticiran rak. Jednostavno ne mogu vjerovati. Prije dva mjeseca je bio na pretragama i svi nalazi su bili u redu. Kako je to moguće?

- Možda je greška? Možda su u bolnici zamijenili nalaze?

- Da bar! Liječnik je rekao: - maligni sarkom koji se brzo razvija. Daje mu najviše dva mjeseca.

Žena je opet gorke zaplakala.

- Vidim da jako volite svog muža kad tako patite – zamišljeno je rekla Tasja.

- Ja bez njega neću živjeti. Djece nemamo. Odrasli smo u dječjem domu, tako da nemamo ni roditelje. Za nama nitko neće plakati.

- Zamijenila bih se s vama kad bi to bilo moguće – iznenadivši samu sebe, ispalila je Tasja.

- Ozbiljno? – žena je podigla oči pune nade.

- Ozbiljno što?

- Mijenjali bi se sa mnom? Vi se ne šalite?

“Ne šalim se” – pomislila je Tasja. “Kako je govorila moja mama, kad sam joj se žalila: što tražiš – to dobiješ.”

- Kakve veze ima šalim li se ja ili ne, kada je to nemoguće.

- Moguće je!

Tasja ju je začuđeno pogledala.

- Što ste rekli? Vi buncate.

- Ne. Ako se slažete, pođite sa mnom i sve će Vam objasniti.

Kad je stigla kući Tasja je zatekla poznatu situaciju. Aleksej je u masnom kućnom ogrtaču ležao na kauču. Isti ju je čas počeo psovati i kriviti zato što ga uopće ne podržava, ne razumije i ne suosjeća s njim. Govorio je kako je ona bezosjećajna i pohlepna egoistkinja, koja želi dobiti stan. Bolje da umre, nego trpi ove muke.

- Tvoja želja se može ostvariti. Evo ugovor, pročitaj i potpiši.

Tasja je stavila na stol dva isprintana lista papira.

- Što je to?

- Sve tu piše. Ne želim prepričavati. Kao što sam i rekla – to je ispunjenje tvoje želje.

Prvi put u zadnje dvije godine Tasja je zaspala bez lijekova i probudila se svježja i odmorna.

Aleksejev krevet bio je uredno pospremljen, a iz kuhinje je dopirao zamaman miris svježje skuhanе kave.

ТАМАРА

Беременность была неожиданной и уже не очень-то желанной. Первый брак распался после пяти счастливых лет. Вадик, который буквально со дня свадьбы мечтал взять в руки крошечный комочек, честно признался, что без детей семья не семья. Он оставил Тамаре однокомнатную квартиру, а сам поселился у бабушки. Через год Тамара встретила его с милостивой блондинкой. Вадик катил коляску и, увидев бывшую жену, быстро отвел глаза. Судя по тому, что коляска была прогулочная, то есть для ребенка постарше, сначала родился малыш, а уж потом он ушел от Тамары. Вадик решил больше не рисковать.

Еще через год Тамара встретила Любомира. Он был родом откуда-то с Балкан и ребенком приехал с родителями в Россию. Родители недавно вернулись в родные пенаты, а Любомир остался заканчивать институт, ибо рассудил, что переводиться и сдавать разницу хлопотно. Кроме того, перспектива пару лет пожить одному в квартире, без опеки предков, была более чем заманчивой. Он не скрывал, что после окончания института собирается уехать, так что отношения завязались без всяких обязательств с обеих сторон. Поскольку парень был не из лоботрясов и молодежными забавами не увлекался, его вполне устраивали свободные отношения, которые в то же время гарантировали относительную стабильность. Тамаре просто хотелось отдохнуть от хождения по врачам, высчитывания цикла, плодных дней и всей той тяготы, которая сопровождает тщетные попытки забеременеть. Честно говоря, она и сама точно не знала, хочет ли ребенка. Его отчаянно хотел Вадик, и, само собой, понимает, что этого хочет и она. К ее удивлению, Вадик с коляской и новой женой не вызвал отрицательных эмоций. Она даже обрадовалась, что он наконец-то получил долгожданного наследника или наследницу (ей даже не было интересно, кто там сидит в коляске), и теперь она больше не должна чувствовать свою вину перед ним. После того, как эта гора свалилась с плеч, Тамара еще некоторое время отшивала ухажеров, интуитивно угадывая в них очередного самца, который вознамерится вить гнездо и опять будет изводить ее вопросами о ненаступающей беременности.

Любомир подвернулся очень даже кстати. Во-первых, он был на пять лет младше Тамары, учился в институте, не помышлял о женитьбе и вскоре собирался возвращаться на историческую родину. Замуж он не звал, а она и не представляла себе, как это могло бы выглядеть. Любомир не собирался оставаться в России, а она даже не допускала мысли о переезде в чужие края.

Учеба в институте подходила к концу, родители звонили чуть ли не каждый день и спрашивали, когда же их ненаглядное чадо вернется в родовое гнездо.

На прощание решили отдохнуть в приморском пансионате. Три недели пролетели как один день. Любомир уехал, обещал писать и звонить. Первое время звонил почти каждый день, потом все реже и реже, а вскоре и вовсе перестал. Жизнь каждого из них пошла своим чередом.

На работе как раз была запарка с очередным проектом, и Тамара не обратила внимания, что месячных нет уже почти три месяца. Правда, это и раньше случалось, когда-то принося новое разочарование, а затем просто как констатация факта. Тест показал две полоски, а гинеколог подтвердил. Беременность тринадцать недель, аборт делать поздно, а учитывая Тамарин далеко не юный возраст, лучше бы лечь на сохранение, от греха подальше.

На работе с больничным проблем не возникло, и уже через два дня Тамару положили в двухместную палату гинекологического отделения. Три дня Тамара отдыхала и наслаждалась одиночеством. Читала,

гуляла, ходила на гимнастику и в бассейн. А еще через два дня в палату положили молоденькую девушку с диагнозом «угроза выкидыша». К ней каждый день после работы прибежал муж. Приносил фрукты, нежно поглаживал живот, разговаривал с ним и даже пускал на сотовом телефоне классическую музыку для эстетического развития зародыша. Так продолжалось две недели. Тамара радовалась за них, но и грустила, осознавая, что у ее ребенка не будет такого заботливого и любящего папы.

Ночью она проснулась от ужасающих звуков. На соседней койке соседка рыдала и билась в истерике. Оказалось, что случилось непоправимое, и ребенка спасти не удалось. Раньше они не разговаривали по душам, как-то не было надобности, а вот теперь выяснилось, что это уже третья беременность, которую удалось сохранить до шестнадцати недель, и, когда уже казалось, что на этот раз все будет в порядке, – снова выкидыш. Судя по всему, муж теперь ее оставит, потому что ему надоело каждый раз надеяться и вновь терять надежду. Она мужа безумно любит и жить без него не будет. Лучше в петлю. Тамара вспомнила Вадима и искренне посочувствовала. Успокоить соседку никак не получалось. Она так неутешно рыдала, что у Тамары невольно вырвалось: «Если бы это было возможно, я бы с тобой поменялась».

Слезы у соседки высохли, как по мановению волшебной палочки, и огромные сияющие глаза уставились на Тамару:

— Это правда?

— Что правда?

— Что поменялась бы?

Тамара не сразу поняла, о чем говорит соседка, но, чтобы ее окончательно успокоить, подтвердила, что правда, поменялась бы, если бы это было возможно.

— Это возможно.

— Что ты имеешь в виду?

Оказалось, что есть вполне реальная фирма, где с помощью новых технологий можно поменяться телами временно или навсегда. В их случае можно поменяться «содержимым».

Из любопытства и чтобы не спровоцировать новую истерику, Тамара поинтересовалась, как соседка это себе представляет. Они ведь находятся в больнице, откуда вряд ли удастся выскользнуть и вернуться незаметно. На что получила ответ, что это не проблема. Специалисты под видом медицинских работников выезжают к клиентам. Обмен можно произвести рано утром. Оказывается, соседка уже в прошлый раз договорилась с женщиной из соседней палаты, которая не хотела рожать третьего ребенка, но в последний момент передумала.

Остаток ночи Тамара не спала. Пыталась разобраться в своих чувствах и принять окончательное решение.

На следующий день Тамару выписали из больницы. Доктор ей посочувствовал, но сказал, что в ее возрасте это не такое уж редкое явление. Забеременеть можно, а вот выносить – проблема.

Тамара как раз выходила из палаты, когда к соседке пришел муж с большим букетом цветов и новым диском классической музыки.

TAMAPA

Trudnoća nije bila očekivana, niti više toliko željena. Nakon pet godina, brak se raspao. Vadik, koji je od dana njihove svadbe željno očekivao trenutak kada će primiti u ruke malo klupko sreće, iskreno je priznao: bez djece - obitelj nije obitelj. Tamari je ostavio jednosoban stan, a sam se preselio k baki. Godinu dana kasnije Tamara ga je srela u društvu ljepušaste plavuše. Vadik je gurao dječja kolica i, ugledavši bivšu ženu, odmah je sklonio pogled. Sudeći po tome da kišobran kolica nisu za tek rođenu bebu, bilo je očito da je prvo dobio dijete, a tek onda ostavio Tamaru. Vadik je odlučio igrati na sigurno.

Prošla je godina i Tamara je susrela Ljubomira. On je bio rodom s Balkana, ali nisu imali jezične barijere, budući da je kao dijete došao s roditeljima u Rusiju. Nedavno su mu se roditelji vratili u domovinu, dok je Ljubomir odlučio ostati i završiti fakultet jer je zaključio da bi bilo komplicirano prebacivati se i polagati razliku predmeta. Osim toga, jako ga je privlačila mogućnost da nekoliko godina živi sam, u iznajmljenom stanu, bez da mu starci vise za vratom. Nije tajio da se nakon završetka studija planira vratiti kući, tako da njihov odnos od samog početka nije bio ozbiljan i bio je bez ikakvih obaveza. Budući da nije bio „partijaner“ i izlasci ga nisu zanimali, baš mu je odgovarala veza koja je garantirala neku stabilnost. Tamara se isto htjela odmoriti od stalne borbe za mjesto žene – majke, obilaženja liječnika, računanja ciklusa ovulacije i svih tih opterećenja koja je stalno imala pokušavajući zatrudnjeti. Iskreno rečeno, ni sama nije bila sigurna želi li dijete. Dijete je očajnički želio Vadik i podrazumijevalo se, da ga i ona mora željeti. Tamara se sama sebi začudila kad taj isti Vadik s kolicima i novom ženom nije u njoj pobudio negativne emocije. Iskreno se obradovala što je napokon dobio dugo očekivanog nasljednika ili nasljednicu (čak je nije zanimalo tko sjedi u kolicima) i više ne mora osjećati krivnju. Nakon što se oslobodila tog tereta, Tamara je još neko vrijeme odbijala udvarače, intuitivno pogađajući tko od njih ima namjeru saviti obiteljsko gnijezdo i tko će opet dosađivati pitanjima o trudnoći.

Ljubomir joj je baš dobro došao. Kao prvo, on je pet godina mlađi od Tamare, studira, ne razmišlja o ženidbi i uskoro se sprema vratiti u svoju domovinu. Nije ju zaprosio, niti je ona zamišljala kako bi to izgledalo. On nije planirao ostajati u Rusiji, niti je ona razmišljala o preseljenju u tuđinu. Studij na fakultetu se privodio kraju, roditelji su ga zvali gotovo svaki dan i pitali, kada će se napokon njihovo drago dijete vratiti u obiteljsko gnijezdo. Za rastanak su se odlučili provesti u primorskom pansionu da im ostane u lijepom sjećanju. Tri su tjedna proletjela kao jedan dan. Ljubomir je oputovao, obećavši pisati i telefonirati. Istina, u početku je zvao gotovo svaki dan, nakon toga sve rjeđe, a ubrzo je sasvim prestao. Život svakoga od njih je krenuo svojim putem. Tamari je na poslu bila neka frka, tako da nije ni primijetila izostanak mjesečnice gotovo tri mjeseca. To se događalo i prije pa razloga za brigu nije bilo. Međutim, test je pokazao dvije crte, a ginekolog je potvrdio trudnoću od trinaest tjedana. Za abortus je prekasno, a s obzirom da je Tamara već zagazila u tridesete, bilo bi najbolje otići na čuvanje trudnoće - za s.

Na poslu nije bilo problema i već za dva dana Tamara je bila smještena u dvokrevetnu sobu ginekološkog odjela. Tri se dana Tamara odmarala i uživala u samoći. Čitala je, šetala, išla na vježbe i na bazen. A onda je dobila mladu cimericu s dijagnozom “rizik od spontanog pobačaja”. Svaki dan, nakon posla, dolazio joj je muž. Donosio je voće, nježno mazio trbuh, razgovarao s njim, čak je puštao preko mobitela klasičnu glazbu za estetski razvoj ploda. To je trajalo dva tjedna. Tamara se radovala zbog njih, ali i tugovala, shvativši da njeno dijete neće imati takvog brižnog tatu punog ljubavi.

Jedne ju je noći probudio užasavajući zvuk. Cimerica je jecala u krevetu pokušavajući suzdržati plač. Na kraju je uspjela izgovoriti, da se dogodilo nepopravljivo i da dijete nisu uspjeli spasiti.

Prije toga nisu puno razgovarale, jer za to nije bilo neke potrebe. Tek sada je Tamara saznala, kako je to cimerici već treća trudnoća koju je uspijevala zadržati do šesnaestog tjedna i kada se činilo da će sve dobro

proći – ponovno spontani. Sve ide ka tome da će je muž sada ostaviti jer mu je dosadilo čekati i svaki se puta ponovno nadati i opet razočarati. Ona muža beskrajno voli i bez njega ne želi živjeti. Radije bi se ubila. Tamara je s njom iskreno suosjećala i odmah se sjetila Vadika. Nikako nije uspijevala smiriti mladu ženu. Tako je neutješno ridala da je Tamara iznenada prozborila: - Kad bi to bilo moguće, mijenjala bih se s tobom.

Istog trena, suze su nekom čarolijom isparile i dva velika sjajna oka su zurila u Tamaru:

- Je li to istina? Da bi se mijenjala sa mnom?

Tamara nije shvatila o čemu se radi, ali da je smiri do kraja, potvrdila je, istina – zamijenila bih se s tobom kad bi to bilo to moguće.

- To je moguće.

- Kako to misliš?

Saznala je kako postoji firma u kojoj je moguće pomoću novih tehnologija zamijeniti se za tijela na neko vrijeme ili zauvijek. U ovom se slučaju može zamijeniti onim što je “u tebi”. Znatiželje radi i kako ne bi izazvala novi histeričan napadaj, Tamara je upitala cimericu kako si ona to zamišlja. Nalaze se u bolnici iz koje teško da će izaći i vratiti se neprimijećeno. Cimerica odgovori kako to nije problem. Specijalizirana ekipa izlazi na teren. Proceduru mogu obaviti odmah rano ujutro. Cimerica joj je također ispričala, kako se već jednom prije dogovarala sa ženom iz susjednog odjela koja nije htjela roditi treće dijete, ali se u zadnji čas predomislila.

Tamara ostatak noći više nije oka sklopila, pokušavajući donijeti konačnu odluku.

Nakon dva dana Tamaru su otpustili iz bolnice. Liječnik joj je izrazio sućut i rekao da u njenim godinama to i nije tako rijetka pojava. Zatrudnjeti se može, ali je problem iznijeti trudnoću do kraja.

Tamara je izlazila s odjela upravo u trenutku kada je cimerici došao muž s velikim buketom cvijeća i novim diskom klasične glazbe.

ВЕРОНИКА

Плакать Вероника не могла. Да и малышу это было противопоказано. Так сказал доктор.

С Герой они были неразлучны с десятого класса. Друзья их так и называли «Героника». Со свадьбой решили не спешить. Сначала надо было закончить институт. Ника поступила в иняз, а Герка, который с детства мечтал о небе, блестяще выдержал экзамен в высшее летное училище.

После окончания училища Гера сказал, что не может привести молодую жену к своей маме, которая отличалась, мягко говоря, не очень уживчивым характером. Гера подписал контракт с одной из крупнейших авиакомпаний мира и за три года заработал на однокомнатную квартиру недалеко от центра, в старом здании. Такие здания с их просторными комнатами и высокими потолками всегда нравились Веронике. Она была на седьмом небе, когда они притащили туда старый диван и отпраздновали новоселье. Гера сказал, что для начала, пока дети будут маленькие, этой квартиры им хватит с лихвой.

С детьми вышла заминка. Три года после свадьбы решили пожить для себя. Обставить квартиру, посмотреть мир. Еще два года не очень расстраивались, что Вероника еще не забеременела, так как из-за Гериной работы виделись не часто. Тайком от Геры, Ника все-таки обратилась к врачу. Выяснилось, что есть небольшая проблема, но все поправимо. Надо немного подлечиться и не паниковать. Лучше всего поехать куда-нибудь на курорт и не думать о беременности. Расслабиться и отдохнуть. Доктор как в воду глядел.

После возвращения домой у Вероники была задержка три недели. Она решила подождать и не покупать тест, чтобы не разочароваться в очередной раз. Такое уже бывало. Когда увидела долгожданные две полоски, Ника все еще не могла поверить. Решила сказать Герке только после того, как получит результат анализа.

Приближалась годовщина их свадьбы. Ника решила запаковать тест в коробочку и преподнести мужу в качестве подарка. Они любили делать друг другу такие маленькие сюрпризы.

В тот день Гера, как назло, задержался на работе и спешил домой. Откуда взялся грузовик, он даже не успел сообразить. Безжизненное тело подключили в реанимации к аппаратам. Надежды было мало, но доктора уповали на его молодость.

Степан Сергеевич всегда очень заботился о своем здоровье. Никогда не курил, пил весьма умеренно, в основном по праздникам и только хорошее сухое вино. По утрам делал зарядку, женским полом не злоупотреблял. Как они с Машей поженились 55 лет назад, так и жили до сих пор душа в душу.

Дети на золотую свадьбу преподнесли им поистине золотой подарок – небольшой домик на берегу водоема, рядом с лесопосадкой в дачной зоне. За пять лет Степан Сергеевич домик отремонтировал. Много сделал сам. Несмотря на то, что 40 лет проработал инженером в НИИ, руки росли из нужного места. Зять, у которого была небольшая строительная фирма, тоже подсобил, но Степан Сергеевич старался не слишком ему докучать. Звал на помощь старых друзей. С некоторыми еще на горшках рядом сидели в детском саду. С другими дружил в школе, но больше всего общался с друзьями по институту, с которыми потом вместе и работали.

Собирались не столько заниматься дачей, сколько посидеть на свежем воздухе, пообщаться, отдохнуть от своих половинок мужской компанией.

Жена от «подарка» была не в восторге, но оценила возможность отдохнуть от домашних дел, пока муж на даче. Несмотря на свой возраст, она тщательно за собой следила. Любила сходить с

подружками в театр, на концерт или на выставку, куда Степана Сергеевича калачом не заманишь. Дети давно выросли. Младшая внучка в этом году поступила в институт, так что бабушкина помощь уже не требовалась.

Самое время им немного пожить для себя. Жизнь вошла в безмятежную колею и обещала, если повезет, лет десять серьезно не беспокоить. И вот теперь Степан Сергеевич вертел в руках листок, на котором было написано, что ему рекомендуется срочно приехать в больницу на углубленное обследование.

Через месяц Нике сообщили, что Гера пришел в себя. Состояние тяжелое, но стабильное. Жить будет. А буквально вчера забился малыш. Критический период, когда возможен выкидыш, тоже позади.

Углубленное обследование, которое назначили Степану Сергеевичу показало, что ситуация серьезная. Врачи обещали сделать все возможное, но рак – дело непредсказуемое. Может и на пять лет «затаиться», а может «забрать» через несколько месяцев. Жена подняла все медицинские связи, и Степана Сергеевича положили в больницу. Было решено делать операцию, хотя некоторые специалисты считали, что метастазы уже сделали свое черное дело.

В палате Степан Сергеевич познакомился с неунывающим Герой. Несмотря на то, что врачи после такой тяжелой аварии обещали в лучшем случае инвалидную коляску, Гера не унывал и каждый раз, когда к нему приходила беременная жена, рассказывал ее животу, как они будут вместе играть в волейбол, кататься на коньках и ходить в горы.

Операция Степана Сергеевича, к общему удивлению эскулапов, прошла гораздо лучше ожидаемого. Прогнозы врачи давать опасались, но обещанный период уже исчислялся семью годами.

А еще через месяц вся страна проснулась в другой реальности. Определяющим фактором жизнедеятельности стало слово «коронавирус».

События развивались стремительно. Не успели оглянуться, как больница закрылась на карантин. Отделение, где лежали тяжелые больные, максимально изолировали, но ситуация вышла из-под контроля. Гера во время аварии сильно повредил легкие и теперь тяжело дышал на соседней койке. Состояние Степана Сергеевича тоже ухудшалось изо дня в день. Жена Маша опять подняла свои связи, и в их палату привезли аппарат искусственной вентиляции легких, один из двух, которыми располагала больница.

Гера с утра не приходил в сознание, а когда пришла бригада подключить Степана Сергеевича к аппарату, он, едва переводя дыхание, показал на соседнюю койку:

— Герку подключите. У него через пару месяцев сын должен родиться.

Через три месяца из больницы их выписывали одновременно. Геру, на костылях, из реабилитационного отделения, а Нику – из родильного. Мальчика решили назвать Степаном.

VERONIKA

Veronika nije mogla plakati. A i liječnik je rekao, kako to za dijete ne bi bilo dobro.

Gera i ona su bili zajedno još od srednje škole. Prijatelji su im čak smislili nadimak "Geronika". Nisu se žurili vjenčati. Prvo trebaju završiti fakultet. Nika je upisala filozofski dok je Gera, koji je od malih nogu maštao o nebu, uspješno položio prijemni za pilotsku akademiju.

Nakon završetka studija Gera je rekao kako ne može dovesti mladu ženu kući jer mama ima težak karakter. Gera je potpisao ugovor za stranu firmu i za tri godine je zaradio za jednosoban stan u staroj zgradi, u širem centru grada. Veroniki su se uvijek sviđale takve zgrade s prostranim sobama i visokim stropovima. Kad su u stan dovukli kauč i proslavili useljenje bila je od sreće u „sedmom nebu“. Gera je rekao da će taj stan biti dovoljan za početak dok su djeca još mala.

Ipak to s djecom se odužilo. Prve tri godine nakon vjenčanja odlučili su malo živjeti "za sebe". Uredili su stan i putovali svijetom. Slijedeće dvije godine Veronika nikako nije mogla zatrudnjeti i to ih je jako brinulo. Onda je Nika bez Gerinog znanja otišla liječniku, koji je našao manji problem. Samo treba pričekati i ne paničariti. Najbolje bi bilo otići nekamo na odmor i uopće ne razmišljati o trudnoći. Opustiti se i uživati. Liječnik je bio u pravu.

Nakon povratka kući – mjesečnica je kasnila tri tjedna. Budući da to nije bilo prvi put, odlučila je ipak pričekati s kupovinom testa, kako se ne bi razočarala. Nije mogla vjerovati kad je test pokazao dvije crte, ali je odlučila reći mužu tek kada obavi prvi ginekološki pregled.

Bližila im se godišnjica braka. Nika je zamotala test u kutijicu i htjela ga kao poklon svečano uručiti. Voljeli su jedan drugome spremati takva mala iznenađenja.

Taj dan su Geru, nažalost, zadržali na poslu i jako se žurio doma. Otkuda je dojurio autobus - nije uspio shvatiti. Beživotno tijelo su priključili na aparate za reanimaciju. Nije bilo previše nade.

Stjepan Sergejevič se uvijek brinuo o svom zdravlju. Nikad nije pušio, umjereno je pio – suho vino i to samo praznicima. Redovito je vježbao, nije imao ljubavnih izleta. Otkako je oženio Mašu, prije pedeset pet godina, živjeli su u skladnom braku.

Djeca su im za zlatni pir poklonila zaista zlatni poklon – malenu vikendicu izvan grada. Na obali rijeke, pokraj šume. Nakon pet godina Stjepan Sergejevič je tu kućicu odlično uredio. Nešto je čak sam renovirao. Iako je trideset godina radio kao inženjer u uredu – ruke mu nisu rasle „iz dupeta“. Pomogao je i zet koji je imao svoju malu građevinsku firmu, ali Stjepan Sergejevič ga nije htio previše gnjaviti. Zvao je u pomoć svoje stare prijatelje. Neke je poznavao još iz škole, ali najviše su opstala prijateljstva s fakulteta. Muško se društvo okupljalo ne samo zbog rada na vikendici, nego kako bi se i družili na svježem zraku bez svojih boljih polovica.

Njegovu ženu taj poklon nije baš oduševio, ali smatrala je korisnim odmor od kućnih obaveza, dok se muž bavi kućicom. Bez obzira što je imala sedamdeset pet godina, jako je držala do sebe. Voljela je otići s prijateljicama u kazalište, na koncert ili na izložbu jer muža na to nije mogla nagovoriti. Najmlađa unuka je već upisala fakultet, tako da bakina pomoć više nije bila potrebna. Došlo je vrijeme živjeti „za sebe“. Koliko je toga "za sebe" uopće i preostalo. Život je ušao u bezbrižnu kolotečinu i ako se posreći, zdravlje bi moglo poslužiti još desetak godina.

I eto sad, Stjepan Sergejevič u rukama gužva papirić na kojem piše kako hitno treba u bolnicu na kompletne pretrage.

Nakon mjesec dana Veroniki su javili, da se Gera probudio. Stanje je teško, ali stabilno. Preživjet će. A prošao je i kritični period trudnoće u kojem je velika mogućnost za pobačaj.

Te posebne pretrage na koje je poslan Stjepan Sergejevič pokazale su da je stanje vrlo ozbiljno. Liječnici su obećali napraviti sve što je u njihovoj moći – ali oni nisu čarobnjaci. Možda će poživjeti još pet godina, a može “otići” za nekoliko mjeseci. Žena je povukla sve medicinske veze i Stjepan Sergejevič se ubrzo našao u bolnici. Odlučeno je operirati iako su neki stručnjaci smatrali, kako nema smisla jer su se metastaze previše proširile.

U bolničkoj sobi je Stjepan Sergejevič upoznao duhovitog Geru. Bez obzira na to što su liječnici rekli, kako su nakon tako teške prometne nesreće najbolja opcija - invalidska kolica, Gera nije klonuo duhom. Svaki put kad mu je dolazila trudna žena govorio je trbuhu kako će njih dvoje igrati odbojku, klizati se i planinariti.

Operacija Stjepana Sergejeviča je s obzirom na prognoze prošla iznenađujuće dobro. Liječnici su se bojali prognozirati, ali sada su mu davali već sedam, umjesto prijašnjih pet godina života.

Nakon mjesec dana cijela se država probudila u drugoj realnosti. Faktor koji određuje nastavak društvenog života, postala je riječ “Korona virus”. Nisu stigli ni okom trepnuti i bolnica se našla u karanteni. Odjel u kojem su ležali teški bolesnici su pokušali maksimalno izolirati, ali je situacija ipak izmakla kontroli. Gerina su pluća jako stradala u nesreći i jako je teško disao. Stanje Stjepana Sergejeviča isto se pogoršavalo iz dana u dan. Rodbinu naravno nisu puštali na odjel, ali Maša je opet potegnula svoje veze pa su u sobu dobili jedan od dva dostupna respiratora za ventilaciju pluća.

Gera nije dolazio svijesti od jutra. Kada je Stjepana Sergejeviča vizita došla priključiti na respirator, on je samo uperio prstom u susjedni krevet:

- Geru prikopčajte. On će za par mjeseci dobiti sina.

Nakon tri mjeseca su istog dana izašli iz bolnice. Gera, na štakama iz rehabilitacijskog centra, a Nika iz rođilišta. Dječaka su nazvali Stjepan.

СОДЕРЖАНИЕ / SADRŽAJ

Реконструкция / Rekonstrukcija

Мари / Mari	стр. / str.	7
Катя / Katja	стр. / str.	13
Зоя / Zoja	стр. / str.	19

Проекция / Projekcija

Ирина / Irina	стр. / str.	27
Леся/ Lesja	стр. / str.	33
Таня/ Tanja	стр. /str.	39

Компиляция/ Kompilacija

Лера / Lera	стр. /str.	45
Светлана / Svjetlana	стр. /str.	51
Шурета / Šureta	стр. /str.	57

Моделяция / Modelacija

Вера / Vera	стр. /str.	63
Мама / Mama	стр. /str.	69
Наталья / Natalija	стр. /str.	75

Замена / Zamjena

Женька / Ženjka	стр. /str.	81
Сонечка / Sonečka	стр. /str.	87
Яша-Яна / Jaša-Jana	стр. /str.	91

Милосердие / Milosrđe

Тася / Tasja	стр. /str.	101
Тамара / Tamara	стр. /str.	107
Вероника / Veronika	стр. /str.	113

Катарина Тодорцева-Хлача работает в Городской библиотеке Загреба, является главным редактором русского журнала «Летопись» в Хорватии, который выходит с приложением для детей «Колобок». Эта книга – первый опыт работы в жанре «чистой» литературы, так как в основном пишет материалы для русского журнала, колонны для хорватских изданий, занимается переводами.

Katarina Todorčev Hlača radi u Gradskoj knjižnici Zagreb. Glavna urednica ruskog časopisa „Ljetopis“ u Hrvatskoj, te časopisa za djecu „Kolobok“. Ova knjiga je prva koja je napisana u žanru „čiste“ književnosti jer uglavnom piše članke za novine, kolumne, eseji i prevodi s hrvatskog jezika na ruski.

Владимир Шорохов, тюменский художник, работает в авторском стиле. Он рисует линией. Его графические работы пластичны, поэтичны, гармоничны. При минимуме линий он создаёт прекрасный утончённый образ. А изображает он в основном женщин. Легких, завораживающе таинственных и холодно-прекрасных. Его работы послужили естественным дополнением к «женским» рассказам.

Vladimir Šorohov je slikar iz ruskog grada Tjumenj koji radi u neobičnom autorskom stilu. On slika linijom. Njegove grafike su plastične, poetične, harmonične. Uz minimum linija on stvara prekrasan istančan lik. A slika on uglavnom žene, lagane, primamljivo tajanstvene i hladno-prekrasne. Njegove slike su harmonično nadopunili «ženske» priče.